

НУРСУЛТАН НАЗАРБАЕВ

В ПОТОКЕ ИСТОРИИ

НУРСУЛТАН НАЗАРБАЕВ

В ПОТОКЕ
ИСТОРИИ

АЛМАТЫ «АТАМУРА» 1999

ББК 66.3(2)К

Н 17

Н17 Назарбаев Н.А.
В ПОТОКЕ ИСТОРИИ. – Алматы: Атамұра, 1999. –
296 стр.

ISBN 5-7667-8458-9

Н $\frac{0803010200 - 1}{418(05) - 99}$ Без объявл.

ББК 66.3(2)К

ISBN 5-7667-8458-9

© Назарбаев Н.А., 1999

© Издательство «Атамұра», 1999

Когда июльское солнце неистовствует на степных холмах, слышится только едва заметный шелест умирающих от зноя трав. Все живое уходит в тень и застывает в ожидании благословенной вечерней прохлады...

В этой сухой неподвижности на замершую вершину вдруг падает прихотливо меняющая очертания тень степного беркута. Невольно вглядываешься в слепящее небо и видишь одиноко парящий силуэт в уплывающем прямо в космос пространстве. Где-то там, в потоках восходящего воздуха, парит эта гордая птица, медленно обозревая подвластную ей и только ей в эти мгновения небесную и земную стихии. Но обманчивая медлительность прерывается стремительным броском на сотни метров и горе тому, кто поддался магии этого завораживающего полета...

Сколько таких одиноких обитателей воздуха поглотили время и природа, и все же век за веком это несгибаемое племя небесное парит над степью, предаваясь охоте и полету. Сколько чудесных и ужасающих картин проплыло перед взором равнодушных до человеческих радостей и печалей созданий. Из голубой дали пространства и времени чудятся и великолепие старинных городов, о коих напоминают лишь таинственные полуразрушенные стены, и растянувшиеся на сотни километров самые грозные в истории двух тысячелетий кон-

ные легионы покорителей Евразии, и мирное дыхание джайлау, и звонкая песнь номадического менестреля, и вечная, казалось, сотворенная не человеком, но самим Всевышним, наполненная трудами и радостями, победами и поражениями жизнь степняка.

** * **

Не случайно из миллионов беркутов, вылепленных из плоти и крови, один символический беркут обернулся золотым образом на небесном фоне флага Казахстана. Природа, ландшафт, память слились воедино в этом смелом и емком символе. Казахи в потоке истории...

Если бы политики отвечали только на вызовы современности, то судьба первых была бы намного проще. Драма действующего политика состоит в том, что шлейф истории незримо присутствует в каждом его деянии или высказывании, будь то разрушительный или созидательный акт. Не имеет особого значения — сознает это или нет сам актер политического театра. Важно другое — постоянное присутствие этой невидимой силы, то проявляющейся, то затемняющей смысл сугубо практических и сиюминутных дел.

Мое обращение к прошлому продиктовано пониманием этой исторической “загрузки” сегодняшних событий.

Особый смысл такое обращение приобретает в многонациональных обществах. Позволю себе несколько механический, но ясный образ. Мы строим полиэтничное государство с равными правами и возможностями для всех. В этой роли Президи-

дент страны, как гарант Конституции, несет ответственность перед всем народом Казахстана, перед всеми 130 национальностями и народностями.

Но в то же время, будучи казахом, я должен помнить о пяти веках собственно казахской истории, если начинать с момента возникновения казахской государственности. Кроме того, нельзя забывать и об исторической колыбели всех тюркских народов – Тюркском каганате, а это означает временной промежуток в 1500 лет ...

Президент лично отвечает за то, чтобы его нация не исчезла в ближайшие 100-200 лет, как это было со многими тюрками Алтая в этом веке, а как максимум, расцвела и заняла достойное ее истории место в мировой семье других народов.

Задача состоит в том, чтобы суметь “вписать” огромное тело национальной культуры на очередном крутом вираже в полотно истории. В то же время движение на этой огромной и динамичной “магистрали современности” не позволяет пользоваться архаическими методами. Иначе в поисках прошлого можно потерять будущее. Эта дилемма не столь проста, как представляется на первый взгляд.

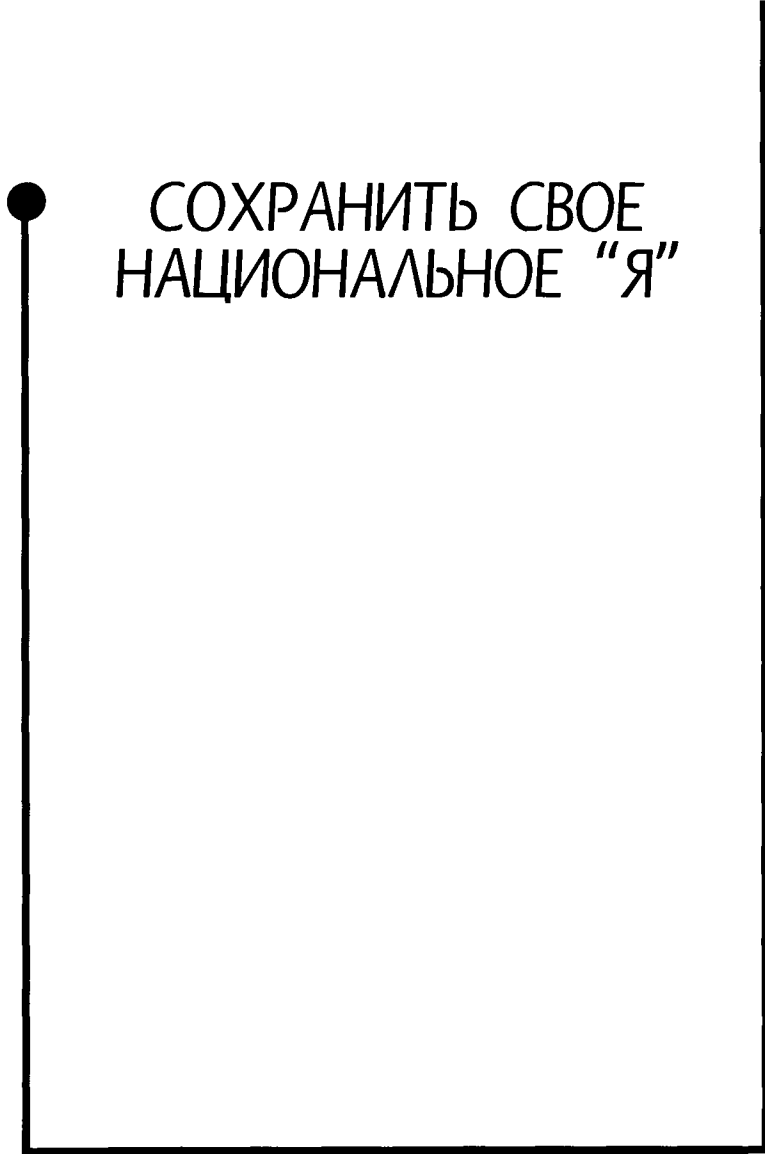
Вне осознанного отношения к истории невозможно даже осмыслить эту дилемму. Это и послужило побудительным толчком обращения к некоторым фундаментальным урокам прошлого.

Простые и вечные вопросы – кто мы и откуда, куда ведет нас порой мистически туманный, а порой ослепительно очевидный дрейф истории? Ответить с исчерпывающей ясностью на эти вечные для каждого народа вопросы может толь-

ко сам творец. Историк или писатель, взваливая на плечи эту нечеловеческую задачу, всегда рискует остаться в памяти последующих поколений наивным мечтателем.

Зачем же политику браться за столь хлопотное дело? Как говорится, “Что ему Гекуба?”. Дело хлопотное, но абсолютно необходимое. Ведь история не как предмет археологических изысканий, а как способ понимания современности всегда несет в себе капризный плод по имени “политика”. Самые острые вопросы нашего бытия за несколько сотен дней до третьего тысячелетия — в чем состоит наша национальная идентичность, какая модель отношений культур современного Казахстана оптимальна, какие скрепы держат наше национальное сознание, как сохранить в стремительно меняющемся мире свое национальное “Я” — ведь все это вопросы политической реальности, но ответ затаился не столько и не только в современности, сколько в темных и прозрачных водах истории...

Судьба последнего номадического материка в центре Евразии, национальное самосознание и тайна могильников на семи холмах, тоталитаризм и великий правитель Бейбарс, диаспоры современного Казахстана и средневековая Индия, национальная консолидация и “Алаш” — все это причудливым образом переплелось в истории великого народа, давая силы и в непростые дни, переживаемые нами сегодня...

● СОХРАНИТЬ СВОЕ
НАЦИОНАЛЬНОЕ "Я"

Оглянись на себя,
и подумай о том:
кто ты есть,
где ты есть,
и куда же потом?

Омар Хайям

Наивные времена “проектного планирования нации” прошли. И не только потому, что этим грешили в истории двадцатого столетия тоталитарные государства, но и потому, что пришло понимание фундаментального факта. Нации — это живые организмы, управляемость развитием которых имеет социобиологические и культурные ограничения. Выращивать нации как грибы не только бесполезно, но и невозможно. К тому же уникальность каждой нации часто перевешивает возможности неких общих рецептов. Так что в известной поговорке, суть которой сводится к тому, что хорошо для одного — смерть для другого, сокрыт здоровый национальный скепсис по поводу универсальных рецептов.

Однако понимание общих тенденций применительно к национальной сфере, безусловно, необходимо. Без этого нельзя определить общую логику государственного развития.

* * *

И в связи с этим становится понятным — почему столь большое внимание уделено в этой книге вопросам культурной стратегии. Ведь ба-

зовым условием нашей национально-государственной политики является вопрос о собственном самопонимании.

Мы должны признать, что внутренняя разнородность, с одной стороны, и внешние воздействия культурного порядка, с другой, способствуют тому, что культурная целостность казахской нации далека от идеала.

В случае бездействия нас растащит на кусочки сама движущаяся история, так как разные “культурные острова” внутри казахской нации будут объективно дрейфовать к иным центрам притяжения. Преуменьшать значение этой проблемы нельзя. Поскольку в мою задачу не входит культурологический анализ ситуации, это значительно лучше сделают профессионалы, хотелось бы поделиться наблюдением политика.

* * *

Когда мы говорим о разных культурных влияниях, независимо от позитивной или негативной направленности такого влияния, мы попадаем в ситуацию пассивного потребителя. Я бы сказал, в императивы обстоятельств, пусть даже глобального характера. Но ведь кроме этих императивов есть и наши конструируемые национальные цели. И для политики это очень важное различие. Что важнее — подчиняться обстоятельствам или достигать наших сокровенных и стратегических целей?

Вопрос поставлен неверно и, к сожалению, многими интеллектуалами, причем не только в Казахстане, он так и формулируется. Это вопрос, который ставит “разорванное сознание”. Происходит фиксация нынешнего состояния того же казахского национального сознания и выводится противостояние с пресловутыми императивами обстоятельств, то есть внешних и внутренних давлений на это сознание. Но ведь упускается из виду принципиальная особенность национального сознания – его способность к развитию.

Эта неустойчивость, текучесть национального сознания порождает немало вопросов для практической политики. Встают, по крайней мере, три непростые проблемы.

Во-первых, какой сценарий развития событий соответствует стратегическим национальным интересам? Во-вторых, какие иные варианты развития ситуации заложены в реальном историческом процессе? В-третьих, какова степень реалистичности, реализуемости желаемого варианта?

Поэтому правильно сформулированный вопрос должен был бы звучать иным образом: “Как добиться сохранения и развития казахской национальной идентичности при любых, достаточно реалистических, обстоятельствах?” Конечно, это максимально широкая постановка задачи. Но какого объема должны, интересно, задаваться вопросы, когда речь идет о нации и государ-

стве в контексте опасностей со стороны “движущейся истории”? Ведь шутить или ошибаться в этом деле недопустимо. Вопросы должны быть адекватны самим этим опасностям. Как говорили древние: “Здесь Родос, здесь прыгай”.

* * *

Для казахских гуманитариев нет сегодня задачи более актуальной, нежели проложить дорогу в этом колоссальном поле взаимодействия национальной идентичности и динамичных императивов времени. Это ведь не только политическая проблема, но и научная. А потому превосхищать труды ученых— задача для политика неблагоприятная. Я только пытаюсь изложить характер проблем, с которыми приходится сталкиваться не столько в форме текстуального творчества, сколько в плане принятия конкретных решений.

Сегодня же бросается в глаза полнейший эклектизм в осмыслении места казахской нации в современном мире. Сразу делаются попытки построения глобальных теорий, целью которых является поиск казахской идентичности в контексте мировых тенденций.

Такие глобальные изменения, как постиндустриальное общество, столкновение цивилизаций, успех либерализма, неоконсерватизм проецируются без какого-то исторического и

географического ограничения сразу на казахскую нацию. Как будто у нас нет сегодня проблем поважнее, чем неоконсерватизм! Иными словами, происходит некритическое расширение проблемного поля казахской нации.

С другой стороны, есть и попытки, кстати, даже более распространенные, погрузить казахскую историю в собственный автономный мир с красивыми, но устаревшими идеологемами. Анализ казахских проблем, особенно казахской этничности, через призму норм и ценностей кочевого общества есть неправомерное сужение проблемного поля казахской нации. Ведь если даже условно отбросить в сторону вызовы современности, то сама казахская нация никогда не была замкнутой, изолированной. Она волею судьбы и неба была открыта разным влияниям и тем не менее сумела сохранить национальный смысл, отнюдь не сводимый только к номадизму и традиционализму. «Певцы» традиционализма забывают о том коварном свойстве истории, что и традиции когда-то были вызывающей неприятие новацией...

* * *

Для того, чтобы оставаться “в круге реальности”, необходимо отойти и от чересчур расширительных, и от чересчур локальных представлений об истории и современности казахов.

И здесь имеются, по крайней мере, две составляющие такого подхода. Первый, это собственно исторический компонент. Подходы, используемые сегодня, сводятся к делению национальной истории на традиционное кочевое общество, пребывание в рамках Российской империи, советский период, и, наконец, казахскую нацию в условиях независимости.

К сожалению, простота не всегда совпадает с истиной. Действительно, можно ли сводить нашу традиционную историю только к номадизму. Сегодня это вызывает все больше вопросов. Наличие развитой системы городских поселений на территории Казахстана, как в период глубокой древности, так и во время этногенеза собственно казахской нации, не позволяет столь однозначно трактовать наше прошлое. К тому же целые зоны имеют многовековые традиции оседлости. Наконец, сама трактовка номадизма является не столь однозначной, как это представлялось даже десяток лет назад. Поэтому, оценивая казахскую историю в этот наиболее продолжительный период этнического существования, мы должны отказаться от целой массы стереотипов и адекватно осмыслить, какие особенности традиционного казахского общества “впечатались” в современный облик нации и в чем особенности этого многовекового влияния.

Радикального переосмысления требуют и вопросы так называемого колониального и со-

ветского периода существования казахской нации. Вопрос не в утверждении очевидных истин типа банальных утверждений о том, что не только царская Россия была тюрьмой народов, но и СССР не был раем. Вопрос в другом — в генетическом сходстве обоих периодов национальной истории. И смена общественного строя во многом усилила уже существовавшие тенденции, придав процессу разрушения национальной культуры и национальной системы в целом впечатляющий масштаб тоталитарной мультипликации.

По-видимому, для понимания особенностей функционирования казахской нации как непрерывной этносоциальной системы важнее понять принципиальное сходство имперской и советской колонизации, нежели акцентировать внимание на принципиальных различиях.

Конечно, был в начале века короткий период, последовавший за Февральской революцией, когда для Казахстана появилась историческая возможность радикальной смены отношений с метрополией. Но этот период, как известно, закончился Октябрем. Идеализировать ни тот, ни другой период нет никакой необходимости. И в том, и в другом случае речь шла о типичном наборе методов военного, хозяйственного, культурного покорения казахской территории. И многие тенденции, наметившиеся в девятнадцатом столетии, получили логическое завершение в двадцатом веке.

Оценка нашей национальной истории, конечно, для удобства исследователей и методологических соображений будет базироваться на прежней схеме, но понимание единства всего периода колонизации, при всех различиях механизмов и исторических обстоятельств, должно многое прояснить в судьбах казахской этничности. Ведь ближайшие “исторические следы памяти” особенно значимы и непосредственно накладываются на поведение, оценки, смысловые картины мира, в том числе казахского миропонимания.

Наконец, последнее десятилетие национальной истории, те семь лет, что означали обретение утраченной столетия назад государственности, имеет свою внутреннюю логику, свой уже неизгладимый след в национальном сознании. Помимо правовых, экономических или политических новаций, этот период результативался в глубоких изменениях психологии нации, осознавшей свое место в истории. Роль этих психологических изменений пока не выявлена в полной мере. И полагать, что все они несут только позитивную окраску — значит выдавать желаемое за действительное.

Но в целом направленность этих психологических сдвигов очевидно позитивна — казахи получили твердые психологические основания рассматривать свою нацию как самостоятельный и независимый субъект глобальной истории. Утрата этого ощущения своей исторической перспективы столетиями ломала, деформи-

ровала национальный характер, заставляла гениальных сынов и вождей казахского народа биться над проклятой ловушкой истории, когда физическое сохранение этноса требовало подчиняться историческому компромиссу. В последнем десятилетии двадцатого века казахи вновь обрели это полнокровное дыхание свободной нации...

* * *

Другая же составляющая реалистического подхода заключается в том, что необходимо столь же внимательно оценить собственно культурные влияния на казахскую степь.

Двухсотлетняя культурная “вакцинация” привела к искаженной картине культурного диалога Степи и окружающего мира. Словно казахи были только частью некоего культурного полуострова, омываемого с юга, востока и юго-запада океаном бескультурья. А вся история культурного развития Степи, якобы, есть история постепенной диффузии культурных новаций с севера на юг.

Это неверное представление в глобальном и континентальном масштабе давно преодолено, и кормиться подобными рассуждениями сегодня есть просто моветон для любого цивилизованного ученого или политика. Но, применительно к Казахстану, некоторые рецидивы подобной “культурологии” все еще остаются частыми и,

что самое удивительное, со стороны местных, так сказать, политологов. А порой можно вообще услышать кликушеские выкрики о том, что теперь, мол, всё, полный конец с отрывом от культуры бывшей метрополии.

Мое отношение к великой, без всяких оговорок и скидок, русской культуре и тому, что она дала казахам, известно. И я не сторонник скороспелых прозрений тех, кто только вчера писал пухлые монографии о величии русской литературы, а сегодня плюется в сторону всего, что идет с севера. Эти хамелеоны не менее отвратительны, нежели доморощенные манкурты.

Речь идет о другом. О том, что казахская степь и казахские города были перекрестком диалога великих культур Юга и Востока, Севера и Запада. И так было всегда — от Бабуров до Бейбарса, от Ельтутмиша до Валиханова. Казахская культура, как культура наших тюркских предков, всегда была синкретична, а не сводилась к одному, пусть и значительному, влиянию. А потому поиск духовных оснований “национального поля” открывает веер возможностей, а не определяется унтер-офицерской палкой или субъективными вкусами отечественных кликуш.

Нужно быть на редкость малообразованным человеком, чтобы не знать хотя бы на уровне общих сведений, что казахская земля была территорией колоссальных культурных новаций евразийского масштаба — от военных технологий до способов конструирования жилья и раз-

ведения скота, от уникальных технологий в металлургии до выдающихся памятников литературного творчества. Все это не могло бы состояться без многообразных и длительных контактов с самыми разными народами и цивилизациями. Здесь, на пыльных дорогах средневекового Казахстана уходили в вечность, даже не подозревая об этом, мистики школы Яссауи; рыжебородые персидские купцы, торившие путь не только товарам, но и непревзойденной по изысканности любовной лирике Саади и Руми; воины грозного Чингисхана и администраторы Поднебесной империи...

Сколько культурных влияний переплавил эта земля и сколько породила сама – это вопрос интригующих открытий и прозрений. Но абсолютно неопровержим один факт: культура казахской степи представляет собой сложнейшее и многоуровневое явление с глубочайшей исторической традицией. Только такой подход позволяет точно понять, что есть “казахское” в сфере культуры. Понять один из важнейших участков поля национального действия.

* * *

Оптимистический взгляд на будущее нации, на возможности сохранения ее собственного “Я” – не порождение очередной оптической иллюзии. Мы имеем серьезные основания для подобного оптимизма.

Во-первых, “консервация” традиционного уклада жизни вплоть до начала двадцатого столетия, несмотря на все давления и деформации, способствовала сохранению мощного этнокультурного сознания. Образно говоря, мы не расплескали, в отличие от многих народов, виртуальное, подсознательное поле своей исторической идентичности. Во-вторых, казахи не смешивались в массовом масштабе с другими этносами. Ассимиляционная модель, по крайней мере для казахов на территории Казахстана, никогда не была преобладающей. Причин этому много, но здесь важно отметить то обстоятельство, что этот фактор сыграл определенную роль в плане развития национального самосознания. В-третьих, обретение собственной государственности со всеми ее атрибутами имело мощный психологический резонанс и привело к радикальному изменению самооценки и самопонимания казахской нации. В-четвертых, в силу этногенетической молодости и молодежной демографической структуры казахи имеют изрядный запас “этнической энергии”. Наконец, казахи имеют “критическую массу” в чисто количественном отношении для успешного выживания и функционирования в качестве полноценной нации в современном мире.

* * *

Если же ставить вопрос в более предметной плоскости и отвлечься от сугубо внешних воз-

действий, то поле национального действия определяется и оформляется тремя факторами.

Это прежде всего механизмы национальной интеграции и дезинтеграции. Внутриказахская дезинтеграция почти всегда была бичом божьим или историческим, резко ограничивавшим возможности казахской государственности. Разумеется, современные механизмы дезинтеграции несколько отличаются от тех видимых исторических примеров, которых в народной памяти тысячи. Но здесь важна не историческая ссылка на казахскую вековую болезнь, а констатация того факта, что дезинтеграционные тенденции и борьба с ними становится одним из ключевых по своей важности направлений национального действия. Развитие механизмов, институтов, ценностей внутриказахской интеграции — это задача не менее важная, нежели военное строительство или конструирование институтов внешней политики.

Далее, основные идейные конструкты, на которых базируется казахская национальная консолидация, в общем-то достаточно ясны. Это сохранение и развитие независимой государственности. Это развитие и реальное функционирование казахского языка в качестве государственного. Это территориальная целостность Казахстана. Самое удивительное, что обретение независимости произошло по историческим меркам только вчера, а обыденное сознание относится к этому факту как к некоторой много-

вековой данности. Понимание того, что независимость, территориальная целостность Казахстана, обретение реальной экономической, военной, информационной независимости есть процесс сложнейший и долговременный и требует напряжения всех сил нации, должно стать азбучной истиной для каждого казаха.

Наконец, в практическом смысле ясно, что политические идеи не могут “висеть в воздухе”. Необходимо ясное понимание в так называемых “локомотивных группах” казахской нации своей роли и функции в процессе такого национального конструирования. Я уже говорил о роли казахской интеллигенции в воспроизводстве и развитии национального духа. И ведь это касается не только творческой или научной интеллигенции.

Перед нашими глазами стоит великий исторический пример служения национальным интересам со стороны целой плеяды выдающихся исторических деятелей, государственников в истинном смысле этого слова — тех, кто уже в начале двадцатого столетия сформулировал цели развития казахской государственности. Об истории необходимо судить не только, а в нашем веке и не столько по завоеваниям, сколько по прорывам национального духа.

Мы можем с гордостью сказать, что поле национального действия, очерченное деятелями «Алаша» в начале столетия, получило развитие в конце века.

* * *

Злоключения библейского Иова стали хрестоматийным примером несчастий, обрушившихся на голову отдельного человека. Пожалуй, в мировой литературе или мифологии трудно подобрать образ целого народа, на голову которого обрушивались всевозможные несчастия на протяжении нескольких столетий и который при этом не сломился, а выстоял и построил собственную государственность.

Если задуматься над казахской историей не в свете пресловутых “вспышек в ночи” или идиллических описаний “цивилизуемой степи”, то поражает одно обстоятельство. Казалось бы, страшные демографические удары восемнадцатого столетия и коллективизация двадцатого века, слом государственности под давлением колонизации, регулярная чистка национальной элиты, невозполнимые культурные потери, маргинализация части казахского населения, интеллектуальные и эмоциональные драмы величайших казахов в национальной истории, — все это должно было привести к психологическому коллапсу и распаду национального поля...

Но произошло иначе. Казахи — наследники великих цивилизаций — сумели пронести свое национальное “Я” над всеми историческими пропастями и впадинами. И не только пронести, не только сохранить, но и приумножить.

Случайно ли это? К мистике в исторических

объяснениях прибегают, как правило, при отсутствии достоверных аргументов. Нам к мистическим силам обращаться нет никакой необходимости. Сохранение “казахской самости” есть вещь рациональная и твердо стоит на исторической почве.

* * *

Во-первых, казахский этнос формировался столетиями. Он не пришел на эту землю в ходе каких-то колонизаций или завоеваний. Глубина исторического горизонта казахов очень велика. Она отнюдь не ограничивается временными рамками образования первого казахского ханства. Эта устойчивость в истории, привязанность казахов к своей этногенетической территории сыграла огромную роль в различные периоды нашей истории. Не было на земном шаре силы, которая заставила бы всю казахскую нацию уйти с этой земли. И в демографическом, и в миграционном, и в культурном смыслах.

За нашими плечами стоят ведь не только поколения наших предков до седьмого колена, за нами стоят и те, кто нес образ казахской степи на берега Инда и Нила, Волги и Дона... Эта историческая многомерность и дальнорзкость казахского духа пока мало оценена. Между тем, в толще народного сознания она присутствует в неких архетипических формах и всегда имеет силу.

Во-вторых, несмотря на жесткий социокультурный прессинг, никому не удалось сломать механизмы национально-культурного воспроизводства. Казахская литература и музыка, фольклор и живопись то в размеренном ритме великой поэтической традиции, то в лаконичном стиле музыкального кода, а порой и в глубочайших духовных прорывах не просто воспроизводили особенности национального сознания, но и семантически расширяли его. Потому-то и культурный универсум современного казаха значительно глубже и шире того, что имели наши даже наиболее продвинутые соплеменники начала столетия. Работа национального духа, часто не заметная за казенщиной тоталитарных излиятий лояльности, а порой взрывающая в силу своей национальной энергетики сонную одурь эпохи (работы выдающегося казахского историка Е. Бекмаханова), продолжалась всегда.

В-третьих, высокий уровень национальной идентификации казахов. Казахи не поменяли за долгие годы ни своей конфессиональной, ни этнической идентичности. Устойчивость казахского самоописания, самоотнесения именно к своей нации поистине удивительна. Достаточно вспомнить тот простой факт, что мы были единственной республикой в бывшем Союзе, где наша доля в отдельные периоды составляла едва ли не треть всего населения. Даже при этих обстоятельствах абсолютно подавляющая часть казахов никогда не колебалась с выбором своей

национальной принадлежности. Поэтому я категорически не согласен с утверждениями наших пессимистов о размытости казахской идентичности. Вопрос состоит не в этом, а в том, чтобы наполнить эту идентичность, наряду со скрепляющими и фундаментальными элементами, современным содержанием.

* * *

Некоторые особенности национального сознания также могут пролить свет на тайну и живительную силу казахской картины мира. Духовный мир казахов во многом складывался под воздействием устной поэтической традиции. Этот невероятный для многих современных народов поэтизированный мир тысячекilометровых пространств выходил далеко за рамки собственно художественного жанра и эмоционального понимания. Он нес в себе огромный заряд рациональных элементов. Поэтому казахское поэтическое творчество имеет колоссальный познавательный потенциал. Поэтому почти всегда оно приближается к форме стихийного философствования.

Поэзия в казахской степи никогда не была уделом только степных певцов, она пропитала все поры казахского культурного тела.

Колоссальная роль устной народной речи принципиально важна для понимания казахов как этнокультурной целостности. Но не в фор-

ме бытовой речи на уровне обыденного общения, а в рассудочной, свойственной творческим формам человеческого общения. Животворящим центром “казахскости” стала звуковая речь.

Таким образом, сложилась уникальная ситуация – в течение долгих столетий творцом своей духовной самобытности выступало абсолютное большинство народа, а не только его элитные слои. Такое в мировой истории встречается очень редко. Это было поистине демократическое по содержанию, по существу явление, оказавшее фундаментальное воздействие на формирование специфики казахского мировоззрения.

Отсюда и демократизм казахской литературной речи, и ее поражающая чеканной медью афористичность. Отсюда и синкретизм казахского языка, не подчиняющийся жестким законам цехового разделения по профессиональным особенностям.

Народный фольклор, устное народное творчество в передаче и обработке как великих акынов, так и тысяч безвестных авторов, выступал своего рода институциональной средой, заменяющей отсутствие массовых образовательных учреждений. Это языковое творчество миллионов казахов параллельно выполняло и незаметную на первый взгляд функцию. Через языковое творчество каждый казах ощущал “особость” своей культуры, своего собственного “Я” и свою прямую включенность в стихию и гармонию родной культуры.

Редко какой народ мира может похвалиться, что его пастухи говорили языком князей. С этим, кстати, связана одна из упоминаемых проблем переводчиков с казахского. Они часто спрашивают у казахских литераторов — нет ли здесь некоторой натяжки. Нет. Ибо особенность казахского сознания, реализуемая через уникальное многомиллионное языковое творчество, в известной степени в том и состоит, что любой казах, живущий в поле родной культуры, способен оценить всю гамму художественных переживаний и скрытых семантических глубин казахского языка. Поэтому определенная литературность казахского языка и есть особенность национального стиля мышления. Разве мог казах потерять свое остро наточенное для язвительных споров и лирических откровений, философских размышлений и родовых панегириков оружие, способное становиться щитом и мечом в зависимости от обстоятельств, свой лаконичный и пространный, ироничный и страстный, “вечно новый и старинный” язык? Нет, конечно. А язык, в свою очередь, в силу его уникальных для казахов функций столетиями оберегал нацию как культурное целое.

* * *

Другая черта казахского сознания — его историчность. Распространенность исторических знаний среди народа была невероятно высокой.

Даже сегодня при наличии развитой системы образовательных институтов трудно говорить о таком уровне историчности массового сознания.

Эта система исторических знаний впитывалась с раннего детства в силу постоянного, пронизывающего сознание и психику рядового кочевника потока исторических, культурных событий. Массовый человек казахской степи имел панорамное историческое сознание, ибо его память, натренированная с детства колоссальными массивами устно передаваемого знания, удерживала огромные исторические пласты и представляла себе их зримо. Понимание и знание истории народа рождалось из личностного ее переживания.

Предки и их деяния представляли как современные и современные события. Не было большой дистанции, отстраненности исторических событий многовековой давности от событий личной жизни. Его индивидуальное сознание было насквозь исторично. Рядовой степняк был накрепко “впаян” в историю казахского народа. Он всегда мыслил себя как органичный элемент общей истории народа.

Конечно, это во многом объясняется медленностью изменений основных форм жизни кочевого общества, статичностью структурных элементов его организации, архитектоники его социального пространства. Но ведь кочевое общество периода расцвета нельзя сравнивать с индустриальными обществами, то есть в иных

историко-временных координатах. Классическое номадическое общество необходимо сравнивать с обществами, находящимися в одном и том же отрезке исторического времени. И вот в этом случае поневоле отмечается тот факт, что в период своей военно-политической гегемонии на огромных просторах казахской степи огромная масса кочевого населения была на более высоком уровне понимания своего места в системе движущейся истории, нежели окружающие народы.

* * *

Нельзя не отметить и такую особенность казахского сознания, как его открытость всему новому, непривычному. Основой такого мировосприятия явилось и то, что в обыденной жизни каждый «традиционный» индивид в степи вступал в столь разнообразные связи с природой и другими людьми огромного распаханного пространства, что зачастую просто трудно было найти жесткие универсальные формулы и ответы на все время возникавшие качественно новые ситуации. В силу этого массовое сознание казахов всегда было насыщено рассудочными сентенциями и тяготело к афористической отточенности.

Особенности казахского сознания, отраженные в самой простой речи, диалоге — это всегда стремление понять внутренний мир собеседни-

ка, вслушаться в ритм его мыслей и чувств, понять внутренние, скрытые основания взглядов собеседника. Это с одной стороны.

А с другой — нет слепой веры в безусловную правильность только своей позиции. Легко воспринимается то, что другая сторона может быть столь же равноценной, хотя ее позиция и не вписывается в привычные представления. Эта безусловная легкость, скорость и глубина восприятия чужих ценностей, понятий, иного миропонимания является ценной чертой казахского сознания. Особенно, если учитывать, что современный мир с его ускоряющейся динамикой требует как раз такого хорошо и быстро адаптирующегося типа сознания.

* * *

Но, кроме таких трудноуловимых в вещественном смысле явлений, как национальное сознание, были ведь и вполне фиксируемые механизмы передачи национальной памяти в казахском обществе.

Это прежде всего система обычного права — адат. Это патриархальная семья. Это родовые отношения.

Роль каждого из этих элементов трудно переоценить. Однако историческая судьба каждого из этих способов передачи национального и социального знания совершенно различна.

Первой подверглась разрушению система

обычного права. Административные и судебные реформы уже в XIX веке практически подорвали возможности степного обычного права.

Двадцатое столетие просто не оставило никакой сферы для применения этого эффективного для традиционной Степи способа регулирования общественных отношений.

Патриархальная семья, базировавшаяся на авторитете и особой роли аксакала, как главного хранителя и транслятора духовно-нравственных ценностей, имела огромное значение для прочности национального сознания. В силу чисто возрастной близости к миру национальной истории он пользовался непререкаемым авторитетом. Сила и мощь такого института геронтократии, конечно, немыслима для современных обществ. Однако огромную позитивную роль института аксакалов в сохранении национальной картины мира ощутили целые поколения казахов даже в двадцатом столетии. Но патриархальная семья, как механизм трансляции национальных ценностей, была просто размыта под давлением целого ряда естественных и неестественных причин, начиная со смены типа демографического воспроизводства казахов и кончая все ускоряющейся урбанизацией. Поэтому говорить о патриархальной семье как способе национальной консолидации, по крайней мере в нашем веке, можно только с большой условностью.

* * *

Поэтому наиболее значительным инструментом сохранения и передачи традиций для казахов являлся род. В истории не бывает школярского деления на черное и белое. Понимая ограничения и отрицательные стороны родового мышления сегодня, менее чем за год до прихода нового века, мы должны осознать колоссальную связующую роль родовой психологии в драматической истории нашего народа.

Так как перед родом были все равны, то все установления, нормы и обычаи, принятые в родовом коллективе, были священны и неприкосновенны. Традиции рода являются наиболее устойчивыми в сознании человека, так как сам уклад жизни не позволял ему жить иначе, как в коллективе, сообществе. Отсюда и поразительная живучесть обычаев и обрядов, норм и предписаний рода, сохранившихся и по сей день.

Знание своего рода, племени, своих предков в семи поколениях (“жеті ата”) являлось для каждого казаха обязательным условием осознания своей родовой идентичности, а через это и передачи традиций своего народа. Это, в свою очередь, выявляло и укрепляло чувство этнической идентичности казахов, не позволяя им ассимилироваться и потерять свой облик при всех перипетиях судьбы.

* * *

Казахстан до начала XX века в основном представлял собой традиционное кочевое общество, развивавшееся естественным историческим путем и сохранявшее сложившуюся целостность и органическое единство.

Основой номадической общины являлась семья, ее члены. Племя, семья, все ее члены — родные друг другу по крови и поэтому взаимодействия между ними не являются отношениями не связанных между собой единиц, строго разделенных друг с другом. Нет, они разные, но родные — неразрывные части единого тела семьи.

Истинная семья из нескольких людей являлась в то же время единым телом, единым организмом. Разные его части жили и пульсировали в полной физической, психологической, нравственной взаимосвязи.

Такая классическая модель семьи являлась естественной основой исторического сложения и более объемных органических сообществ — семей, кланов, родов, племени, совокупности племен, жузов и, наконец, самого казахского народа.

Поэтому, всякое такое сообщество, имеющее своей основой патриархальную семью, имеет свою душу и сердце, единые социохозяйственные и нравственные критерии, воплощенные в традициях.

В ту эпоху традиции передавались через

мифы, устное поэтическое творчество, преемственность нравственных и хозяйственных форм, через обряды, ритуалы.

Главное здесь то, что один человек — член семьи, никогда не воспринимался как отдельная единица, как неповторимый индивидуум. Он всегда был лишь одной из живых частей единого сообщества любого уровня — семьи, рода, племени, жуза или народа.

Казахский народ для своего устойчивого самоутверждения в специфических условиях кочевого общества вырастил внутри себя уникальный орган, позволявший ему уже десять веков сохранять себя как единое целое. Его цельное историческое тело сохранялось вне зависимости от наличия или отсутствия государственной оболочки. Речь идет о непреходящем знании каждым казахом “жеті ата” — семи предков, семи колен. Генеалогия для казахов в степи была как компас для моряка в море. Именно она оказалась единственно адекватной тем историческим, географическим, хозяйственным, политическим, экономическим, культурным обстоятельствам, в которых волей исторической судьбы находился казахский народ.

Знание своей родословной было как бы гарантией его жизни, когда он кочевал по степи. Уникальное родоплеменное, кланово-жузовое единое тело казахского народа веками органично разрасталось по принципу: все казахи — птенцы одного “гнезда”, ветви одного дерева, одного

корня. Вот откуда сознание единства народа, которое по европейским канонам должно было бы отсутствовать у разрозненных кочевников, разделенных на три основные части – жузы, к тому же отстоящих друг от друга на больших расстояниях. И это единство воспринималось именно через родословную.

В этом проявляется генетическое единство казахов, происхождение из единого генеалогического древа. Казахи-кочевники всегда считали обязательным знание своих корней и родовых связей. Это было возведено до единого для всей нации морально-этического критерия.

Так было всегда в нашей истории. Поэтому принцип “жеті ата” естественным образом обеспечивал этнобиологическую, этнокультурную, в целом духовную целостность всего казахского народа. Знание семи предков позволяло каждому на достаточную глубину проследить свои соседние ветви генеодрева казахов и вывести родственность всех казахов в целом. Тем самым сохранять его неразрывную целостность.

Как повлиял на казахский народ принцип семи колен и вырастающий из него институт родовых связей?

Во-первых, принцип “жеті ата”, институт родственных связей задавал каждому казаху и всему народу неустрашимую внутреннюю тягу к истине. То есть это был массовый разум народа.

Зная свою принадлежность к казахской на-

ции, свои семь колен, а через них свои роды и свой жуз, казахи в любом месте родной земли всегда осознавали себя среди единокровных людей, чувствовали себя членами одной большой гиперсемьи. Это особое степное знание, этот гиперсемейный разум были не просто уроком, заученным из букваря. Оно давало кочевнику возможность разбираться в названиях, местах обитания, степени и сферах влияния всех родов этноса.

Кочевье по беспредельной степи было богато бесконечными встречами с разными людьми, аулами и родами. При этом возобновлялись старые родственные связи или завязывались новые, выяснялось происхождение собеседника. Даже один контакт по принципу “жеті ата” между двумя людьми сильно увеличивал исторический кругозор каждого. Через сватовство с членами других родов и жузов народ приобретал свое единство.

Сегодня весь мир строится на современных сетевых технологиях. Но принцип “жеті ата”, институт родственных связей объективно выступал в нашей истории в роли своего рода степных биокомпьютеров сетевого типа, которые ежедневно сами расширяли свою память в тысячи раз. Такие ежедневные контакты, обмен родословными по принципу “жеті ата” постепенно расширяли кругозор казахов по истории рода, жуза, этноса и вели к самообразованию всего народа.

Более того, этот уникальный степной «сетевой компьютер» позволял обогащать в массовом масштабе совокупный разум нации точным знанием своей богатейшей истории. Ведь, действуя по принципу “жеті ата”, потомки знали не только перечень своих дедов, но и узнавали об их выдающихся делах, скитаниях, характере и даже физическом облике своих “баба” и их современников. Причем в памяти каждого казаха такая информация хранится так подробно, будто между предками и правнуками нет никакой многовековой дистанции.

В результате формировался единый разум нации как единой семьи, в которую как живые входят не только ныне живущие, но и все, кто сохранился в памяти через много поколений. Такой разум народа в каждом рядовом степняке зримо представлял историю, пропускал ее через свое сердце.

Тем не менее, здесь необходимо иметь в виду, что происходила мифологизация предков, особенно в глубь истории, понятная вследствие естественного человеческого желания приукрасить деяния предков перед другими сородичами, преувеличить их значимость.

Эта постоянная тенденция усиливалась отсутствием письменной традиции, позволявшей точно и объективно фиксировать происходившие события и действующие лица.

Во-вторых, принцип “жеті ата” повседневно и полнокровно задавал каждому казаху, всему

народу неустранимую внутреннюю тягу к лучшему, к идеалам предков, к вечному, к чему-то невыразимому и единому для всех казахов, то есть — к духовному отличию, вере народа. Это не холодная и не экзальтированная вера, а основанное в целом на конкретных фактах истории самоощущение каждого рядового номада.

Память о подвигах и поражениях, невзгодах и победах всех моих предков семи колен давала надежду, что и я могу преодолеть любые трудности на своем пути. Именно такая идеология жила в сердце каждого казаха.

Более того, духи предков — “аруахи” — мне в этом ежедневно помогают. Религиозные чувства и вера моя в предков — это мое кровное дело. Я знаю, что аруахи помогали им, я верю, что они помогут и мне. Вот как жили, по моему представлению, казахи классического традиционного казахского кочевого общества.

Следовательно, институт “жеті ата” выступал как орган передачи веры через многие поколения казахского народа из прошлого в будущее. Он вселял веру в лучшее, в какой-то единый центр, порождение и жизнедействие семьи, рода, народа. Таким образом, он был очень сильным и рациональным инструментом практической жизни казахов. Такая вера, заданная целой цепью непосредственных предков, являлась внутренней сущностью человека и существенно расширяла пространство, где он мог искать

и находить выход в возникающих жизненных коллизиях.

Такая вера позволяла и человеку, и народу в тяжелую годину не сужать поле выбора под давлением извне, а сохранять ясный разум, чистое сердце, спокойную совесть и на их основе находить блестящие выходы из труднейших исторических ситуаций.

С другой стороны, действия на основе прецедента, продолжавшиеся в массовом масштабе в течение веков, со временем образовали мощный пласт ритуальных действий, застывших мыслительных схем и нормативных поведенческих моделей.

Когда казахское общество по уровню социально-экономического и общекультурного развития стало отставать от окружающих народов, терпеть поражения от внешних врагов, будучи раздираемо внутренними противоречиями, попало в колониальную зависимость от Российской империи, словом, стало приобретать прочный опыт постоянного поражения, принцип “жеті ата” выполнил роль накопителя пораженческих настроений, подавлявшего волю народа и выковавшего за века выраженное осознание своей отсталости, национальную закомплексованность, имеющую возраст, по крайней мере, 300 лет.

Кроме того, сознательное унижение европоцентристами, во многом принятое и советской пропагандой и наукой, истории кочевников, ее

интерпретация как истории беспечного и ленивого, безынициативного народа, ведущего полуживотную жизнь, сыграло свою разрушающую и гибельную роль для казахского национального самосознания. Поэтому, если быть объективным, то перед нами стоит историческая по значимости задача восстановления самоуважения, написания объективной истории с ее положительными и отрицательными сторонами, ее победами и поражениями.

В-третьих, принцип “жеті ата”, институт родственных связей незаметно, но верно задавали каждому казаху и всему народу необоримую внутреннюю тягу к ответственности перед духом предков за свои поступки. “Малым – жанымның садағасы, жаным – арымның садағасы” – все мое богатство – ничто против моей жизни, жизнь моя ничто, когда речь идет о моей чести. Эта уникальная психологическая основа жизни кочевников была проверена веками и отточена до предела. В ней сконцентрировались поведение, ритуалы, морально-нравственные мотивы, нормы и оценки человеческого общения в степи. Все материально-духовные стороны жизни казаха, вся жизнь были регламентированы строгим изощренным этикетом межродственных связей, опирающихся на принцип “жеті ата”. В этот принцип был заложен еще и строгий моральный кодекс жизни казахов, основа традиций, ритуалов, обычаев и табу.

Межклановые, межродовые отношения оп-

ределялись сложившейся когда-то иерархией, которая в силу того, что жизнь постоянно развивается, становилась жесткой и отжившей структурой, не отвечающей новым обстоятельствам и действительному соответствию реально-го баланса сил.

Отношения родичей клановых и неклановых, как внутренние, так и межгрупповые, подчинялись строгому этикету, тщательно регламентировалась каждая линия по каждому субъекту – взаимные права и обязанности, уровень притязаний на почет и подарки, границы почитания, дозволенности и недозволенности, запреты и меры наказания. Определялись и взаимообязывающий тип поведения, тональность и атмосфера общения, пространственное расположение в юрте за дастарханом, очередность обслуживания гостей, очередность подачи блюд, меню и т.д. Были расписаны все возможные и даже чрезвычайно редко возникающие ситуации по шкале права, обязанности. Система прав и обязанностей выступала единым и цельным этикетом в полном смысле этого слова. Он служил нравственным каркасом для внутреннего упорядочения кочевой жизни номадов – наших предков.

Нормы родственных связей из разряда моральных категорий повседневности постепенно могли переходить в статус юридической меры. Меры наказания были разные, вплоть до самой тяжелой – отторжения из родной среды, то есть фактически полного исключения из членов еди-

ной гиперсемьи. Для нормального человека не было страшнее и позорнее наказания.

Тем не менее, рождались условия для “круговой поруки”. А ведь могло и бывало так, что отдельный человек или их группа правы, но в конкретной ситуации это противоречило интересам данного рода. В таком случае рождались коллизии между самой истиной и закостеневшим институтом родовой морали.

В-четвертых, принцип “жеті ата”, институт родственных связей ненавязчиво и глубоко задавали каждому казаху и всему народу сильнейший инструмент духовного единения. Принцип “семи колен”, хотя и совсем прост, был могучим определяющим ядром, сердцем этнической целостности на основе семейно-родственной любви. На земном шаре по сегодняшний день нет ни одного народа, кроме казахского, по неписаному степному закону запрещающего вступление в брак родственникам семи колен. Вот откуда исходят сильные генетические корни казахского народа, проистекающие из его мудрости.

Представители семи колен одного рода вступают в брачные отношения с представителями такого же, но другого рода. Именно поэтому, встретившись, два казаха из разных концов степи обязательно выяснят, что они родственники. Все казахи едины как дети одного корня, и поэтому они сородичи. При этом не важно, в каком колене. Это создавало единство всех казахов.

Дети, родившиеся в одной семье, через семь колен становились крупным родом.

Когда девушка выходила замуж, она вносила в новую семью особенности своего рода, его диалект, тепло родового очага, задушевность своей родовой среды, ее традиции, песни, танцы, легенды, особенности искусства ткачества, вышивания, рукоделия, особенности приготовления пищи, — все специфические отличия той среды, из которой она выходила. Не это ли создавало то единство традиций, единство языка и отсутствие диалектов, которые сегодня существуют на огромных просторах нашего государства?

Кроме того, ее приход в другой род был своего рода обменом искусством семейной любви и воспитания детей. Казахские дочери и матери обеспечивали этнос целительным теплом своего сердца, огнем своей любви, своей лаской и заботой и тем самым незаметно выковывали национальное, духовное, душевное, культурное единство казахского народа.

Там, где казах чувствует свои родственные обязанности перед своими потомками нескольких колен, тогда множество людей воспринимаются мною как любимые, родные и кровные существа и в ответ любят меня и отвечают мне тем же. Эта любовь выходит далеко за пределы семьи и рода, возвышаясь до уровня племени, жуза и, наконец, всего народа.

Когда семь колен разрастались, то приходила

пора отделения в самостоятельный род и в этом качестве вливания в общий этнос. Старики приглашали свидетелей из всех семи родов, принося в жертву белого коня и его кровью рисуя родовой знак — тамгу, родовой уран — боевой клич. Тем самым закреплялось новое чувство любви уже не на уровне своей семьи, а на уровне своего рода. Но ведь семь колен сородичей успевали пустить корни и в других родах. Поэтому каждый человек — ветка одного дерева — успевал сплестись и с другими ветвями единого древа казахов. Отсюда, естественно, следует, что целостность, базировавшаяся на любви, расцвете рода, служила основой любви ко всему народу. А любовь и могущество народа, в свою очередь, питали любовь и могущество рода.

Итак, как видим, принцип “жеті ата”, институт родовых связей исподволь и накрепко задавали каждому казаху и всему казахскому народу неодолимую внутреннюю тягу к истине, Богу, ответственности и духовному единству. Этот принцип дал в руки нации такие четыре важнейших инструмента ее самостроительства как Разум, Вера, Совесть и Любовь. Они и есть те инструменты, которыми Дух народа работает над его плотью.

Таковы были основные элементы ментальности казахов традиционного кочевого общества. С течением времени они подверглись существенной и качественной трансформации.

* * *

При постепенном размывании централизованной власти в условиях колонизации территории Казахстана род выполнял и функции власти, регулирующей многие проявления общественной жизни как на внутривидовом, так и на межвидовом уровне.

Навязанные внешние институты в лице колониальной, а затем и советской власти не отвечали внутренним национальным потребностям. Система родовых отношений стихийно выполняла эту функцию. Она оказалась способной охватить всю нацию – на уровне крупнейших подразделений – жузов, и на уровне региональном – подразделения внутри жузов, и на локальном – собственный род, семья и свое индивидуальное место – “Я” как потомок семи предков.

Тем самым, каждый казах как индивидуальный, живой человек, живущий прямо “здесь-и-теперь” мог иметь историческую, культурную память, быть связанным с историей всего народа как диахронно, так и синхронно – со всеми “здесь-и-теперь” живущими казахами на всех бескрайних просторах Великой Степи.

Понятно, что рядовой казах-найман с отрогов Алтайских гор не мог знать внутренние подразделения родов и племен западноказахстанских казахов, но определенно, наверняка, знал, что там живут казахи Младшего жуза. Тем самым каждый рядовой казах мог, благодаря сис-

теме родовых отношений, как бы обзреть всю необъятную казахскую степь как землю, населенную одним казахским народом. Более того, он был в своем самосознании индивидуальной, личностной его частью.

Система чуждых национально-государственных институтов не развивала общенациональное единство казахов, а, напротив, всячески использовала институты родового деления как механизмы дезинтеграции нации.

Несмотря на это, родовое деление оставалось одним из немногих механизмов, институтов передачи этносоциальной памяти народа. Да, именно нации, хотя это выражение выступает парадоксальным применительно к нации, а не к этносу. Но, таковы парадоксы самой действительной истории казахов.

Потеря национальной государственности не означает потери коллективной памяти народа, его ухода с арены истории как самоосознающего целостного исторического субъекта. Народ не канул в историческое небытие, не потерялся в реке истории.

Казахский народ как этнокультурная общность сохранился именно благодаря своей этноколлективной памяти, сохраненной в родовом делении. Эта операция “этнологической редукции”, проводимой каждым казахом, его индивидуальным “Я”, выступала вынужденной необходимостью, вставшей перед всем казахским народом и порожденной его трудной исторической судьбой.

Институциональное поле казахского народа было сведено до опасно нижнего уровня. И длительное время институтом национально-культурного самосохранения оставался институт рода.

* * *

В основе современной внутриэтнической дифференциации лежат причины прежде всего исторического характера.

Глубинные истоки связаны с особенностями казахской этнокультурной системы в прошлом. Классическая казахская этнокультурная система относилась к таким, в которой формирование личности происходило в рамках родовой общины. Поведение человека в родовой общине, несмотря на институт военно-кочевой демократии, было достаточно жестко детализировано и иерархизировано.

Косвенным свидетельством иерархичности казахской этносистемы являлось существование института “туленгутов” — людей, шедших в услужение. Состоя на службе у ханов или султанов, крупных и влиятельных баев, они сами могли быть очень состоятельными.

Вместе с тем, с начала услужения они теряли право принадлежности к роду, к которому они относились до этого.

Выход за пределы ближайшей человеку системы иерархии (рода) означал потерю горизон-

тальной солидарности — поддержки и взаимопомощи со стороны членов рода и дополнение другой, вертикальной, иерархией чужеплеменников без уравнивающей ее системы горизонтальной солидарности. В этой промежуточной ситуации человек находился в состоянии постоянного стресса.

Отсюда можно сделать вывод, что выход из сферы ближайшей иерархии (рода) означал серьезное ограничение свободы человека, утрату индивидуальности. Следовательно, сама свобода человека могла существовать только в рамках внутривидовой иерархии.

* * *

Роль имперской политики в использовании родовых противоречий также нельзя недооценивать. Принятие подданства России происходило, как показывает реальная история, вынужденно и навязывалось одновременно и поэтапно. Это также сказывалось на внутренних противоречиях казахской нации.

Окончательная утрата национальной независимости привела к подрыву экономических основ традиционного уклада жизни. Произошла ликвидация сложившихся местных институтов власти, отмена институтов ханов и султанов.

Страна была расчленена в политико-административном плане. Она стала объектом колониальной политики “разделяй и властвуй”.

Царизм с целью ослабления национально-освободительной борьбы казахского народа всячески разжигал межродовую борьбу. Особенно часто пользовались этим средством при выборах различных должностных лиц, стравливая при этом разные родовые группы.

Об этом немало написано в исторических и художественных произведениях. Казахский народ помнит об этой политике царизма. И этот иммунитет надо сохранить в будущем.

Реформы 1822 г. “О сибирских киргизах”, 1824 г. “Об управлении Оренбургскими киргизами” положили начало насильственному изъятию у кочевого населения луго-пастбищных угодий, которое продолжалось целое столетие. Массовое заселение степных зон переселенцами значительно сузило районы традиционных кочевий, нанесло огромный ущерб состоянию скотоводческого хозяйства, являвшегося источником существования основной части населения.

Результатом переселенческой политики царизма явилось перманентное уменьшение этнической территории казахской нации. Произошло сужение, дробление, ухудшение в природно-хозяйственном плане.

Это означало, что в местах расселения переселенцев терялась “этническая непрерывность”, приведшая к дисфункциям этносоциального организма, что существенно замедлило консолидацию казахского народа.

В развитии социально-этнических общностей этническая сторона обладает собственной, относительно самостоятельной логикой развития. Несовпадение темпов развития социальной и этнической сторон в генезисе социально-этнических общностей вызвано относительной самостоятельностью и инерционностью этнической составляющей. Это явление принципиального запаздывания смены этнических параметров по сравнению с социальными можно назвать “этническим шлейфом”.

Отсюда вытекает, что в один и тот же период социально-исторического времени в одном и том же обществе могут параллельно сосуществовать народы с разным “этноисторическим возрастом”, который показывает, на какой стадии этногенетического развития находится тот или иной конкретный этнос.

* * *

Но естественный интерес к своему прошлому принимает уродливые формы, когда за дело принимаются недостаточно компетентные специалисты, использующие период динамичного роста национального самосознания, всеобщей эйфории в результате начального этапа становления независимой государственности как возможность беспрепятственного свободного сочинительства, индивидуального самовыражения или возвеличивания своей родоплеменной группы.

В первые два года независимости Казахстана это явление приобрело самые широкие масштабы. Всюду и в угрожающих количествах появились доморощенные историки, с позиции “родовой кочки” пытавшиеся писать этногенез народа, его историю.

Вместе с тем в этой тенденции были и есть положительные стороны – накопление фактов, первичные обобщения по истории конкретных регионов и областей Казахстана, которые после критического анализа научными коллективами могут служить основой для фундаментальных работ по истории Казахстана.

* * *

Родоплеменная идентификация сегодня – это инерционное явление пройденного этапа этногенетического развития казахского народа. Задача нации сделать так, чтобы эта инерция служила консолидации нашего народа.

Основная масса казахского населения характеризуется в целом однотипностью политической культуры, в особенности признанием общих социально-политических норм и ценностей, представлений о власти, путях ее достижения и использования.

В частности можно выделить следующие общие социально-политические установки: национальная государственность; унитарное государственно-политическое устройство; террито-

риальная целостность республики; нерушимость границ страны; президентская форма правления; казахский язык как государственный.

Сама возможность построения государства, которое бы на деле защищало интересы казахской нации, подготавливалась веками предками казахов, понесших тяжелые утраты в войне с иноземными захватчиками, выстоявших в суровые годы этноцида 30-х годов, не сломавшихся в тоталитарное столетие. Потерю темпов в построении государства, в котором казахский народ мог бы жить полноценной жизнью, из-за любых споров и противоречий внутри нашего народа, ничем нельзя оправдать.

* * *

История в отличие от арифметических задач часто не имеет однозначного ответа. И, понимая колоссальную позитивную роль родовых институтов в прошлом, мы должны столь же четко оценивать вероятные негативные последствия акцентирования на родовых моментах нашей истории сегодня. Поэтому нет нужды драматизировать проблему, как это любят делать некоторые любители посудачить о казахских проблемах из-за своего невежества или по злему умыслу.

В сущности, обращение множества простых казахов к генеалогии есть стихийное культурологическое творчество, детерминированное фундаментальными сдвигами в самом основании

казахской нации, которая, развиваясь отныне в независимом государстве, должна осознать свои новые возможности в решении стоящих перед нею проблем.

* * *

История оставила нам непростое наследство. А времени для точного и быстрого ответа на новые вопросы остается все меньше. И среди таких вопросов едва ли не самый важный — это внутринациональная консолидация. Конечно, это и строительство новой экономики, и внешняя политика, и оборонное строительство. Однако в данном случае нас интересует несколько иная материя, а именно — сфера национального сознания, то, что происходит в национальной душе.

Объединяющим началом для всей казахской нации является и строительство казахстанской государственности с развитым патриотическим отношением к своему государству, и модернизация массового сознания, и консолидирующая роль казахского языка, и целенаправленная деятельность так называемых локомотивных групп, и восстановление исторического сознания...

* * *

Ведь, хотим мы или нет, нам жить и работать по законам современности. Так что лучше —

жить, вынужденно соблюдая требования рынка и современных технологий, оставляя свое сознание взаперти от дыхания творящейся “живой” истории, или жить в современном, а не мифологическом мире, каждый раз выбирая свой собственный осознанный путь, сохраняя при этом веками наработанную свою культурную определенность? Очевидно, что императивы времени, независимо от чьего-либо желания, будут все равно пробивать дорогу.

Да это и происходит уже сейчас. Поэтому модернизация массового сознания не есть тактическая политическая задача, а совершенно необходимое требование для всей нации.

Эта проблема особенно актуальна и в силу того, что национальное сознание сегодня представляет собой сложный конгломерат социалистических и традиционных взглядов при достаточно поверхностном усвоении некоторых либеральных идей. Пора понять простую истину, что модернизированное сознание отнюдь не противостоит национальному. Напротив, только модернизированное национальное сознание и гарантирует сохранение нашего национального “Я”! Ведь никто не спутает современного корейца с англичанином или японца с французом. Между тем за последние десятилетия и японская, и корейская нации провели успешную модернизацию национального сознания. Это общенациональная и консолидирующая задача, стоящая перед казахами в конце столетия.

Государственное строительство также не является сугубо формальной задачей. Это колоссальная, многолетняя и трудная работа нации по самоосмыслению.

История может подарить все, но независимость, как форму внутренней свободы, подарить нельзя. Независимость — это единственная форма бытия народа, осознающего и отвечающего за право быть субъектом в потоке мировой истории. Нельзя рассматривать этот вопрос только в статике. Меняется и мир, и народы, и люди, составляющие народ.

Институциональное оформление есть только внешняя фиксация внутренних глубоких изменений народа, осознавшего абсолютную необходимость свободного волеизъявления в истории. Народ, давший основания этой государственности, должен быть готов принять на себя ответственность за состояние дел внутри страны сегодня и в будущем.

Если наш казахский народ не выдержит трудностей и лишений, которыми всегда сопровождаются эпохи становления нового государства и соответствующих гигантских перемен в его истории, какие нам приходится сегодня совершать, то нас ждет крах надежд на крепкую государственность. Кроме того, возможно и саморазрушение нации.

Свободу творят сами люди, подчеркнем это

еще раз. Так что недопустимо переносить ответственность за ее сохранение на кого-либо. И каждый казах должен спросить себя: достоин ли этой свободы, понимает ли он ее, какие обязательства он лично должен взять на себя. Поэтому сегодня не является ни риторическим, ни претенциозным вопрос: “Что я лично делаю во имя независимости Казахстана, моей страны и моего народа?”. Ведь только прилагая личные сознательные и действительные усилия, мы имеем право спросить с других. Казахстану на пути независимого развития придется преодолеть еще немало трудностей.

Современная ситуация в мире так же не является ни спокойной, ни стабильной. Это влияет и на нас. Для реализации глубинных интересов нации необходимо руководство, основывающееся на мудрости, твердости и высоких идеалах.

Но все же считать государственное строительство исключительной прерогативой бюрократии легче всего. Но так реальная независимость никогда не строилась. Это всегда дело нации, это всегда общенациональный проект. Сегодня нет цели, более консолидирующей всю нацию, нежели строительство независимой государственности.

Понимание глубины своих исторических корней, законная гордость колоссальными по масштабу воздействия деяниями предков, преодоление всяческих синдромов тоталитарной

эпохи, восстановление адекватного исторического сознания также даст мощный импульс национальной консолидации.

В свое время европейцы на утлых суденышках плыли в неизвестность, бороздя гигантские водные просторы. Они очень резко расширили свой национальный горизонт и в немалой степени благодаря этому пониманию величия своей истории осуществили гигантский прорыв в национальном строительстве. Было это на воде...

Наши предки также успешно решали эти задачи — соединяли народы, покоряли пространство и время истории. Было это на земле...

Они постоянно перемещались на огромные, поражающие воображение расстояния. И это в столетия, когда отсутствовали современные средства перемещения! Тем самым они участвовали в этногенезе многих современных крупнейших наций. Они обогащали народы, с которыми вступали во взаимодействие, переносили обычаи, традиции, способы хозяйствования, религиозные доктрины, расширяли знание людей о природе Евразии, вырывали их из плена местных представлений. Вся духовная атмосфера тех времен дышала мифами и легендами наших предков. Эта эпоха была пронизана спецификой именно кочевого мира из-за того, что кочевники были господствующими. Сознание степной элиты и рядового воина-кочевника могло представлять собой целостную картину, где были объединены культуры, государственные

системы, обычаи и традиции, специфика народов, разделенных тысячами километров.

И это понятно, поскольку степняки были, например, в этом году у подножия Алтая или Алатау, а на следующий год в Крыму, после этого в Литве, а еще через год на Кавказе. И везде они принимали участие в важнейших событиях народов и государств. Это поразительно для сознания, исковерканного веками деформированного образования, но это доказывается современными историческими изысканиями, хотя, впрочем, было известно в науке достаточно давно.

Понимание своего места в истории, гордость предками не в масштабах родовой кочки, а в общенациональном смысле, осознание колоссального значения казахов и их предков в истории огромной Евразии, освобожденное от унижающих национальное достоинство ярлыков и стереотипов — это мощный и абсолютно современный способ национальной консолидации! Ведь наблюдавшаяся в недавнем прошлом культурная маргинализация части казахского населения, особенно активно соприкоснувшейся с другими этнокультурными системами, во многом связана с этой недооценкой собственной истории. Преодоление внутринационального культурного напряжения во многом связано с формированием единого отношения к национальной истории как источнику законной гордости и культурного самопонимания.

* * *

И, конечно, казахский язык, столь мощно консолидировавший нацию в самые сложные годы, сегодня в условиях независимости не может не быть инструментом национальной консолидации.

Казахская культура — одна из древнейших по истокам и оригинальнейших по содержанию культур огромного континента, без всякого преувеличения, в двадцатом столетии едва не осталась на грани уничтожения. Ключевые характеристики национального бытия, такие как язык, этнокультурная идентификация оказались под вопросом. Кто-то из великих прошлого сказал, что между творцами языка и утратившими его стоит поколение пассивно пользующихся языком. На массовом уровне емкий и пластичный язык, язык великих философов и прекрасных поэтов, язык, вобравший в себя весь многовековой и многообразный опыт кочевнической жизни с ее космической темой одиночества человека перед картиной звездного неба и вечным циклом жизни, воспроизводящейся в органической слитности кочевника и природы, оказался на грани функциональной деградации.

* * *

Когда в современном Казахстане ставится вопрос о возрождении казахского языка, это не

только проблема казахского народа. Есть по крайней мере три выходящих за пределы ограниченно утилитарного подхода задачи.

Во-первых, казахский язык во всем своем великолепии и мощи есть составная часть мирового языкового пространства. Достижения казахского языка — это часть общего семантического, смыслового богатства всего человечества. Также как и достижения украинского, узбекского или русского языка. Есть казахские слова, которых нет в словаре ни одного народа мира и только через казахский язык возможно понимание этого среза реальности. Развитие казахского языка — это мощный инструмент общегуманитарного порядка, это совершенствование одного из инструментов познания и оценки окружающего мира.

Нобелевский лауреат, поэт Иосиф Бродский, сравнивая английский и русский языки, которыми он владел в совершенстве, уподоблял первый зрелому мужу, а второй, кажется, юноше. Быть может в каких-то чисто филологических измерениях, да еще в заоблачных высях поэтических демиургов это имеет место быть, но в жизни народов каждый язык самодостаточно богат для выражения тончайших нюансов — от мудрых размышлений аксакала до размашистых суждений нетерпеливой юности, от умиротворяющих отображений бытовых радостей до эсхатологических прогнозов. Ни один русский не согласится, что язык Пушкина в чем-то беднее

языка Шекспира, хотя может и есть чисто статистические критерии лексического богатства и т.д. Вопрос ведь не в этом, а в способности языка адекватно вместить и осмыслить реальный культурно-исторический опыт народа. Мы должны исходить из такого понимания, говоря о развитии казахского языка на земле, его породившей, земле, где только и есть возможность его полноценного развития.

Во-вторых, казахский язык есть часть национальной картины мира. Одна из реальных, а не выдуманных драм казахского сознания — это неполное владение казахским языком частью самих казахов. В мире есть примеры сохранения национального сознания без полноценного владения родным языком. Но это, как правило, происходит в случаях искусственной ассимиляции колоний и в этнических диаспорах, а не на этнической Родине.

Не может быть консолидированной нация без наличия базового элемента этнической консолидации — языка. Нет никакой вины той небольшой части казахов, которые сегодня еще не овладели в достаточной степени родным языком. Возможности профессиональной мобильности, информационные возможности во многом определялись знанием русского языка. Это, кратко говоря, следы прошлой языковой эпохи. Но сегодня задача овладения родным языком становится нравственным и национальным императивом каждого казаха.

Так, например, евреи, приехав со всего мира в Израиль, возрождают свой родной язык. Забытые фламандский, якутский языки сегодня приобретают статус государственных. Просто нелепо видеть в этом какой-то национализм. Это универсальный способ внутринациональной интеграции.

Да, нельзя изучить язык подобно нерадивому студиязусу за три дня до экзамена. Однако и ссылки на некие объективные трудности уже перестают работать. Родным языком необходимо овладеть. Ведь государством создано главное — институциональные предпосылки развития казахского языка. Это и конституционное закрепление его статуса, и колоссальные передвижки в системе образования, и создание полноценной информационной среды на казахском языке. Всего этого просто не было в начале текущего десятилетия.

Ведь овладели русским языком, одним из богатейших и сложнейших языков мира, наши отцы и деды, создав редчайший прецедент почти уникального билингвизма не элиты, но миллионов людей, практически всего народа. Сегодня задача стоит более простая — овладение частью казахов полноценным, а не бытовым казахским языком. Никакого трагического разрыва здесь нет. Нужна терпимость со стороны основного массива казахской нации, для которой язык естественен как воздух, и реальное стремление тех, кто в силу разных обстоятельств, часто не

зависевших от них в полной мере, чувствует себя неуверенно в стихии родного языка.

В-третьих, казахский язык, будучи государственным по статусу, является языком, функционирующим на всей территории страны. Главные институциональные предпосылки для его овладения всеми гражданами Казахстана созданы.

Конечно, было бы неверным выдвигать перед всеми народами, населяющими Казахстан, требование владеть казахским языком как родным. Но овладение основами государственного языка, которое должно происходить поэтапно, также один из инструментов общенациональной интеграции. Однако вопрос не сводится только к правовой регламентации. Да и нельзя чересчур увлекаться правовым творчеством в этой сложной теме.

В практическом плане важно и другое — готовность к сознательному освоению одной из богатейших культур Евразии, казахской культуры и языка.

Ведь освоение русской культуры казахами — безусловно и бесспорно позитивное явление, практически повлиявшее на информационный и интеллектуальный горизонт нации в целом. К тому же дело не сводится только к рациональным соображениям информационного или интеллектуального порядка. Звук и мысль, весь речевой строй языка, на котором творили едва ли не самые великие романисты девятнадцатого

столетия, образы Платона Каратаева или Григория Мелехова, Алеши Карамазова или стариков далекой Матеры, вошедшие в наше сознание, оставили благодарный свет поистине великой культуры. Они способствовали пониманию реальных достоинств русского народа и русской культуры, в отличие от всех и всяческих искажений. Именно поэтому отношение подавляющего числа казахов к одному из самых больших европейских народов определяется не воспоминаниями об агрессивно-истерических кликушах, мечтающих о реставрационизме, но теми глубокими культурными следами, которые оставила в нашем национальном сознании русская гуманистическая традиция. В этом и состоит смысл подлинной культуры — сближение народов на основе понимания.

* * *

Культурные революции, протекающие, в отличие от политических, без выстрелов и кровавых ночей, по силе воздействия порой значительнее смены одной политической элиты на другую. Будучи более долговременными и фундаментальными по последствиям, культурные трансформации обнаруживают свою силу несколько иначе, нежели политические.

Мы порой не замечаем, что произошло изменение базовых характеристик культурной деятельности за последнее десятилетие. К фунда-

ментальным вызовам времени относится необходимость создания плюралистической по принципам, диалогичной по существу, многоязычной по функционированию, поликонфессиональной культурной модели, адаптированной к рыночной экономике и внешним ценностным давлениям. Нельзя произвольно выстраивать культурную модель, не понимая накладываемых ограничений времени и обстоятельств.

Ключевым является изменение принципов культурной деятельности.

Во-первых, речь идет об отказе от диктата одной унифицированной идеологии. Это конституционно закрепленный принцип. Когда говорят сегодня о необходимости возродить некую единую и жесткую государственную идеологию, то нужно договаривать до конца. Значит необходимо введение карательной политической цензуры, значит необходимо прекратить развитие негосударственных средств массовой информации, значит над художником снова встанет политический корректор. Впервые в истории столетия наше государство сознательно отказывается от каких-либо форм давления на творческие процессы. Это принципиальная позиция.

Другой вопрос — поиск общенациональной идеи. Но ее реализация не может осуществляться тоталитарными методами. Да, такая консолидирующая идея необходима, но об этом несколько позже.

Во-вторых, развитие казахстанской культур-

ной модели определяется сегодня включением в систему мировой культуры, вхождением в новые смысловые контексты современного мира, его открытые и скрытые напряжения, в проблемное и ценностное пространство современности. “Железного занавеса” в культуре уже нет. Горько сознавать, но определенный провинциализм в понимании геокультурных реальностей, вызванный не национальной, но тоталитарной традицией, присутствует и отрешиться от него очень трудно. Гораздо легче обвинить весь мир, что “он идет куда-то не туда”, сведя все культурные воздействия современного мира только к эрзацам массовой культуры. Значительно сложнее реально включиться в процесс глобального культурного творчества на принципах открытости.

В-третьих, качественно меняются параметры развития как казахской культуры, так и культур этнических диаспор на территории Казахстана. Здесь возникает огромное количество проблем, связанных как с сохранением культурных традиций, так и с появлением нового явления – культурной идентичности народа Казахстана как гражданской общности.

* * *

Культурологи довольно часто оперируют понятием – «инерционность культуры». Если перевести на обычный язык, то оно могло бы оз-

начать преемственность традиций, вкусов, привычек и т.д. Действительно казах не будет казахом, не зная “Каракоз”, не наслаждаясь звуками домбры или запахом степной полыни. Этот механизм общенациональных культурных ценностей, “эмоциональных полей” транслируется всегда и везде, у каждого народа и в каждом поколении. Без этого “национального острова” и нации не бывает.

В то же время мы вступили на нехоженые тропы национальной истории. Мы впервые приступили к созданию демократического общества и правового государства при полной смене экономического режима, да еще на фоне реликтов тоталитарной эпохи. И в этой ситуации прежние механизмы преемственности культурных ценностей не могут быть сразу приспособлены и адаптированы к новым реальностям. Новые институты просто не покрывают всего богатства национальной культуры. А старые механизмы не вписываются в экономические и политические требования современного типа. Это порой вызывает настроения пессимизма и отчаяния у части творческой интеллигенции. Это болезнь перехода.

Одна из действительно серьезнейших задач в том и состоит, чтобы найти сочетание национальной традиции и современных институтов ее сохранения.

В то же время нет нужды идеализировать тоталитарные инструменты поддержания куль-

туры. Вообще оскорбительна сама постановка вопроса о том, что тоталитаризм дал толчок развитию культуры народов, в частности, казахского. Как будто не было в национальной духовной истории Чокана, Абая или Курмангазы, а если пойти дальше, то и целой россыпи звездных имен континентального или даже глобального масштаба — Аль-Фараби, Яссауи, Кашгари. Что, если бы не было тоталитарного режима, то казахи не нашли бы культурного самовыражения в двадцатом столетии? Нашли бы и кто знает, каких вершин духовной и интеллектуальной мощи достиг бы народ на исходе столетия!

* * *

Пора понять простую истину. Тоталитаризм через плотную сеть идеологических фильтров выстраивал свой инструмент информационного контроля над индивидом и народами. Да, для этого были созданы серьезные институциональные механизмы, да, на это направлялись значительные ресурсы, да, сегодня наша ресурсная база значительно меньше, хотя и это временная ситуация. Но цели были ясны и прозрачны, и национальная культура, как таковая, в числе этих целей не значилась. Та куца свобода, о которой с ностальгией вспоминают сегодня некоторые люди, всю жизнь вынужденные прятать свое национальное достоинство, свобода, рамки которой ограничивались робкими эзоповс-

кими попытками защитить свое национальное “Я”, свобода в малом и несвобода в большом, никак не может быть основанием казахстанской культурной модели.

Новая реальность, властно вторгающаяся в Казахстан, гигантски расширяет горизонты нашей культуры. Только теперь мы можем сказать, что начинаем постигать мировую культуру во всем ее богатстве, сложности и разнообразии. Парадоксально то, что Абай, творивший столетие назад, по уровню открытости современным ему потокам мировой культуры был колоссально эрудированным человеком. Парадоксально то, что Чокан Валиханов был на уровне мировой географической науки. Но эта парадоксальность мнимая. Национальный талант казахского народа, основанный на принципиальной открытости сознания, действительно мог осуществить духовный прорыв значительно раньше. Мы стоим на пороге нового открытия этого культурного универсума после почти вековой закрытости. На пороге драматических коллизий и напряжений. Но тем не менее эта свобода культурного выбора есть единственно возможный и достойный способ существования национальной культуры.

* * *

Культурная модернизация, конечно, несколько сложнее, чем изменение ярлыков на

товарах или рекламных вывесок. Дело не столько в том, что кто-то навязывает новые культурные нормы, хотя “война смыслов” и имеет место в современном мире. Дело в том, что задаваемые экономикой, политикой, технологией нормы национального существования и межнационального сосуществования меняются в своих основаниях. Ответ на эти культурные вызовы можно найти только сообща. Только диалог национальных культур, каждая из которых подвержена “нагрузкам современности” делает возможным адекватный ответ на вопрос — будет ли Казахстан обладать некоторым самостоятельным и оригинальным местом в мировом духовном пространстве или превратится в осколок плохо связанных и мутирующих культурных осколков?

Это не праздный вопрос и от того или иного решения этой вполне драматической дилеммы зависит не столько день сегодняшней, сколько день завтрашний.

Сегодня мы с гордостью и восторгом неофитов узнаем, что Казахстан является территорией, на которой развивались древние и самобытные цивилизации. Необъятные знойные казахские степи когда-то задавали ритм огромному пространству Евразии. Могильники на семи ветрах — безмолвные свидетели событий планетарного масштаба. Уходившие с этой земли в дальние странствия, не всегда мирные, конечно, наши далекие предки несли с собой новые тех-

нологии и знания в страны, которые позднее стали источником глобальных инноваций. Культурная миссия номадов — вообще вопрос, идеологизированный до предела. И недооцененный до сей поры. Когда история пишется на потребу дня, то участь ее вызывает жалость. А именно такую «историю» мы лицеизрели до недавнего времени.

Нет нужды преувеличивать наше реальное историческое наследие. Оно столь велико и впечатляюще, что не требует никакой мифологизации. Диапазон культурного, политического влияния наших предков столь велик — от Египта до Индии, от Европы до Китая — и столь разнообразен, и как показывают исторические изыскания вполне отслеживаем и материально документирован, что это не оставляет камня на камне от дремучих стереотипов о “вековой отсталости Степи”. То, что было плодом интуиции отдельных историков или детищем блистательных поэтических прозрений еще 10-15 лет назад, сегодня становится объектом систематического анализа. И мы должны ясно понимать, что это произошло не само по себе, а в результате обретения независимости Казахстаном и культурно близкими народами Центральной Азии. Подход, основанный на реальной исторической правде, правде о культурном влиянии Великой Степи, еще совсем недавно казался страшным грехом.

* * *

В течение многих десятилетий письменной истории в европейской традиции жизнеописание кочевников преподносилось как некое историческое наказание оседлых народов и государств. Господство европоцентризма выразилось в полном отрицании роли кочевников — тюрков и монголов в мировой истории. Поэтому сегодня мы вынуждены в завалах искажений искать свои исторические корни. И речь идет не о создании некоей идеализированной истории развития нашего народа, а о реальных процессах во всем своем многообразии.

Необходимо было пройти через две кровопролитные мировые войны, экономические, политические, социальные и экологические катаклизмы XX века, чтобы избавиться от веры в абсолютность и непогрешимость европейской цивилизации. Быстрый скачок Востока, прежде всего Японии, а затем и новых индустриальных “тигров” показал, что европейский опыт не является идеальным воплощением прогресса и гуманизма, а лишь одной из моделей цивилизации.

Именно о непонимании роли восточных цивилизаций писал Жорж Фрадьё: “А история восточных народов? Западные учебники уделяли ей внимание только в связи с историей Запада. Арабы, например, появились на страницах учебников лишь для того, чтобы захватить Испанию и сражаться с крестоносцами в Палестине, пос-

ле чего вновь покидали историческую арену и как бы растворялись в небытии. Индия выходила из сказочного легендарного мрака бесконечной ночи, чтобы подвергнуться в 16–18 веках эксплуатации со стороны ряда торговых компаний. Китай вырывался из печальной обособленности лишь для того, чтобы встретить “цивилизаторов” времен опиумной войны, а на долю Японии, которую в течение двух столетий символизировал образ самурая — убийцы португальских монахов, выпадала пара абзацев, посвященных событиям 1853 г.” (Курьер ЮНЕСКО. Антология за 30 лет. - М., 1990, с. 179).

* * *

Если продолжить это сравнение, Азия, якобы, только тем и занималась, что порождала через определенные промежутки времени полчища варваров на лошадях, которые разрушали культурные достижения Европы, а затем растворялись во мраке истории. А кочевые народы будто бы только затем и появились, чтобы доказать тупиковость этого типа хозяйствования и уступить место цивилизованным народам.

Советские же учебники дополнялись еще одним мифом — о том, что все народы только и жили с мыслью о наступлении социалистической революции, которая вытащит их из тьмы. Тем народам, которые оказались в составе Российской империи, несмотря на все связанные с

этим тяготы, исторически “повезло”, ибо они приобщились к социализму, порой минуя капитализм.

* * *

Я думаю, что такой взгляд на историю был связан с устойчивой традицией европоцентризма и советоцентризма. Нам, потомкам великих народов древности, нельзя пользоваться чужими суррогатами, настало время непредвзято взглянуть на свое прошлое, настоящее и будущее.

“Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие”, — писал А.С. Пушкин. Волею судьбы не для одного поколения казахов, как и других народов, признаваемых еще недавно “младшими братьями”, знания о былом могуществе и жизни предков было запретным плодом. “Мы должны брать из прошлого огонь, а не пепел”, — призывал Ж. Жорес. Похоже, что нашему народу классовая историография не оставила даже пепла, а лишь пыль, которой, тем не менее, народная память не дала развеяться по ветру.

* * *

Для нашего народа объединительным началом всегда была идея государства, причем до на-

стоящего времени казахи знали два утвердившихся его типа. Первый — это преимущественно кочевое государство с момента возникновения казахского народа и до его ликвидации в ходе вхождения в состав Российской империи. Второй — советская государственность, которая носила формальный характер.

Сегодня у нас достаточно серьезные перспективы на основе уже имеющихся достижений формирования нового типа государственности в терминах грядущего XXI века. Это, возможно, последний исторический шанс, который дан нашему народу.

Перед нами стоит дилемма: либо мы освоим современные реалии и создадим новый Казахстан, либо уйдем в небытие.

Мы выбрали первое, но наше созидание нового должно опираться на богатейший исторический опыт. Мечтая о достойном будущем, давайте помнить о достойном прошлом.

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ -
ЧАСТЬ ВЕЛИКОГО
ТЮРКСКОГО ЭЛЯ

В руках у мудрецов перебывало
арабских и персидских книг
немало,
Но эта – первая из книг,
В которой тюрки слышат свой
язык.

Юсуф Баласагуни

Почти две тысячи лет назад на нашей земле возникла своеобразная андроновская культура, сочетавшая развитое животноводство и земледелие. Именно эти племена некогда двинулись в Индостан, чтобы под именем ариев создать великие культуры и государства. Сакские племена Казахстана были прямыми потомками андроновского населения — ариев и туров, дахов и данов Авесты. Этот неоспоримый вывод подтверждают археологи, проводящие прямые линии связей между андроновской и сакской культурами, а также антропологи, установившие генетическую преемственность населения сакского времени эпохи бронзы.

С началом сакской эпохи у обитателей казахстанских степей появляются монголоидные примеси центральноазиатского происхождения, сказавшиеся на их облике. Именно в эту эпоху происходит переход к кочевому скотоводству как наиболее прогрессивному в тех условиях способу ведения хозяйства.

Здесь возникли государства, которые остановили нашествие иранских завоевателей, армии Александра Великого. Здесь был создан союз человека и лошади, благодаря которому тюрки и другие кочевые народы смогли покорить половину известного мира и держать в напряже-

нии его остальную часть — Западную Европу и Китай. Здесь, на берегах Иртыша, Или, Сырдарьи, Жаика и Едиля возникали столицы огромных империй — гуннов, тюркских каганатов, государств карлуков, уделов монгольских ханов и их преемников.

* * *

Центральное место на огромном Евразийском континенте занимает пояс степей и пустынь, где рождались великие кочевые государства. Именно на территории нынешнего Казахстана и сопредельных с ним регионов возникли различные культуры, которые оказали едва ли не определяющее влияние на развитие многих народов мира.

Первая крупная кочевая империя в Центральной Азии образовалась в III веке до н.э. Это были сюнну (хунну, гунны), которые вскоре заняли территорию от Забайкалья до Тибета, от Средней Азии до Хуанхэ, потрясая полтысячелетия своими вторжениями древнекитайскую государственность. В IV-V вв. н.э. хроники повествуют уже о нашествии гуннов на Европу и Западную Азию.

В VI веке на историческую арену в Евразии выходит новое историческое лицо — Тюркский каганат — Степная империя тюрков, в период своего расцвета охватившая обширные земли от Кореи до Крыма. В VI-VIII веках хроники со-

общают о первых тюрках в Европе — аварах, булгарах, сувах, хазарах. Затем с востока появляются огузы-печенеги, тюрки-сельджуки, а также карлуки, кыпчаки (половцы, комань), кыргызы. Тюркские племена заселяют большую часть Казахстана и Средней Азии, проникают в Иран и Закавказье; в XI веке часть их (огузы и туркмены) перекочевали в Малую Азию. Короче, расселение тюркских племен привело после их оседания и смешения с местными народами, а иногда и при сохранении кочевого образа жизни, к образованию большой группы тюркоязычных этносов от якутов, тувинцев, алтайцев, казахов, уйгуров на востоке до чувашей, гагаузцев, татар (поволжских и крымских), кумыков, карачаевцев, балкарцев и турок на западе.

* * *

Наши предки на протяжении двух тысячелетий играли значительную роль в развитии государств от Дальнего Востока до Западной Европы, от Сибири до Индостана.

Перемещаясь на огромные расстояния, кочевники не раз изменяли этническую и государственную картину Евразии. С передвижениями центральноазиатских номадов связано распространение в древности и средневековье важнейшей языковой семьи мира — алтайской (в основном тюркской и монгольской ветвей), к которой принадлежит и казахский язык. С это-

го времени начинается продвижение по Евразии одной из самых распространенных языковых семей — тюркской.

“Кочевой мир на первых порах, благодаря физической и психологической мобильности кочевников, стал важным фактором динамичного и импульсивного развития. Недаром в дошедших до нас руинах его символом стали стремительные фигуры животных, сцены их борьбы и противостояния. Новый уровень технического обеспечения позволил совершить подлинный скачок в сфере коммуникабельности. Границы мира как бы расширились, новые моды и эталоны почти мгновенно распространились на огромных территориях.” (Массон В.М. Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1989. С. 87—88).

* * *

А все начиналось много веков назад. Легенда говорит о том, что волчица спасла в своем логове в горах восточного Тянь-Шаня мальчика из истребленного врагами племени. Волчица вскормила ребенка и впоследствии стала матерью его десяти детей. Подросшие дети нашли себе жен, а один из внуков волчицы получил имя Ашина. В согдийском и сакском языках это имя означало оттенки синего цвета. Если вскормлен-

ные одной волчицей Ромул и Рем схватились в борьбе за власть, а убив своего брата, Ромул стал основателем Рима, то дети другой волчицы стали прародителями многих народов Евразии, которые и по сей день ясно осознают свое родство. Не случайно культ волка стал общетюркским, а небесно-синий цвет органично стал основой нашего государственного флага.

Во второй половине VI в. термин «тюрк» впервые фиксируется источниками и получает широкое распространение. До создания каганата слово «тюрк» означало лишь союз десяти (позднее двенадцати) племен, сложившийся около 460 г. на Алтае. Так возникает Тюркский Эль.

Первый тюркский каганат (552-603 гг.) включался в систему политических и экономических отношений Византии, Ирана, Китая. В период расцвета Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Керченского залива, от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Так тюркские каганы стали создателями первых евразийских империй.

Бумынь, великий ябгу тюрков, в 552 году был поднят на белой кошме и стал каганом огромной империи. Его династия утвердила господство тюрков в Центральной Азии и Южной Сибири, а китайские императоры платили им дань. Расширение владений тюркских племен в течение последующих столетий, на мой взгляд, было вызвано географическим фактором. Пространство срединной Евразии не имеет внутренних

географических границ, отделяющих разные регионы. Степь, рассекаемая реками, протянулась от Карпат и Северного Причерноморья почти до самого Тихого океана. Здесь выживание напрямую зависело от расширения жизненного пространства. Степные народы не были ограждены от соседей труднопроходимыми географическими препятствиями, подобно европейским государствам. Возможности быстрого перемещения в пространстве, обеспечивающиеся самим образом жизни, требовали постоянного расширения территории.

Широкий степной пояс Евразии, частью которого являются и просторы Казахстана, от Хуанхэ до Карпат, пустыни Средней Азии и Восточного Туркестана, тундра Евразии — все эти гигантские территории могли быть освоены только кочевыми скотоводами. Верблюды, лошади, овцы служили и транспортным средством, и источником материальных ресурсов — давали молоко, мясо, кожу, шерсть, т.е. основу пищи, одежды и жилища кочевника.

Кочевой мир, хотя и был многоликим, но его объединял общий тип культуры и хозяйствования. Освоение естественной среды в пределах Великой Степи закончилось тем, что кочевники стали проникать на территории, занятые и освоенные оседлым земледельческим населением. В борьбе с оседлыми народами сказывалось военное превосходство кочевников.

Само кочевое скотоводство и необходимость

постоянной защиты от нападений врагов обуславливали то, что каждый мужчина, а в случае необходимости и женщина, становились воинами. Они были отличными наездниками, натренированными для дальних переходов, хорошо владели оружием и приемами кавалерийского боя.

Обеспечение своих насущных материальных потребностей занимало у них гораздо меньше необходимого времени, чем у оседлых земледельцев, и большую часть его они отдавали упражнениям в военном деле. До сих пор у тюркских народов, связанных в прошлом с кочевым образом жизни, сохранились конноспортивные игры — ажирид у турок, байга, кокпар у казахов и тому подобные реликты прежних военных тренировок — джигитовок. Наконец, более слабое развитие у кочевников, по сравнению с оседлым населением, классовых отношений и в древности, и в средневековье вело к длительному сохранению патриархальных и родоплеменных связей. Тем более, что социальное неравенство в кочевом обществе, да и во всех традиционных обществах, не являлось проблемой. Объективно существующее неравенство воспринималось как часть определенного свыше, или, иначе говоря, освященного божеством, порядка.

* * *

Вторгаясь в страны с оседлым населением, кочевники подчиняли целые государства влас-

ти своих вождей — шаньюев, каганов, ханов, эмиров, султанов. Возникали гигантские державы кочевников — сюнну или гуннов, тюрок, монголов. История знает немало сравнительно легких побед номадов над древними и средневековыми государствами, что вело к распространению кочевников на землях, освоенных оседлыми народами. Но наибольшего успеха кочевники достигали тогда, когда перед ними были ослабленные противники: либо цивилизации, переживающие кризис, либо государства, пребывающие в состоянии раздробленности и усобиц. В этом тоже одна из причин успехов кочевников-завоевателей, в том числе выходцев из Центральной Азии — тюрок и монголов.

На истории Западной Римской империи гунны Атиллы лишь поставили точку. Тюрки, оказавшиеся в XI веке в Малой Азии, легко взяли верх над Византией, ослабленной усобицами. Раздираемые внутренними противоречиями государство Хорезм-шахов и княжества Руси XIII века не смогли препятствовать монголам.

Кочевые империи, знакомые с Востоком и Западом, быстро осваивали новые виды оружия и военной техники.

Например, армии Чингисхана при штурме европейских городов использовали китайские стенобитные орудия.

Но все же самым главным фактором, обеспечившим военно-тактическое превосходство кочевников над оседлыми народами, было ши-

рокое применение ими боевого коня. Это был революционный переворот в военном деле. С первого тысячелетия до н.э. основным и, пожалуй, единственным родом “кочевого войска” сделалась конница, применявшая в сражениях тактику массированного удара. В середине первого тысячелетия н.э. тюрки стали широко использовать жесткое седло и стремяна, что повысило боевые качества конницы.

Таково было время. Чтобы выжить, каждый должен был владеть оружием, в любую минуту вступить в войско. Мне кажется, самое неблагоприятное дело — искать правых и виноватых, агрессивных и миролюбивых в минувшей много веков назад истории. Каждый народ гордится своими героями, среди которых были и завоеватели, и защитники от нашествий.

* * *

Древние авторы не раз отмечали несомненные военные преимущества тюркских народов. Интересно “Послание Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и всех войск халифа” аль-Джахиза — весьма известного автора IX века, написанное в период правления халифа Мутаваккиля (847-861) (Фатх б. Хакан — главный фаворит халифа Мутаваккиля, известен как покровитель поэтов и ученых. Убит заговорщиками в 861 г. вместе с Мутаваккилем). Это ответ на письмо Фатха б. Хакана, описавшего ему мажилис, на

котором обсуждался вопрос о достоинствах и праве преимущественного положения отдельных групп войск халифата. На этом мажилисе никто не выступил с обоснованием прав тюрок, и Фатх б. Хакан, как это можно понять из контекста, обратился к Джахизу с просьбой описать их достоинства.

Вот что пишет арабский автор: “Нет на земле народа, кроме тюрок, у которого бы объединение племен в войнах при наличии отдельных предводителей не наносило бы ущерба. Однако тюрки (обычно) не объединяются таким образом — а это (по причине того), что они питают отвращение к (возникающему) при этом различию мнений, тайному соперничеству, взаимной зависти между сходными (по положению) и перекладыванию друг на друга того, что (обязательно) для (всех) участников объединения.

Когда тюрки находятся в боевом строю, (то) если у противника (имеется) слабое место — уже все они видят и понимают его; но если не бывает слабого места и не бывает у него (противника) предмета желания (т.е. добычи) и целесообразно удалиться, то уже все они придерживаются этого мнения и сознают правильность его: а мысли у них едины и побуждения одинаковы, возникая у них одновременно.

Они не занимаются толкованием (Корана), похвальбой друг перед другом и сочинением друг на друга стихов. И поистине (главное) достоин-

ство их – разрешение своих собственных дел; а разница между ними невелика”.

Далее он пишет: “Единственное стремление их – охранять себя, дабы отвратить от себя зло и посягательство с их стороны (т.е. врагов), и оградить себя от их козней”. “Тюрки – народ, (которому) неизвестны месть, льстивый обман, двуличие, клевета, притворство, сплетни, лицемерие, высокомерие по отношению к друзьям и надменность в отношении соседей”. (Мандельштам А.М. Характеристика тюрок IX в. в “Послании Фатху б. Хакану” ал-Джахиза //Труды Института истории археологии и этнографии. Т. I. Археология. - Алма-Ата, 1956. С. 233—237).

Как пишет Л. Н. Гумилев: “С оазисами в Средней Азии они (арабы) справились довольно быстро, но как только вышли в степь, то столкнулись с кочевыми тюрками и тюргешами (тюргешы – это одна из разновидностей западных тюрок). И тут их продвижение остановилось. Хотя арабы предлагали им принять веру ислама, но те отвечали гордо. Хан тюргешей Сулу говорил: “У меня все люди воины, а у вас кто? Ремесленники, сапожники, купцы. Мы же ведь этого делать не умеем, следовательно, и ваша вера нам не подходит” (Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период.-Л., 1990. С. 60).

* * *

Единство тюрков отмечалось многими авторами. И до настоящего времени это качество недооценено как фактор быстрого распространения тюркского мира по Евразии. Гибель ранних тюркских государств была связана в большей степени с утратой единства народа, нежели с влиянием извне.

В древних рунических текстах — надписях в честь Бильге-кагана и Кюль-Тегина 731 г.: “Вследствие неверности бегов и народа, вследствие обмана и подстрекательства обманщиков из Китая и их козней, из-за того, что они ссорили младших братьев со старшими, а народ — с бегами, тюркский народ привел в расстройство свое до того времени существовавшее государство и навлек гибель на царствовавшего кагана” (История Каз ССР. Т. I. С. 439).

Единство, передовой по тем временам способ хозяйствования, оптимальная организация вооруженных сил позволили тюркам создать огромные государства и оказать серьезное влияние на ход мировой истории. Именно эти три слагаемые былого могущества наших предков отмечаются большинством авторов средневековья.

Совокупность этих достоинств позволяла кочевым народам открывать для себя самые различные уголки Евразии. Если не считать переселений арабов во времена завоеваний VII-XIII

вв. и европейцев в период Великих Географических открытий и колониальной экспансии, ни один оседлый народ или даже группа оседлых народов не расселялись в таких грандиозных масштабах. В древнетюркское время кочевники проложили новый степной мост от Центральной Азии до границ Византии. Кочевые империи, сменявшие друг друга в течение веков, возникающие и рассыпающиеся на этих просторах, оказали огромное влияние на этногенез многих народов, становление сложных и разнообразных культурных комплексов.

Это был совершенно новый тип цивилизации, сохранивший свои черты до первой трети XX века. Что лежало в основе широкого распространения коннокочевой цивилизации тюркских народов?

Во-первых, освоение столь больших пространств в то время могло быть осуществлено единственным новым способом хозяйствования — кочевым скотоводством. Традиционное кочевое общество выработало рациональные приемы освоения степей, пустынь и полупустынь.

Во-вторых, кочевники установили тесные и взаимовыгодные контакты с оседлым земледельческим населением.

В-третьих, высокого уровня достигло военное искусство тюрков. Рядовой кочевник был не только пастухом, но и воином. В силу своей подвижности, дальних переходов и охвата больших территорий, кочевники имели возможность

раньше, чем оседлые народы, знакомиться с открытиями и изобретениями в военном деле в различных странах и брать их на вооружение.

Но самым главным фактором, обеспечившим военно-тактическое превосходство кочевников над оседлыми народами, было широкое применение ими боевого коня. Это был революционный переворот в военном деле. Новым шагом в развитии военного дела стало изобретение верховой езды. Военное превосходство кочевых народов над оседлыми, которое у степняков Центральной Азии обеспечивала конница, продолжалось вплоть до массового распространения огнестрельного оружия.

Империя, созданная тюрками – Тюркский каганат, хотя и возникла в результате завоеваний, в дальнейшем играла и определенную цивилизующую роль. Известный тюрколог Л.Н. Гумилев отмечал: “Поскольку границы каганата сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией и Индией, а на востоке с Китаем, то, естественно, что перипетии истории этих стран... связаны с судьбами тюркской державы. Образование ее стало в какой-то мере переломным моментом в истории человечества, потому что до сих пор средиземноморская и дальневосточная культуры были разобщены, хотя и знали о существовании друг друга. Бескрайние степи и горные хребты препятствовали сношениям Запада и Востока. Только позднее изобретение металлургической и вьючной упряжи, заменившей

телеги, позволило караванам сравнительно легко форсировать пустыни и перевалы”.

Одним из способов древних коммуникаций был Великий Шелковый путь, который функционировал как регулярная дипломатическая и торговая артерия. Именно через земли тюрков на Запад шли караваны с шелком, а в Китай — товары из Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Средиземноморья. Значение этого моста далеко выходит за рамки сугубо материального обмена между двумя частями мира. Он соединял различные культуры и народы, действовал как постоянный фактор обмена идеями в древнюю эпоху.

Со времени образования Тюркского каганата, сыгравшего выдающуюся роль в древней истории, скоро исполнится 1450 лет. Это событие отмечается во многих государствах, уже состоялось несколько международных конференций, форумов, посвященных изучению наследия великой тюркской цивилизации. Нам всем есть чем гордиться, ибо наши предки оставили глубокий след в истории, оказали мощное влияние на судьбы народов Евразийского континента.

Народы наших стран по праву гордятся великими предками, а имена первых каганов: Бумына, Истеми, Бильге-кагана, Кюль-Тегина по их свершениям ничем не уступают другим великим полководцам и государственным деятелям древности.

В социально-политической сфере к несомненным достижениям древнетюркской цивилизации принадлежит формирование новой социально-политической структуры общества, где ведущую роль играла имперская аристократия во главе с каганом, главной обязанностью которого считалось, по свидетельствам древнетюркских памятников, “прокормление народа”. Наивысшей похвалой умершему кагану в поминальных надписях было: “Он хорошо кормил свой народ”. Концентрация власти в руках кагана и степной аристократии делала их политически и исторически ответственными за судьбу государства.

В культурно-цивилизационном плане древние тюрки сформировали, в результате обширных и тесных контактов с цивилизациями Средней Азии, Ирана и Византии, новый тип культуры со своей оригинальной письменностью на рунической основе. Более двухсот памятников древнетюркской письменности, обнаруженных учеными на Алтае, в Восточном Туркестане и Семиречье, в Хакасии и Туве, свидетельствуют о начале формирования древнетюркской цивилизации в результате колоссального культурного прорыва в конце VI века. Особенностью древнетюркской культуры является ее формирование на местной основе.

Кочевой мир на первых порах, благодаря физической и психологической мобильности номадов, стал важным фактором динамичного раз-

вития. Новый уровень технического обеспечения позволил совершить подлинный скачок в сфере коммуникабельности, расширив границы мира.

Рунический алфавит был создан по приказу Истеми-кагана в конце VI в. для расширившихся международных отношений, в частности для ведения сложных дипломатических переговоров с Византией.

Тюркский алфавит быстро распространился на огромных пространствах в силу его простоты. Это давало возможность его широкого усвоения.

С передвижениями центральноазиатских номадов связано распространение в древности и средневековье важнейшей языковой семьи мира — алтайской, к которой принадлежат языки наших народов.

В этногенетической сфере образование централизованного государства — Великого Тюркского Эля, привело к формированию огромной степной общности, характеризующейся единым языком, обычаями, традициями.

Эта конфедерация тюркских племен сформировала могущественное государство с ярко выраженными культурными традициями, создавшее благоприятные условия для развития оригинальной культуры, и вплоть до конца VIII в. строго сохранявшее свои собственные экономические, социальные и религиозные особенности.

В духовном плане – это период пробуждения исторического сознания у восточных кочевников.

Вступив в тесное и постоянное взаимодействие, два мира – кочевой и оседлый, теперь уже не могли развиваться друг без друга.

* * *

Тюрки проявили уникальную способность воспринимать достижения других культур, приспособлять их к своим условиям. Это была принципиально незамкнутая культура. “Впоследствии мусульмане, сталкиваясь с тюрками, отметили их удивительное умение находить общий язык с окружающими народами. Эти качества тюрки проявляли вне зависимости от того, приходили ли они в новую страну как победители или как гости, как наемники или как военнопленные рабы; в любом случае, они делали карьеру с большим успехом, чем представители других народов” (Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. С. 149).

В центре мироздания тюрков был человек. Мир людей, человечество – вот пантеон тюркского духа. Так, в фрагменте из “Большой Надписи в честь Кюль-Тегина” было записано:

“Вначале было вверху голубое небо,
А внизу темная земля;
Появились между ними сыны человеческие”.
Таким образом, стержневым элементом ми-

рождения тюрки считали Человека. Именно человеческая жизнь, жизнь конкретной индивидуальности, наполненная страстями, желаниями, свершениями и событиями, была неотделима от жизни государства, общества. Поэтому история понимается по аналогии с конкретной человеческой жизнью, что поднимает ее на высокий уровень значимого исторического бытия.

Человеческие качества тюрки ценили превыше всего. Если воин отличался храбростью и отвагой, то он мог стать батыром, даже не относясь к степной аристократии.

Проявлявший склонность к сказительству, обладавший живым и острым умом становился хранителем памяти народа (акыном). Наиболее известные и уважаемые среди них могли высказать в лицо правителям мнение народа.

К особенностям степной демократии также относились независимый суд биев, равноправное положение женщин, отсутствие религиозного фанатизма, выборность глав родовых подразделений.

Устойчивыми институциональными социальными механизмами передачи социальной, этнической коллективной памяти народа были патриархальная семья; родовые отношения; неписанные нормы обычного права.

Традиции рода являются наиболее устойчивыми в сознании человека, так как сам уклад жизни не позволял ему жить иначе как в коллективе, сообществе, отсюда и поразительная

живучесть обычаев и обрядов, норм и предписаний рода, сохранившихся и по сей день.

Тем самым, каждый отдельный человек имел историческую, культурную память, был связан со всем народом на бескрайних просторах Великой Степи.

Главным носителем и хранителем духовных качеств являлся старейший в роду, т.к. он олицетворял живую историю и почитался как мудрый учитель-наставник. В кочевничестве власть старейшин являлась одной из форм социальной организации, выступала ритуальным механизмом взаимосвязи между ушедшими поколениями и современными людьми.

Степь формировала особый дух, мировосприятие. Отсюда проистекает динамизм тюркского духа. Это нашло отражение в эпосе – закодированной памяти предков, в которой зафиксированы все перемещения народа по громадной степи.

Эпос тюркского мира имеет беспрецедентное значение для осознания единства истории и культуры современных тюркских народов. Являясь общим достоянием с древнейших времен, он сопровождал народы-братья все века их исторического развития. В самые трудные времена эпос соединял тюркский мир, несмотря на то, что наследники тюркского мира оказались не по их воле отдаленными друг от друга. Даже в тяжелых условиях тоталитарного режима тюрки сберегли свою общую историческую память, ду-

ховность, свою общекультурную идентичность. Сейчас мы имеем возможность в полной мере оценить громадное значение великих деятелей современных народов – М. Ауэзова, Ч. Айтматова и др., которые понимали, что без сохранения общетюркских духовных основ, тюркские народы могли потерять свою историческую память.

Устойчивой характеристикой ментальности тюрков является такое качество, как их способность выживать в самых трудных условиях, при этом не теряя своей культурной идентичности. Так, по свидетельству арабского историка XII в. Фахретдина Мубаракшаха: “Турок подобен жемчужине в морской раковине, которая не имеет ценности, пока живет в своем жилище, но когда она выходит наружу из морской раковины, она приобретает ценность...”.

У кочевников сознание вмещало всю завоеванную ими ойкумену. Об этом свидетельствует содержание эпосов и легенд кочевых народов. Географические границы фольклорного мира огромны. И, что удивительно, такие пассажи, как “люди с песьими головами” и т.п. мистика, характерная даже для поздних европейских научных географических представлений, там отсутствует.

Много внимания в устном народном творчестве уделялось системе нравственных исканий человека, его взаимоотношений с другими людьми, проблеме жизни и смерти, рождения, взрос-

ления и старения, отношений между старшими и младшими, родителей к детям и т.п. Опыт организации кочевого образа жизни, неразрывно связанный с природой, а также социальной жизни, основными характеристиками которой были нравственные понятия уважения к старшим в роду, проявления заботы о своих сородичах, привел к формированию определенных кодексов нравственно-практических установок, пронизывающих всю общественную и частную жизнь кочевников.

Общераспространенным до нашего времени, в том числе и в науке, является мнение, что переход от замкнутого существования локальных обществ к всеобщим связям и взаимодействиям между народами произошел только со становлением индустриальных обществ.

Но, если следовать непреложным историческим фактам, то мы должны признать, что одним из первых глобальных по масштабам исторических опытов человечества соединения между собой изолированных локальных человеческих сообществ, находящихся на разных уровнях экономического развития, несовпадающих по типам социальной организации общества, его культурным, ментальным, расовым, этнокультурным параметрам было движение кочевых обществ с Востока на Запад. Именно такую благородную роль и сыграл Великий Тюркский Эль.

* * *

В среднетюркскую эпоху (X-XV вв.) тюрки, несмотря на все превратности и катастрофы жизни, вызванные опустошительными нашествиями войск Чингисхана, были одним из наиболее активных народов того времени. Тюркоязычные племена интенсивно распространялись по Центральной, Южной и Малой Азии, по Сибири и Восточной Европе. Они достигли вершины развития своего времени и выступали одним из активных двигателей развития цивилизации человечества.

В X-XI веках для народов Центральной Азии большой внешней угрозы со стороны великих государств Востока и Запада не существовало. Это обусловило мирное развитие жизни и возникновение на территории региона сильных высокоразвитых государств. Наиболее крупными и процветающими из них были государства Саманидов, Караханидов и Газневидов со смешанным тюрко-иранским населением. В те периоды население достигало 5-7 млн. человек. Это сравнительно небольшое для того времени население в период X-XI века достигло высочайшего уровня экономического и культурного развития.

Арабское завоевание оказало большое влияние на социально-экономическую, политическую и культурную жизнь народов Центральной Азии.

Одним из важнейших изменений в общественной жизни явилось распространение новой государственной религии — ислама, арабского языка и письменности. Введение единого языка на громадной территории, включение народов, разных по уровню развития и образу жизни в рамки единого религиозно-политического объединения позволило развить культуру, творчески соединившую в себе традиции всех народов, входивших в халифат, а также обновить античные культурные ценности.

Во второй раз, после Тюркского каганата, территория его основных наследников вновь стала выполнять роль связующего моста между Востоком и Западом, соединяя отдаленные в пространстве классические цивилизации Китая, Индии и западных окраин европейского континента (мусульманская часть Испании). Это в свою очередь оказало огромное влияние на судьбы самого Ближнего Востока, а через него, повлияв на культуру средиземноморских стран, воздействовало на формирование основы европейского Возрождения, т.к. спасло ее фундамент — античную культуру.

Обширные связи халифата с Китаем, Индией, со всем Средиземноморьем заключались не только в обмене товарами и техническими новшествами, но и в плодотворном сопоставлении различных идейных систем. Так, на протяжении всей эпохи средневековья сочинения Аль-Фараби пользовались большой популярностью в Западной

Европе и несомненно способствовали развитию гуманизма Возрождения. А трудами Ибн-Сины, который в своих общественно-политических воззрениях во многом следовал за мыслителем из Отрара, в течение 10 веков Европа пользовалась как энциклопедией медицинских знаний.

Народы Центральной Азии создали в эпоху средневековья высокую яркую культуру, проявлявшуюся в своеобразной архитектуре, красочном прикладном искусстве, цветистой поэзии, эпосе.

В это время происходил переход на арабский алфавит. Отрар, Тараз и другие города стали крупными центрами культуры, где на почве местной традиции своего времени в органичном сочетании с высшими достижениями мировой культуры, жили и творили такие замечательные ученые, как энциклопедист Аль-Фараби, математик и астроном Аббас Джаухари.

Аль-Фараби по праву считается основателем многих наук и искусств: математики, архитектуры, музыки. Актуальными для нас звучат и его социально-этические трактаты, в которых он развивает учение о добродетельном государстве и государе. Аль-Фараби является подлинным основателем арабской философии – первым философом Востока. Его творчество оказало огромное влияние на мыслителей средневекового Востока: Низами Ганджеви, Омара Хайяма, Алишера Навои.

Эта великая эпоха дала миру великих людей – ученых, поэтов, архитекторов, медиков.

К ним можно отнести великого ученого Аль-Хорезми (780-847) — выдающегося математика средневековья, труды которого переводились в мусульманской Испании на латинский язык и заложили основы европейской математической науки. Термины “логарифм”, “алгоритм” происходят от его имени. Аль-Хорезми познакомил мир с крупнейшими достижениями математиков Индии. Он ввел знак нуля и позиционную запись цифр, которой мы пользуемся сейчас. Аль-Хорезми основал алгебру, название которой происходит от названия его книги “Ал-джебр”.

Он занимался также и астрономией, составил таблицы синусов и тангенсов.

В ряду великих ученых того времени стоит и Аль-Бируни. Математик и географ, астроном и биохимик, конструктор и поэт — Бируни был ярчайшим явлением средневековья. Недаром XI столетие современники поделили между двумя великими людьми, в равной мере достойными стать с гигантами Возрождения: первая половина этого века названа эпохой Бируни, а вторая — эпохой Омара Хайяма, поэта и математика, астронома и философа.

В X-XI веках получает блестящее развитие литература на тюркском языке. На таджикском языке писали великие поэты Востока — Фирдоуси, Бухари, Самарканди и др. На тюркском языке писали Юсуф Баласагуни, Ахмет Яссауи.

Крупнейшими мыслителями средневекового Востока являлись Юсуф Баласагуни и Махмуд

Кашгари — тюрки по происхождению, которые внесли неопределимый вклад в изучение истории тюркских народов, их культуры, языка, традиций и обычаев.

В частности, Ю.Баласагуни, живший в XI веке, написал один из важнейших литературных памятников того времени “Кутадгу билиг” (“Благодатное знание”). Это первое дошедшее до нас произведение светской литературы тюркоязычных народов Центральной Азии.

Большую ценность представляет произведение Махмуда Кашгари “Диван-лугат-ат-тюрк” (“Словарь тюркских наречий”). Этот труд не только внес большой вклад в историю языкознания, но и является бесценным памятником по истории быта, нравов тюркоязычных народов, а также естественно-научных представлений того времени. Идею создания тюркского словаря исследователи связывают со все возрастающей ролью тюркского языка среди народов мусульманского мира.

Выдающимся мыслителем был Ходжа Ахмет Яссауи, живший в городе Яссы (Туркестан) в XII веке, и имя которого священо и заслуженно почитается во всем тюркском мире. Он был проводником мусульманской религии в Казахстане. Ему принадлежит сборник стихов “Диван-и-хикмет” (“Книга о премудрости”), в котором на тюркском языке проповедуется любовь к Всевышнему, смирение и аскетизм. Он развивал суфизм — своеобразное тюркское прочтение Корана...

Наконец, в первой половине XV века на научном небосклоне той эпохи яркой звездой вспыхнуло имя великого астронома и математика, крупного общественного деятеля Мухаммеда Улугбека — создателя первой в мире обсерватории.

Таким образом, местное население, наряду с усвоением новой высокой арабской культуры и образованности, продолжало сохранять и развивать свою собственную древнюю культуру и письменность. Это свидетельствует о том, что несмотря на мощное влияние развитой культуры арабо-исламского мира, тюркская культурная традиция продолжала жить и развиваться. И в эту эпоху могучий дух тюрков не угас, сохраняя духовную преемственность и донеся из глубины веков творческий импульс Великого Тюркского Эля...

* * *

В XI-XII вв. на территории Центральной Азии в условиях общности хозяйственно-культурного типа, языковой и бытовой близости населявших ее народов, взаимодействия кочевого и полукочевого скотоводства и оседлого земледелия, развития и становления государственности, шел процесс этнической интеграции племенных объединений, определялись основные узлы этногенеза, сложились исторические предпосылки образования современных тюркс-

ких народов. На таком уровне социально-экономического, этнополитического и культурного развития застало тюркские народы нашествие Чингисхана.

Монгольская экспансия резко затормозила образование народности на территории Центральной Азии. Произошли перемещения крупных племенных групп. Часть тюрков была вынуждена откочевать за пределы исконно тюркских территорий. И с этого момента многие тюркские племена оказались в других странах — от Средиземного моря до Индийского и Тихого океанов.

Особую роль в истории того периода сыграли тюрки-кыпчаки, часть из которых после монгольского плена были проданы в рабство, в частности в Египет и Индию, где они назывались мамлюками и гулямами, достигнув вершин власти. Именно они стали непреодолимой преградой на пути монгольских завоевателей, защитив древние культуры Египта и Индии от неминуемой гибели.

Среди тюркских правителей этих стран, одержавших победу над монголами, мы можем с гордостью назвать такие имена, как: Бейбарс, Калаун, Ан-Насир в Египте, Ельтутмиш, Разийя, Балбан в Индии.

Так, мамлюки, создав прекрасную армию, не подпустили монголов к границам Египта и спасли Каир от участи Дамаска и Багдада, где во время вторжения монгольского Хулагу-хана, по

словам Ал-Макризи, “кровь текла рекой по улицам”. Мамлюкская система, в которой во второй половине XIII века доминировали кыпчаки, помогла объединению государства, а торговые пути, особенно в Средиземноморье, были в сравнительной безопасности, несмотря на войны с монголами и крестоносцами.

В эпоху войн с монголами Египет, защищенный бахри-мамлюками, стал наряду с Делийским султанатом главным убежищем мусульман.

Тюрки оказали огромное влияние на политическое устройство монгольской империи. Империя Чингисхана основывалась на военно-административной системе, зародившейся еще в Тюркском каганате. Монгольские войска делились на сотни, тысячи, тьмы. По этим административным единицам и было разделено население империи Чингисхана.

* * *

Тюркоязычность казахского, узбекского, туркменского, кыргызского, каракалпакского народов свидетельствует о взаимосвязанности этногенетического и культурного процесса во всем казахстанско-среднеазиатском регионе в далеком прошлом. Так, у всех тюркских народов сохранились в исторической памяти народные эпосы “Кер-оглы”, “Коркыт-ата”, в которых ярко проявились черты патриотизма, героизма и любовь к Отечеству.

С конца XV в. происходит этническое размежевание казахов, узбеков и других, что было следствием многовековых, глубинных этногенетических процессов.

С XVI в. можно говорить не только о племенах и племенных союзах в Центральной Азии, но и о новом этнополитическом качестве этой территории — образовании народностей со своим собственным этнонимом (самоназванием) и государственным оформлении тюркоязычных народов.

* * *

С XVIII в. тюркские народы Центральной Азии вступили в полосу перманентного экономического, общественно-политического, культурного кризиса и представляли собой легкую добычу для государств, расширявших свою территорию за счет колонизации.

На севере находилась Российская империя, нуждающаяся в рынках сбыта своих товаров и источниках сырья, неэквивалентном экономическом обмене. Она расширяла военное и политическое присутствие на восточном и южном направлениях.

Казахстан, Азербайджан, государства Средней Азии были включены в орбиту колониальной политики Российской империи. Это обернулось для тюркоязычных народов потерей национальной государственности, национальным

и социальным притеснением в результате политики русификации со стороны метрополии.

Наиболее сильный удар был нанесен по национальному самосознанию. Колонизация затормозила естественно-эволюционный характер трансформации тюркских народов в современные нации.

Одной из главных задач колониального режима стала борьба против осознания колонизованными тюркскими народами своего культурного, языкового, историко-этнического единства. Любые попытки выдающихся просветителей тюркоязычной культуры выступить против колонизаторской политики в духовной сфере оборачивались преследованиями.

Казахстан во многом принял на себя главный удар в силу своего географического положения. Политически Казахстан к этому времени представлял собой обширный полигон и плацдарм для колонизации Средней Азии и опробования самых различных методов колониального закрепощения.

В этих трудных условиях выдающиеся представители тюркских народов пробуждали национальное и общетюркское самосознание. Они развивали прогрессивные просветительские идеи, выступали против отсталости и косности.

Основной своей задачей они считали просвещение народа. Эта эпоха выдвинула целую плеяду просветителей, являющихся звездами первой величины для каждого тюркского народа:

Ч.Валиханов, Абай (Казахстан), Дониш, Фуркат (Узбекистан), Мирза Ахундов, Сеид Ширвани (Азербайджан), Молланепес (Туркменистан), Калыгул, Токтогул Сатылганов (Кыргызстан).

Эпохальным событием в истории центральноазиатских народов стало утверждение советского общественно-политического строя. Формальное получение независимости тюркскими народами Центральной Азии имело неоднозначные результаты: с одной стороны, развивались культура, наука, образование, сформировались современные нации, а с другой, национальная государственность имела сугубо формальный характер, национальные языки потеряли многие существенные сферы своего применения (политика, экономика, наука), резко сократилось количество людей, владеющих национальным языком. Национальное самосознание оказалось жертвой классового сознания, внедряемого тоталитарным режимом; историческая память народов всячески вымывалась, уступая место официальной идеологизированной истории; в государственном масштабе проводилась политика изменения этнического менталитета территории народов, населяющих Центральную Азию, посредством глобальной и целенаправленной миграции.

Республики Центральной Азии были вынуждены оставаться отсталой периферией тоталитарной империи, отгородившейся от всего мира “железным занавесом”. Не будучи хозяевами своей исторической судьбы, тюркские народы

были обречены на медленное угасание своих творческих сил, потерю своей культурно-исторической идентичности. Вот такая незавидная судьба ждала гордых потомков Великого Тюркского Эля через четырнадцать веков их трудной истории.

* * *

С распадом Советского Союза наступил новый этап в развитии тюркских народов. Через почти полтора тысячелетия в сердцевине тюркского мира возникли новые независимые государства. Из провинциального захолустья страны Центральной Азии и Азербайджан стали государствами, вплетенными в ткань современной мировой истории.

Тот, кто хотя бы в общих чертах знает историю тюрков, неизбежно приходит к оптимистическим выводам о дальнейшей исторической судьбе этой культурно-исторической и языковой общности. Создав беспрецедентную державу четырнадцать веков назад, пройдя через лишения колониального рабства, выдержав тяготы тоталитарного общества, в настоящее время тюркский мир стоит перед качественно новой исторической перспективой — наполнить реальным содержанием вековую мечту народов о независимости, создании самостоятельного государства.

Вместе с тем, несмотря на естественные противоречия, возникающие в ходе национально-государственного строительства, необходимо

также видеть и более объемные проблемы, решение которых как раз и поможет реализовать задачи укрепления суверенитета.

В области культуры необходимость решения неотложных задач развития национальной культуры в каждом независимом тюркском государстве в современное время существенно ограничивается принципиально новыми закономерностями развития истории...

Современная эпоха убедительно доказывает нелинейность исторического процесса... Несмотря на бурные процессы национальной идентификации, происходящие в различных регионах, общемировой закономерностью является тенденция становления крупных цивилизационных комплексов, образующихся вследствие глобализации экономических, культурных, информационных процессов и обладающих собственным видением исторического процесса.

На наш взгляд, в настоящее время в тюркском мире достаточно предпосылок для того, чтобы справиться и с этой проблемой. Насущная необходимость диалога различных этнокультурных систем, национальных образов, мира, сложившихся за века исторического развития, поднимает эту проблему на уровень современной истории, равноправными участниками которой стали все тюркские независимые государства. Уровень современного национального самосознания представителей тюркского мира позволит успешно справиться с этой задачей.

На практике не существует полного, адекватного восприятия большинством людей конкретных экономических и политических императивов. Отношение к тем или иным явлениям и процессам, происходящим в обществе, неизбежно преломляется через призму национального сознания, национальной культуры. Глава государства, осознающий историческую ответственность перед своим народом, не имеет права игнорировать это.

Тюркский мир, как отмечено выше, всегда был связующим звеном между народами и культурами. И сейчас, когда я призываю осознать нашу общую культурно-историческую судьбу, я не имею в виду отделение или обособление от других культурных полюсов. С течением времени современный тюркский мир, объединяясь и развивая свой культурный потенциал, будет, вероятно, называться исследователями “тюркско-исламской цивилизацией”.

Но как бы он ни назывался, важна его суть, которая, по моему глубокому убеждению, будет характеризоваться как исторический пример мягкого перехода от одной цивилизационной платформы к другой.

А именно: тюркско-исламский мир станет мостом взаимообогащения культур народов между следующими культурно-цивилизационными комплексами: а) Западом; б) арабо-иранским миром; в) Россией; г) Китаем.

Понимание величия стоящей перед нами ис-

торической миссии накладывает на нас громадную ответственность и требует приложения всех усилий для ее выполнения. От объединенных усилий наших государств зависит: будет ли предстоящая история региона состоять сплошь из противоречий, обусловленных различными подходами к решению задач национально-государственного строительства, подвергнется ли он разломам и трещинам по линиям соприкосновения различных национальных культур или же мы сможем выйти на уровень осознания необходимости укрепления тюркского единства с тем, чтобы, будучи совместным, единым культурно-цивилизационным комплексом, не затеряться в бурных волнах современной истории. Ведь только тогда, под защитой и сенью нашей общей культурной идентичности, мы сможем выполнить свой нравственный долг перед нашими общинами предками, а также перед потомками.

Вызов истории ставит перед каждой тюркской страной необходимость поиска адекватных институциональных механизмов решения проблемы объединения в разных сферах и различными способами – политическими, экономическими, культурными, гуманитарными.

Если оценивать идею единства тюркского мира с позиции текущего исторического момента, то может показаться, что интегративный и мобилизационный потенциал идеи его единства очень мал.

Но, если исходить из более широких времен-

ных рамок, смотреть в перспективу, то история все более доказывает, что каждый конкретный тюркский народ есть органическая часть тюркского культурного мира.

С течением исторического времени, вероятнее всего, произойдет изменение культурного геоландшафта в силу увеличения экономической, политической роли государств Центральной Азии.

Тюркские народы, выступив как единое целое, смогут влиять на геополитику как равноправный субъект, участвовать в культурных мироотношениях не как пассивный элемент, но как равноправный субъект. Первым шагом в этом направлении явилось создание Центральноазиатского союза, в рамках которого будет повышаться уровень осознания нашей общей культурной идентичности. Думаю, что подобные интеграционные образования должны быть открыты для всех, в том числе и для нетюркских стран, так как отгораживаться от других означает культурный изоляционизм и стагнацию.

Именно в диалоге цивилизаций каждая культура обретает вновь свою идентичность, возвращается к своим истокам, т.к. в процессе межкультурных контактов актуализируются истинные ценности.

Значительному продвижению вперед может способствовать работа по написанию Энциклопедии тюркских народов; строительству Пантеона тюркских народов, где великие деятели тюрк-

ских народов и основные события общетюркской истории будут представлены современными изобразительными средствами; созданию Международного Центра изучения тюркских проблем.

* * *

Менее чем за год до третьего тысячелетия мы имеем возможность точно и корректно оценить, какая культурная Вселенная плывет в историческом пространстве за нами, какие «черные дыры» зияют в ней и какие созвездия громких имен и безымянных миллионов обрели вновь речь и зрение через наш язык и наши глаза...

* * *

Однако богатейшая казахская культурная традиция во всей ее исторической глубине все еще остается тайной за семью печатями для представителей других этнических групп Казахстана. Неужели богатейшая мелодика Курмангазы, блестящая лирика Магжана, эпическая проза Мухтара, поразительные открытия Чокана, философские откровения Абая не обогатят внутренний мир каждого, кто прикоснется к этим духовным богатствам?! Без понимания этих абсолютных вершин казахского культурного универсума не понять душу народа. И для того,

чтобы не оказаться в параллельной реальности, полной всяких невежественных стереотипов, важно без принуждения, без административного или идеологического прессинга, свободно и без эмоциональных обид шагнуть навстречу этому удивительному культурному потоку. Даже топонимика казахской степи всегда напоена поэзией, исторической драмой и юмором. Казахское слово с его многовековой традицией импровизации бесконечно много может сказать о народе, о его глубине и мудрости. Отказываться от такого богатства под надуманным предлогом, что это может ущемить интересы другого языка — значит не понимать самой природы культурного процесса. В отличие от благ материальных культурные обладают удивительной особенностью — они не делятся, но умножаются при росте количества потребителей. Только такой подход свободного и уважительного изучения казахского языка и культуры будет способствовать общенациональной консолидации.

КУЛЬТУРНАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

Знанием может владеть ум
ученого,
но мудрость – это дыхание
народа.

Дж. Вудберри

Казахстан — полиэтническое государство. В культурном смысле это означает некоторые достаточно жесткие для демократического государства условия.

Одним из базовых условий является создание правовых норм, обеспечивающих беспрепятственное развитие и функционирование всех национальных культур. Низами и Гете, Тукай и Шевченко, Руставели и Навои, Колас и Айни для многих и многих наших сограждан не просто имена из курса школьной литературы, но часть души. И отношение к культурам диаспор в Казахстане воспитывается самое бережное. Это абсолютно естественно для того типа общества, которое мы намерены построить на древней казахской земле.

Вместе с тем, культурная реальность будущего Казахстана не должна быть механическим набором различных национальных культур. Ведь в таком случае автономно существовала бы с одной стороны казахская культура, а с другой — аморфное собрание осколков диаспорных культурных единиц, заведомо обреченных на провинциализм.

Действительно, достаточно просто задуматься над тем фактом, что каждая из диаспор является зачастую маленькой частью своего эт-

носа. Поэтому и культура диаспор часто представляет собой лишь малый фрагмент своей “этноматериковой культуры”. К тому же этническая Родина часто развивается в других, несоответствующих политических, правовых, геополитических условиях.

Поэтому ставка на изолированное развитие в рамках общеказахстанской культурной среды в конечном счете лишь умножит различия и увеличит культурную дистанцию между национальными группами. Это приведет к одностороннему развитию особенностей и отличий каждой этнической культуры, а не того, что сближает всех представителей той новой общности, что именуется просто и значимо — казахстанцы.

* * *

Перспектива быть отсталой, даже по стандартам собственной “этноматериковой культуры”, быть некоторой культурной периферией — малозавидная участь для этнической культуры. Тем более, что государство Казахстан предоставляет свободу в плане выбора культурных ориентаций.

Проблема заключается в другом — в том, что “этноматериковая культура” вполне может существовать без культур своих этнических диаспор.

Первая имеет на своей территории весь институциональный набор для полнокровного раз-

вития, а культура диаспор носит в общем-то достаточно случайный характер для “этноматериковой культуры”. Конечно, в истории бывали случаи значительного культурного воздействия диаспор на культурные процессы на своей этнической Родине — например, французской культуры Алжира на культурные процессы во Франции. Однако преувеличивать значение таких культурных влияний в целом не стоит. Даже в условиях СССР, в условиях единой страны, влияние культур диаспор на культуру своих этнических «альма матер» было невелико.

В то же время культура диаспор внутри страны проживания всегда оказывает огромное воздействие на формирование ее культурного ландшафта. Так что же реальнее сегодня — рассматривать себя как часть культурно-цивилизационного комплекса страны своего гражданства, своего постоянного проживания или рассматривать себя только как часть русской, армянской или немецкой культуры, волею судьбы занесенной в степные казахские просторы? На мой взгляд, так вопрос вообще ставить нельзя.

Связи с этнической Родиной, в том числе культурные связи, есть гарантированное право каждого этноса на территории Казахстана. Наша практическая политика построена на содействии такого рода связям. Однако речь идет о другом — о стратегическом направлении развития культуры, коль скоро мы живем в одном государстве, в одной многонациональной стране.

* * *

Если мы говорим о нашей единой исторической судьбе, об определении своей активной роли в новых и становящихся геокультурных координатах, то почему бы нам не войти в этот мир в качестве новой культурно-цивилизационной целостности.

То есть по существу есть два выбора. Первый — это параллельно существующие казахская национальная культура и совокупность осколков диаспорных культур.

В этом случае произойдет значительная “провинциализация” культуры в целом. Второй — это синтез культур, базирующийся на диалоге национально-культурных систем, который будет иметь следствием становление общей казахстанской культуры. При этом, конечно, необходимо ясно представлять себе, что культура казахов должна быть столь же серьезно усвоена представителями других этносов, сколь серьезно изучали сами казахи в свое время русскую культуру.

* * *

Что же касается перспектив развития самой казахской культуры в этом стратегическом направлении, то ясно — современная казахская культура — это не только традиции акынов и фольклорные празднества. Современная казах-

ская культура представлена практически всем набором культурных институций и новаций — от профессионального театра до оперы, от архитектурных школ до постмодернистских исканий в живописи. Так что представлять казахскую культуру как сумму поэзии начала века и реалистических романов середины столетия на фоне сугубо традиционных видов художественного творчества — значит не понимать, со сколь сложной и развитой культурной системой мы имеем дело. Кстати говоря, и некоторые узколюбые ревнители “чистоты казахской национальной культуры” приносят прямой вред именно казахской культуре, не принимая новых веяний в этом поразительно динамичном явлении — культурных проявлениях казахского духа.

Представители всех национальных групп Казахстана должны понять простую истину — казахская культура это не только Абай и домбра, это даже не только Мухтар Ауэзов или Магжан Жумабаев. Казахская культура двадцатого века — это и одна из самых замечательных композиторских школ от Мукана Тулебаева до Газизы Жубановой, это и оперные певцы, которые могли бы украсить сцену любого театра мира — от Ермека Серкебаева до Алибека Днищева, это и откровения молодых казахстанских художников, и искания казахских философов, это этнологические концепции Алькея Маргулана, это архитектурные ансамбли Алматы, это лирика Мукагали Макатаева и эссеистика Аскара Сулейме-

нова, это тот огромный мир, прикосновение к которому позволит понять именно культуру казахов, а не всякого рода внешние штампы.

* * *

Однако здесь есть и другая сторона. Сама казахская культура должна носить открытый характер, иметь готовность к восприятию культурных новаций, а не консервировать эмоционально близкие, но архаические штампы. Любой историк искусства подтвердит — то, что когда-то было авангардом, со временем превращается в штамп. Сегодня при резком ускорении информационного и культурного прессинга в глобальном измерении невозможно усидеть в “номадическом поле”. Так же, впрочем, как и убежать с поля родной культуры нельзя.

Задача скорее состоит в освоении нового культурного опыта, в национально-культурной интерпретации ежедневно возникающих артефактов. Действительно, не праздный вопрос — что произойдет в XXI столетии с казахской культурой при массовом изучении английского языка — а это произойдет уже в следующем поколении; как повлияет массовая информатизация общества, вход в мировые информационные сети на творчество казахских литераторов; каковы культурные последствия урбанизации казахского общества, значительно более масштабной, нежели все предыдущие; как повлияет психоло-

гия рыночной эпохи на сознание нового поколения творцов культуры и т.д.?

Время имеет коварное свойство — просто приходит без предупреждения. Это время надвигается и не видеть его вызовов нельзя. Здесь неуместны и бессильны проклятья и беспочвенный оптимизм. Национальное сознание должно адекватно отреагировать на буквальный обвал старого типа социальности и при этом не потерять себя.

* * *

Для построения общеказахстанской культурной модели эти соображения принципиально важны. Выстраиваемая общеказахстанская культурная реальность не должна быть замкнутой в пределах нашего государства культурной системой. Ее базовая характеристика — принципиальная открытость и направленность на диалог с другими культурными потоками.

Если правильно и без эмоциональных ярлыков смотреть в будущее, то диаспоры Казахстана будут не только частями своих “этноматериковых культур”, но и, главным образом, станут полномочными представителями культуры Казахстана. Они выступят одним из каналов, механизмов наших взаимосвязей с национально-культурными системами других государств. Эту колоссальную роль этнических диаспор нельзя недооценивать, и ее позитивное значение пока-

жет будущее. Ведь на территории Казахстана проживают представители крупнейших народов планеты, представители великих культурных традиций. И в то же время они наши сограждане, и в плане гражданской идентификации прежде всего — казахстанцы.

Взаимовлияние и взаимопроникновение культур происходит естественным путем: казахстанский русский и русский в России имеют совершенно разный менталитет. Это также верно и для корейцев, украинцев и других. Есть много примеров, когда “наши” русские, переехав в Россию, не могут прижиться среди “своих”.

* * *

Среди наиболее печальных и коварных ловушек, устроенных временем на исходе второго тысячелетия, одной из едва ли не самых опасных стала драма русского сознания в новых независимых государствах. Колоссальные напряжения психологического плана, которые испытывают русские в связи со своей культурной идентичностью в Центральной Азии или на Кавказе, на Украине или Молдове, на поверхность выплескиваются в политических акциях. На этом психологическом напряжении играют многие радикальные циники — от политических комиков до вполне респектабельных фигур. Проблема только в том, что до реальных запросов

русского населения руки у них не доходят и после очередной выборной кампании проблемы русских диаспор забываются.

Между тем проблемы есть и очень непростые.

Без понимания нашей недавней истории нельзя разобраться в существе, в причинах культурно-психологического дискомфорта русских диаспор в странах СНГ. Русские в рамках прежнего Союза были экстерриториальной нацией. И такое положение, в которое загнал русскую нацию советский политический режим, сегодня тяжело сказывается на той ее части, которая оказалась в независимых государствах.

Именно вследствие своей экстерриториальности, то есть существования в качестве некоей “общесоветской” нации, русские не имели возможности развивать свою этнокультурную среду в той степени, в какой ее развивали другие этносы. Получался парадокс. С одной стороны, русские были как бы первыми среди равных, с другой, механизмы этнокультурной идентификации самих русских постоянно размывались. На территории нынешних независимых государств русские практически не вступали в серьезный диалог с культурами сегодняшних титульных наций. Это экстерриториальное положение как бы гарантировало создание комфортной этнокультурной среды независимо от региона проживания – от Балтики до Дальнего Востока, от Термеза до Берингова пролива. Но

при этом этнокультурная идентичность русского народа не обеспечивалась даже институционально. Например, отсутствие у России собственной партийной организации, министерства обороны, Академии наук и т.д. в советские годы это отнюдь не формальное обстоятельство, но отражение того факта, что русская национальная идея для тоталитарного режима была бы просто смертельной. Иначе говоря, даже в самой России не все было благополучно с механизмами культурной идентификации русского народа.

* * *

Что же произошло в психологическом плане с русскими диаспорами после 1991 года? Старая практика несвязанности с культурной средой народов, составлявших титульные нации, с которыми русские жили десятилетиями бок о бок, но слабо корреспондировали по содержательным параметрам — знание языка, культуры, конфессий — в новых условиях оказалась никуда не годной. Именно это стало базой острого недовольства, которое порой вырывалось в парламентские баталии, а порой и в более жесткие формы. Сегодня по прошествии нескольких лет мы можем сказать, что возникшее у русских чувство этнической обделенности было совершенно закономерным и корни этого явления зарыты глубоко — в практике пресловутой экстерриториальности.

Если вспомнить жестокий экономический кризис первых лет независимости, то к этому добавилось и недовольство падением уровня жизни. А сам кризис начал оцениваться в терминах национальной дискриминации.

С определенной условностью можно выделить два этапа в развитии самосознания русскоязычных диаспор. Особенно сложными были первые два-три года после развала СССР. Психологически шок объясним. Сознание русских людей просто отказывалось верить случившемуся потому, что оно не укладывалось в мир привычных представлений о своем прошлом, настоящем и будущем.

Часто возникал просто психологический срыв, который отчетливо выражался в категорическом неприятии новой политической реальности. И не случайно именно в этот период столь популярны были совершенно прожектерские планы восстановления прежней государственности, не случайно обрели такой размах маргинальные политики.

Острова рационального, воплощавшиеся в массовом сознании в виде институтов старой государственности, расплывались на глазах, а строительство новых институтов, которые бы рационализировали семантику новой реальности на новых принципах, только начиналось.

Возник кратковременный вакуум, и в эту пустоту хлынули мощные потоки вырвавшихся на

поверхность настроений национальной неудовлетворенности в самых причудливых формах.

Отсюда и популярность малоосмысленных лозунгов об отсутствии исторического права на независимую государственность у Казахстана, Украины или Молдовы.

Существенной характеристикой первого этапа явилось постоянное обращение в поисках своей гражданской идентичности к России без учета того мнения, что Россия дружественная, но другая страна. Слепое копирование российских поисков своей новой идентичности, совершенно оправданных внутри самой России, приводило к повторению и реанимации прошлых стереотипов. В то же время сама Россия в напряженном интеллектуальном поиске далеко ушла от идеалов тоталитарной эпохи. И тогда начались обвинения в адрес самих российских политиков — они, якобы, не обеспокоены проблемами своих соотечественников за рубежом. Хотя в основном вектор российской политики в отношении русских диаспор за рубежом вполне вписывается в рамки современных норм международных отношений. И это безусловная заслуга российского политического истеблишмента, который выстраивает свою политику в этом направлении, исходя из сложившихся реальностей, а не исходя из архаических следов на песке.

Необходимо отнестись к этой драме сознания в русских диаспорах с пониманием, а не пе-

реносить негативные явления старого типа социума на межнациональные отношения, складывающиеся сегодня.

* * *

Сегодня происходит качественное осмысление происшедшего. И основная масса русского населения, в частности в Казахстане, адекватно воспринимает факт становления и развития независимой государственности. Изменение культурного и политического ландшафта в Казахстане требует серьезного институционального подкрепления и политической воли государственного аппарата. То, что нам удалось предотвратить переход межнациональных противоречий в плоскость этнического конфликта, говорит о многом.

Резкое уменьшение миграционного оттока русских из Казахстана — примерно в три раза за последние три года, а также массовое принятие казахстанского гражданства, свидетельствуют о формировании качественно нового отношения одной из крупнейших национальных групп к судьбам нашей государственности.

Определенная компромиссность решений, начиная от правовых и кончая культурными, объективно predetermined. В немалой степени уроки прежней государственности в том и состоят, что попытки сведения этнокультурного многообразия к унифицированному однообра-

зию заканчиваются печально. Для стабильного развития Казахстана, который в обозримой перспективе останется, безусловно, полиэтническим обществом, необходимы правовые гарантии со стороны государства, создающие благоприятные условия для беспрепятственного развития национально-культурной жизни различных этнических групп, проживающих на его территории.

* * *

Говоря о такой проблеме, как отношения титульных наций и диаспор, нельзя не затронуть вопроса о казахских диаспорах за рубежом.

К сожалению, социальные эксперименты двадцатого столетия привели к массовому исходу казахов с родной земли. Обо всех жутких трагедиях, разыгравшихся в первые десятилетия страшного века, о тысячах беглецов от революции и гражданской войны, умерших в пустынях и на ледяных перевалах от Алатау до Памира, от Ирана до Китая, об искалеченных судьбах сотен тысяч беженцев казахов до конца неизвестно никому. Какой скорбный и унижительный путь пришлось пройти отцам и матерям тех почти пяти миллионов казахов, живущих по всему земному шару за пределами родной земли, уже не опишет во всем горьком величии никто из смертных, ибо зачастую нет документов, а следы целых караванов беженцев теряются где-

нибудь на безымянной вершине или их останки лежат в неотмеченных захоронениях далеко за пределами казахской степи. Ведь революционеры ловили и уничтожали даже беженцев, как диких зверей, с жестокостью, беспрецедентной и необъяснимой.

Мы сегодня говорим о трагедии переселенных народов. Да, это также беспрецедентная в мировой истории акция и по масштабам, и по жестокости. Но трагедия, разыгравшаяся на казахских просторах, приведшая не только к смерти, но к переселению огромной части народа в чужие края, также требует точной исторической оценки.

При всем этом казахи, волею рока оказавшиеся в странах самой разной культурной и цивилизационной ориентации, от ортодоксально-теократических режимов до атеистических государств, от Индийского до Ледовитого океана, сумели адаптироваться к различным правовым, экономическим, культурным условиям и органично вписаться в современную жизнь государств своего проживания. В подавляющем большинстве этих стран казахский язык не имеет никакой институциональной защиты, но тем не менее казахи сумели сохранить во всех этих странах свой язык и свою культуру. Достойный пример для подражания казахам, оторванным от родного языка и культуры в своей собственной стране!

Предъявлять требования к другим можно,

очевидно, только после того, как предъявишь такие же требования к себе. Этот императив касается как индивидуального человеческого опыта, так и целых народов. И уж совсем аксиоматическим выглядит это требование для всех полиэтнических обществ. Казахские диаспоры во всем мире прекрасно усвоили культуру, язык, обычаи тех стран, где они проживают десятилетиями. В них практически нет политизирующих на национальном факторе движений.

На протяжении всей послевоенной истории неизвестно ни одного крупного немотивированного выступления казахского населения против представителей титульных наций по этническим или конфессиональным причинам.

Это должно служить достойным примером для всех диаспор, проживающих в Казахстане. Если говорить о стремлении многих казахов вернуться на свою историческую Родину, то придет время, когда мы создадим для их возвращения не худшие условия, чем их создают сегодня для своих соотечественников Германия и Израиль. Но мы не стимулируем искусственно их отъезд со второй Родины.

* * *

Вместе с тем для казахов за рубежом характерно сохранение своего национального самосознания. Я помню, как даже в Лондоне, где казахская диаспора относительно невелика, в

апреле 1994 года меня окружила группа казахов, и как горячо и взволнованно они обсуждали вопросы развития своей материнской земли — родного Казахстана. А сколько таких замечательных встреч было в Китае, Иране, Монголии, России, Турции... Везде, где живет казахская речь.

Позиция государства в отношении казахских диаспор предельно четкая и корректная. Она заключается в культурной, экономической и политической поддержке наших диаспор при соблюдении принципов территориальной целостности и невмешательстве во внутренние дела суверенных государств.

Но если в правовом смысле все достаточно прозрачно, то внутренняя культура казахских диаспор достойна подражания не только в формально-правовом, но и в чисто человеческом измерении. Сохранение своего национального “Я” и патриотизм по отношению к стране своего гражданства — вот модель развития всех национальных диаспор и внутри Казахстана. Это достойная формула для демократического государства. Любая иная формула губительна.

* * *

Межнациональные отношения в Казахстане в сфере культуры не существуют в абстрактном пространстве политической теории. Они реализуются по крайней мере на четырех уровнях — в

межличностных отношениях, на уровне организованных через национально-культурные центры этнических групп, что получило логическое завершение в деятельности Ассамблеи народов Казахстана, на уровне общенациональных государственных структур, законодательно достаточно четко отрегулированных и, наконец, на уровне региональных и субрегиональных культурно-цивилизационных, в том числе, конфессиональных систем, в частности, особенно распространенных в казахстанских условиях ислама и христианства. На каждом из этих уровней есть свои нерешенные проблемы, но нельзя сводить проблемы одного уровня на другой. А ведь зачастую чисто бытовые конфликты сразу пытаются выводить на уровень отношений целых национальных групп, или, более того, на уровень государственной политики. И превращается тогда в массовом сознании бытовой хулиган в “проявление национальной политики”. Вот эта “болезнь подмены тезисов” и приводит потом ко всякого рода карикатурным выводам отдельных политиков, которым наплевать на благополучие своей диаспоры, лишь бы это работало на его имидж “защитника соотечественников”.

* * *

Если же серьезно разобраться в этих межнациональных и межкультурных взаимодействиях, то их реальная сложность требует четких и

понятных подходов. Наша внутренняя политика в этой сфере построена на трезвом понимании нескольких обстоятельств.

Во-первых, этнокультурное многообразие Казахстана – это наше преимущество, это потенциал развития, а не роковая ловушка.

Во-вторых, колоссальный интегрирующий потенциал казахской культуры для всех этносов страны может быть реализован только при открытом характере самой казахской культуры, развитии ее институционального богатства, способности соответствовать требованиям времени.

В-третьих, все национальные культуры Казахстана взаимосвязаны и взаимозависимы. Культурное пространство Казахстана есть пространство взаимосвязанности и взаимодополняемости различных этнокультур.

Мы открыто формулируем и проводим эти принципы, и здесь нет никакой тактической политической игры или желания утаить что-либо.

Да, многие незадачливые Кассандры предвещали этнический хаос в Казахстане, прежде всего по причинам культурного порядка. Да, сложный этнокультурный состав потенциально несет в себе конфликтный заряд. Но помимо достаточно взвешенной внутренней политики по национальному вопросу в Казахстане огромную роль сыграло и то обстоятельство, что взаимодействие культур часто развивалось не по канонам тоталитарного государства, но вопреки им. Именно длительный опыт культурных контак-

тов, как бы поверхностны и ограничены они не были порой, сыграл свою позитивную роль. Поэтому заведомой обреченности на конфликт культурных ценностей нет. И наша задача — в превращении этнокультурного многообразия Казахстана в безусловно позитивный фактор общественного развития.

* * *

Что касается интегрирующей роли казахской культуры, то это чистой воды прагматизм, а не какие-то упражнения в национализме, о чем порой любят потолковать “глубокие знатоки” казахской культуры, не знающие ни одного имени или события многовековой казахской культурной традиции.

Это культура большинства населения страны. Это культура, имеющая весь набор институциональных инструментов. Это культура, генетически сформировавшаяся на данной территории и в огромной степени предопределившая сам характер исторического развития государства Казахстан. Это, наконец, современная культура со всеми ее атрибутами и включенностью в мировой культурный процесс.

Поэтому ничего парадоксального или политически некорректного в утверждении об интегрирующей роли казахской культуры нет. Необходимо прямо и без двусмысленностей сказать об этом. Другое дело, что содержание самой

культуры современных казахов принципиально не сводимо только к традиционно-фольклорным формам художественного творчества и бытовым моделям поведения вековой давности, но представляет собой сложный и многоуровневый конгломерат, позволяющий духовно освоить непростые реальности уходящего века и наступающего тысячелетия.

Наконец, говоря о взаимозависимости и взаимодополняемости национальных культур Казахстана, мы имеем в виду не декларативные лозунги, но действительно содержательные процессы, скрытым образом протекающие в глубинной зоне мира ценностей, не всегда видного, но всегда очень серьезного по влиянию на все стороны жизни. В силу полиэтничности в Казахстане присутствуют несколько пересекающихся “культурных плит”, глобальных и региональных конфессиональных комплексов. Прежде всего — исламский, православно-христианский, а также элементы практически всех мировых конфессий, основных этнических — казахского и русского и метаэтнических комплексов — тюркского и славянского.

В этой ситуации принципиально важно найти точки соприкосновения вокруг общих культурных ценностей. Основой такого единства на современной стадии развития может стать и уже становится идентификация представителей всех национальностей Республики Казахстан как единой политической и гражданской общности.

Постепенно приходит осознание того факта, что все мы, казахстанцы, находимся не только в одном экономическом или политическом пространстве, но и в одном культурном пространстве. Мы не просто “постсоветские люди”, но создатели качественно новой культурной общности. Задача состоит в том, чтобы национальная элита пришла к пониманию того обстоятельства, что без сознательных и целевых действий в направлении “встраивания” культурной деятельности всех национальных групп в общую систему казахстанской культуры, получить желаемый результат не удастся. Для движений, носящих рациональную национальную природу и имеющих модернистский потенциал, такого рода поведение является абсолютным императивом.

* * *

Можно ли рассматривать территорию Казахстана как относительно единое культурное пространство? Вопрос не праздный, особенно в свете того культурно-ценностного коллапса, который в одночасье разметал мифы недавнего прошлого. Но тем не менее, на мой взгляд, мы можем утвердительно ответить на поставленный вопрос. И причин тому несколько.

Во-первых, сами условия возникновения казахского этноса имеют своими историческими

корнями многовековые тюрко-славянские культурные взаимодействия. В рамках Российской империи и Советского Союза это взаимодействие продолжалось. Конечно, идиллические картинки советской историографии имеют мало общего с действительностью и это взаимодействие порой носило кровавый характер. Однако история имеет дело с реальностью, какой бы неприглядной она не была. Реальность же такова, что, несмотря на огромные культурные потери, казахский народ развивался в одном культурно-цивилизационном контексте с другими национальными группами Казахстана. Ведь и сегодня подавляющее большинство населения страны представлено людьми со сходными культурными ориентациями. А в метаэтническом отношении это в основном тюрки и славяне. Очищенная от различных наслоений конъюнктурного порядка история взаимодействия этих основных метаэтнических групп Евразии должна быть осмыслена не только в проекции на прошлое, но и на будущее. Казахстан является территорией особенно интенсивных контактов этих культурных потоков, территорией интенсивного взаимодействия.

Во-вторых, понимая провинциальность и наивность утверждений первой половины 1990-х годов о том, что чуть ли не каждая республика бывшего СССР играет роль трансконтинентального моста между Европой и Азией, и трезво

оценивая сегодня попытки сыграть глобальную роль со стороны только что появившихся на мировой арене государств, мы должны быть реалистичнее.

В чем состоит культурная транзитность Казахстана? По крайней мере в двух измерениях. Это прежде всего транзит между старым и новым, транзит от ценностей государственного патернализма к ценностям личной ответственности.

Переход весьма болезненный и переживаемый всеми постсоциалистическими обществами. Но эта переходность в культурно-ценностной сфере есть явление, переживаемое всеми слоями общества, и результатом успешного перехода должно стать и то, что общество на основе новых ценностей будет более интегрированным в культурном отношении. Другое измерение транзитности состоит в том, что Казахстан находится на стыке двух больших “архипелагов” — евразийское культурное пространство и развивающееся на новой основе традиционное историко-культурное единство народов Центральной Азии. Нельзя противопоставлять друг другу эти явления. Мое видение евразийства, отчасти изложенное в других работах, я постараюсь суммировать несколько позже, но, несколько забегаю вперед, скажу, что положительная или отрицательная оценка этой концепции определяется способом понимания будущего в ней.

Ибо никто не собирается принимать культурологический вариант имперской идеи, с одной стороны, и никто не может отрицать реальной роли евразийской конструкции в прошлом, настоящем и будущем — с другой.

Однако ни включенность в тюркский историко-культурный контекст, ни евразийский компонент нашего мироощущения не составляют главного содержания культурной идентификации. Главное содержание культурной идентификации, и чем дальше тем больше, будет связано с судьбами нашей общей Родины — Казахстана с его уникальной историей и культурным ландшафтом, не сводимым в чистом виде ни к восточным, ни к западным культурным моделям. Понимание этого на первый взгляд тривиального обстоятельства очень важно для видения культурной и этнокультурной перспективы в ежедневно приближающемся новом тысячелетии...

* * *

Вообще ориентация человека и нации в мире культуры порой удивительно совпадает. И также как в памяти человеческой события личного порядка окрашиваются либо в романтические, либо в трагические тона, также и память народа — это не столько прошлое, сколько настоящее, обращенное в будущее.

В самом деле, можно свести национальную

историю, как это делают наши доморощенные манкурты, к истории национальных поражений и трагедий — от джунгарского нашествия до голощекинских экспериментов. Можно надуть щеки, как это делают конъюнктурные мистификаторы истории, что особенно характерно для историков некоторых центральноазиатских государств и заявить, что отсюда и только отсюда берет истоки мировая цивилизация.

Все это уже было и не однажды, что нашло отражение в остроумной шутке “Россия — родина слонов”. Не будем же уподобляться подобным лжепатриотам и утверждать, что смысл мировой истории определяется историей Казахстана. Такие натяжки могут иметь место только в сугубо дидактических упражнениях для детей младшего возраста и будут вызывать иронию на первом километре от границы страны.

Не в мифологизации истории состоит смысл, а в понимании тех реально значимых для национальной и зачастую континентальной истории событий, что разыгрывались на тысячекилометровых просторах земли нашей, и в том, чтобы извлечь из этого не горечь поражений и не материал для национальной эйфории, а перспективу на будущее. Уроки истории вообще, а уроки истории культуры в частности, имеют смысл, если они живут в душе народа. Народ же хранит в своей памяти то, что помогает выжить.

И это, прежде всего, мир культуры. Потому и сопрягаются мистическим образом символы полутысячелетней давности и последнего десятилетия двадцатого века в наших душах, потому и важны для нас Кашгари и Аль-Фараби, Таукехан и Букейханов, Бухар жырау и Абай...

* * *

Психологи XX века много рассуждали о так называемом архетипе – тех трудно определяемых больших идеях, образах или системах идей и образов, что выплывают в нашем сознании из сферы бессознательного. Национальная сказка, мифология, литература, музыка способствуют тому, что в сознании каждого из нас таинственным способом формируются образы, лежащие в основании наших оценок истории, культуры, деления на “Мы” и “Другие”. Без таких архетипов вообще невозможно, видимо, говорить о национальной памяти, национальной картине мира. Самое удивительное в том, что на личностном уровне какая-нибудь мелочь вроде стаи перелетных птиц или звуков засыпающего в мирной ночи аула эмоционально сильнее тысячи самых высоких пропагандистских речений. И пока казаха охватывает не сравнимый ни с чем на свете восторг от картины утренней степи, пока мелодия национального фольклора будет иметь власть над его душой,

пресловутый казахский архетип будет иметь место в архетипической мозаике мира.

Однако, когда нация в целом задается вопросом о своей культурной перспективе, ответ не сводится к смутно определяемым терминам коллективного бессознательного. “Здесь и сейчас” требуется сознательная работа по интерпретации прошлого, вычленению тех его “блоков и фрагментов”, которые особенно важны сегодня. Сегодня же нет задачи важнее, чем единство народа в потоке истории...

НАСЛЕДИЕ «АЛАША»
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кусочек подлинной истории –
это такая редкая вещь,
что им надо очень дорожить.

Т.Джефферсон

Давайте задумаемся над механизмом этнических и социальных конфликтов, обрушившихся на страны СНГ. Помимо геополитических и исторических причин, многое зависело от поведения интеллигенции во всех постсоветских обществах. Именно интеллигенция во многих странах находилась на острие всех этих конфликтов, активно вовлекая все новых и новых участников в разгорающийся конфликт, агрессивно настраивая “своих” против “чужих”. Все это приводило к большой крови.

Именно интеллектуальная элита повинна и в большинстве острейших политических схваток внутри одной и той же нации, схваток, начинавшихся в газетных дискуссиях и заканчивавшихся “автоматными аргументами”.

К великой чести казахской интеллигенции, она все эти годы проявляла сдержанность и мудрость, не позволив выплеснуться эмоциям и призывам к оружию. Поэтому удивление некоторых пессимистических экспертов, предрекавших серию кровавых конфликтов на территории Казахстана, объясняется просто. Они не учитывали этого обстоятельства — исторической и социальной ответственности казахской интеллигенции, которая выдержала экзамен на зрелость, устроенный волею судьбы на исходе столетия.

Но ведь это отражение общей нормативной культуры казахов — взвешенности, терпимости и способности к диалогу.

В то же время современная казахская интеллигенция имеет и глубокие нравственные традиции, идущие из глубокой древности. Та колоссальная роль интеллектуального окружения правителей казахской степи не случайна. И не случайно имена, например, Толе би, Казыбек би и Айтеке би окружены в памяти народной почетом не меньшим, чем имена великих ханов.

Если же внимательно приглядеться к истории двадцатого столетия, то казахская интеллигенция породила немало выдающихся деятелей уже в первой трети столетия.

Есть порой незримые для постороннего или невнимательного взгляда каналы влияния интеллектуальных и гражданских уроков тех громких имен, которые сегодня по достоинству должны быть оценены потомками, современной казахской интеллигенцией.

В начале XX века задачу выработки казахской национальной идеи взяла на себя духовно-интеллектуальная элита, выдвинувшая идею национальной консолидации. Ее представители были выходцами из различных слоев общества, в первую очередь из традиционной степной аристократии. Необходимо отметить, что становление интеллигенции в казахском обществе к началу XX века приняло характер эстафеты поколений, когда профессиональное занятие ум-

ственным трудом стало носить наследственный характер.

Руководителями национально-освободительного движения стали Алихан Букейханов (ученый-экономист, член ЦК Конституционно-демократической партии России, депутат I и II Государственной думы), Ахмет Байтурсынов (поэт, переводчик, лингвист, редактор газеты “Казак”), Мыржакып Дулатов, Жакып Акпаев, Мустафа Чокай, Мухамеджан Тынышпаев, Бахытжан Каратаев, Халел и Джанша Досмухамедовы и другие — в большинстве своем выпускники высших учебных заведений и училищ Петербурга, Москвы, Варшавы, Казани, Омска и Оренбурга. По данным Алимхана Ермекова, видного государственного деятеля, профессора математики, участника движения “Алаш”, Алихан Букейханов вместе с Лениным экстерном окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, свободно владел несколькими иностранными языками, таким образом в 24-летнем возрасте А.Букейханов имел два столичных диплома о высшем образовании (первый — об окончании Лесного института), был известен как блестяще образованный молодой человек, один из видных знатоков теории марксизма в Санкт-Петербурге. (Султанхан Аккулы-улы. Трагедия «Алаш-Орды»././ Юридическая газета. №№ 33-36, 1995).

Одной из главных задач своей деятельности они считали не только сохранение национальной самобытности казахского народа, но и вос-

создание исторического прошлого и воспитание национальных чувств.

* * *

Надо сказать, что противоречие между образованной элитой и традиционными руководителями носило распространенный характер. Аналогичная картина складывалась во всех колониально зависимых регионах планеты. Например, известный автор трудов по системе косвенного управления в Африке Марджери Пэрхем писала в 1941 году: “В настоящее время среди самих африканцев существует идейное течение, согласно которому на туземную администрацию следует смотреть как на старомодное и регрессивное начало, не отвечающее духу демократии или времени. Большинство образованных африканцев, особенно в Западной Африке и Судане, критикует и даже сильно осуждает косвенное управление. Они говорят, что косвенное управление дает власть необразованным вождям и старейшинам, вместо того чтобы предоставить ее образованным людям; что оно усиливает трибалистские чувства и таким образом сохраняет отсутствие единства в стране. Это, говорят они, есть часть старой политики “разделяй и властвуй”, с помощью которой имперская держава делает своих подданных слабыми и мешает их движению к самоуправлению” (Катагощина И.Т. Интеллигенция Нигерии. – М., 1977. С.71).

Новое поколение казахской интеллигенции стремилось к выражению общенациональных интересов, преодолению клановых, родовых предрассудков. Преодоление деления казахского общества по родоплеменному принципу было, по их мнению, необходимым для становления национального единства в условиях усиливающейся колониальной политики.

* * *

Российская революция 1905-1907 гг. оказала свое воздействие на рост национального движения в казахской степи. 25 июля 1905 г. на Кояндинской ярмарке близ города Каркаралы состоялся казахский съезд, созванный по инициативе лидеров “Алаша”. На съезде была принята петиция к Председателю Совета министров России, в которой были изложены следующие требования: прекращение переселения крестьян; организация отдельного духовного управления для казахов; отмена цензуры; введение официального делопроизводства на казахском языке; введение суда присяжных; участие казахских делегатов в работе совещания по разработке проекта о созыве Государственной думы. “Общественно-политическое движение в России отозвалось также и в Акмолинском уезде, особенно в мусульманской его части населения, причем тайные, старые желания и мечты этого населения начали выливаться в более реальную

форму”, — доносил уездный начальник военному губернатору Акмолинской области в мае 1905 г.” (Атишев А.А. Политическая мысль Казахстана второй половины XIX — начала XX века.-Алма-Ата, 1979. С.131).

На основе пробуждения национального самосознания происходит консолидация тюркских народов. В 1905-1907 гг. созываются I — III съезды мусульман России, образуется “Союз мусульман”, членом президиума которого стал Шахмардан Кожагулов.

В составе Государственной думы формируется мусульманская парламентская фракция, с 1905 г. как на страницах мусульманских изданий, так и в русской оппозиционной прессе, появляются политические статьи казахских авторов.

* * *

В декабре 1905 г. в Уральске состоялся первый общеказахский съезд, поставивший задачу создания национальной политической партии, идущей в фарватере партии кадетов. Тем самым лидеры национального движения сделали попытку направить его в русло борьбы за конституционную монархию и либеральные реформы. При этом резкой критике подверглась политика российских властей, особенно в аграрном вопросе. В феврале 1906 г., несмотря на арест А.Букейханова, состоялся второй общеказах-

ский съезд (в Оренбурге), на котором присутствовало 150 делегатов. Съезд одобрил программу российских кадетов и выдвинул требование вернуть казахам все утраченные земли, прекратить переселение крестьянства, принять закон об открытии школ, медресе и университета. Руководство кадетской партии не поддержало данные требования, поэтому казахская оппозиция обращает свои взоры к Государственной думе — первому российскому парламенту.

В состав I и II Думы были избраны А.Букейханов, Ш.Кожангулов, Б.Каратаев, выступившие за новую аграрную реформу и пересмотр переселенческой политики. На заседании II Думы 16 мая 1907 г. Б.Каратаев сделал доклад о разрушающем влиянии переселенческой политики на хозяйственную жизнь казахов. Он сказал: “В нашем государстве обострившийся аграрный вопрос хотят разрешить переселением крестьян на территорию степных областей, именно, на территорию Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей... В результате этого ограбления правительством создается реальная угроза гибели киргизов”. Когда председательствующий прервал депутата, Б.Каратаев сделал заявление о том, что казахи поддержат любое российское оппозиционное движение, выступающее за конфискацию частновладельческих земель для удовлетворения крестьянского земельного голода. В беседе с Главноуправляющим земледелием и землеустр-

ройством Б.Каратаев просил хотя бы временно прекратить переселение крестьян. Ему в категоричной форме было заявлено: переселение будет продолжаться, поскольку земли в Казахстане много, и она непроизводительно используется казахами под кочевья. “В XX столетии необходимо прекратить кочевой образ жизни киргизов, – заявил Главноуправляющий, – вследствие этого переселение является необходимым”. Таким образом, все предложения казахских депутатов остались без ответа.

Более того, по новому избирательному закону от 3 июня 1907 г. кочевые народы были лишены избирательного права. Начались новые репрессии против лидеров казахского национального движения: в 1908 г. вторично был арестован А.Букейханов, в июле 1909 г. – А.Байтурсынов.

* * *

В январе 1911 г. в Троицке М.Сералиным и Е.Алимовым стал издаваться ежемесячный журнал “Айкап”, резко выступавший против царизма и русского присутствия в степи. С 1911 г. в Уральской области издается газета “Казахстан”, редакторами которой были Батырша Каирниязов, Мухаммед Курашин, Гумар Карашев. После четвертого номера газета была запрещена российскими властями и вновь вышла лишь в 1913 году.

Огромное влияние на пробуждение самосознания казахского народа оказал сборник стихов М. Дулатова “Оян, казак!” (“Пробудись, казах!”), увидевший свет в 1909 г. в г. Уфе.

С 1913 г. начинается новый этап освободительного движения в Казахстане, связанный с деятельностью газеты “Қазак”. Она издавалась в Оренбурге и с самого начала достигла значительного по тем временам тиража — 3 тыс. экземпляров.

Редактором ее стал А. Байтурсынов, окруженный целой плеядой талантливых казахских журналистов и писателей: А. Букейханов, М. Дулатов, М. Жумабаев, Ж. Аймаутов, Х. Досмухамедов и др. “Қазак”, являясь оппозиционной газетой, внесла немалую лепту в пробуждение национального самосознания казахского народа, поднимала актуальные проблемы времени, пропагандировала идеи просветительства, стала печатным органом движения и будущей партии “Алаш”. Антиколониальный характер публикаций вызывал недовольство властей. На протяжении 1913-1916 гг. газета закрывалась 26 раз, а сам А. Байтурсынов неоднократно арестовывался властями. (Казахстан в начале XX века. - Алматы, 1994. С. 18).

* * *

Большие потери России в живой силе в ходе боевых действий 1914-1916 гг. обострили пробле-

му людских ресурсов. В этих условиях правительство предпринимает различные меры восполнения ее дефицита. Одной из таких мер стало привлечение на оборонные работы “инородческого населения” Центральной Азии и Сибири. В сентябре 1915 года начальник военно-строительных работ русской армии Чаев поставил в известность М.Тынышпаева о возможном привлечении казахов на воинскую службу. В феврале 1916 г. казахская делегация, возглавляемая А.Букейхановым, побывала в ряде правительственных учреждений, в том числе и у военного министра генерала Поливанова, который заявил, что вопрос о привлечении “киргизов пока отложен”. Лидеры “Алаша” в ряде номеров газеты “Казак” обсуждали проблему призыва казахов на воинскую службу, причем большинство склонялось к тому, что из казахов возможно формирование конных отрядов наподобие казачьих войск. В апреле 1916 г. в Каркаралинске, во время ярмарки должен был состояться чрезвычайный съезд по обсуждению вопросов, связанных с призывом казахского населения в армию. Однако съезд не состоялся ввиду подписанного Николаем II указа от 25 июня 1916 г. “О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ”. (Собрание узаконений и распоряжений

правительства. Отдел I. №182. 6 июля 1916 года. С.1747).

Объявив мобилизацию “инородцев” на тыловые работы, правительство решило воспользоваться дешевой рабочей силой, освободив одновременно русских рабочих и крестьян, могущих пополнить действующую армию. С другой стороны, власти опасались дать оружие и военные знания казахам, узбекам, туркменам, киргизам и другим народам, которые в будущем могли повернуть их против России.

Безусловно, дальнейший ход событий в немалой степени зависел от позиции национальных лидеров. В этот драматический период деятели “Алаша” решили оградить народ от новых катаклизмов и сохранить его. Именно поэтому они призвали казахов выполнить указ царя. Во-первых, они считали, что нависшая над Россией внешняя опасность в полной мере касается и казахов, являющихся ее подданными. 11 июля 1916 г. в обращении “К гражданам “Алаш” А.Букейханов, А.Байтурсынов, М.Дулатов писали: “Соотечественники — русский народ, единоверцы-мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы — горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне... Отказаться от приказа власти, подданными которой мы являемся, и сидеть дома, защищая себя, не вступая в защиту государства, это будет на пользу врагу”. (“Казак”. 1916. 16 июля.). Во-вторых, они стремились не допустить воору-

женного выступления практически безоружных казахов против регулярной русской армии. В третьих, в случае победоносного для России исхода войны, они надеялись на облегчение участи казахов и создание национальной автономии.

Осуществляя тактику разумного компромисса с империей, выдвигая на первый план идею выживания народа, лидеры “Алаша” предложили отсрочить призыв на тыловые работы и провести его после соответствующей подготовки.

Встревоженное размахом противодействия выполнению указа, правительство было вынуждено отступить в тактическом плане. Мобилизация в Казахстане и Средней Азии была отложена до середины сентября, причем эта мера преподносилась как царская “милость” в отношении своих подданных. Причина же заключалась в ином: разрозненные, локальные выступления казахов перерастали в общенациональную войну против российского колониализма. Аналогичная ситуация сложилась и в других регионах Центральной Азии. Восстание охватило Киргизию и Узбекистан (Турсунов Х. Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. -М., 1961. С.399).

* * *

В конце июля — начале августа 1916 г. Казахстан становится ареной ожесточенных столкновений.

Наиболее организованным и длительным было движение в Тургайском уезде, где его возглавил внук батыра Имана (сподвижника Кенесары) Амангельды Удербайулы Иманов.

Казахи заплатили дорогой ценой за попытку добиться свободы. Например, население Джаркентского уезда между началом мировой войны и 1 января 1917 г. уменьшилось на 27%, Лепсинска — 53%, Верного — 55% и т.д. В целом потери коренного населения, включая бежавших в Китай, составили около 1 миллиона человек, в то время как по данным переписи 1897 г., в Казахстане проживали 3 млн. 399 тыс. казахов. (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. -Алма-Ата, 1979. Т.3).

* * *

Масштабы и жестокость репрессий были столь велики, что сведения о них стали достоянием общественности. В этом немалая заслуга лидеров казахской интеллигенции, сумевших донести правду до демократической общественности России. Еще в сентябре 1916 г. по заданию Государственной думы лидер фракции трудовиков, будущий премьер-министр России А.Ф.Керенский выезжает в Туркестанский край для ознакомления с положением дел. Накануне открытия работы IV Государственной думы А.Букейханов выехал в Петроград, чтобы на основе собранных документов о зверствах карате-

лей, обратиться к депутатам с запросом. В 209-м номере газеты “Казак” было опубликовано сообщение о поступлении запроса в Думу 19 ноября 1916 г.

В начале декабря 1916 г. председателю Государственной думы М.В. Родзянко были сделаны три запроса по поводу Указа Николая II о “Реквизиции инородцев”. Они были подписаны более чем 90 депутатами от имени фракций трудовиков, меньшевиков, прогрессистов, кадетов, мусульман.

Среди подписавшихся были известные политические деятели России того времени А.Ф. Керенский, Н.С. Чхеидзе, А.И. Коновалов, Г. Джафаров и другие. В запросах отмечалось, что “... многие тысячи туземцев без различия возраста и пола уничтожены карательными экспедициями... нельзя не указать на три вопиющих способа усмирения и устрашения – на поголовное истребление карательными экспедициями населения, на сожжение городов, сел (кишлаков и аулов) или отдельных “преступных” домов и, наконец, на конфискацию у всего населения отдельных городов, волостей и сел недвижимой собственности, что явно нарушает ст. 71 Основных законов Российской империи. Все указанные меры воздействия применяются в огромных размерах в Семиречье, где киргизское население уничтожается тысячами”.

Однако правоконсервативное большинство Думы воспрепятствовало проведению открыто-

го заседания по данному вопросу. Поэтому Родзянко предложил объединить три депутатских запроса в один и заслушать А.Ф.Керенского, вернувшегося из Туркестана. В своем выступлении на закрытом заседании 13 декабря 1916 г. А.Ф.Керенский обратил внимание депутатов на непрерывные сборы с местного населения на военные нужды лошадей, кибиток, верблюдов и т.д. С присущим ему пафосом Керенский заявил: “Это они (указывая в сторону правительства) являются виновниками того, что разрушена эта цветущая окраина. Это они создали там условия, при которых местное население начинает голодать”.

Резко осудил оратор действия карательных отрядов. Вспомнив о своих поездках на фронт, он подчеркнул, что в Туркестанском крае ему порой было страшно, поскольку он видел стогрившие, обезлюдевшие аулы и кишлаки, смерть ни в чем не повинных людей. Керенский категорически отверг слухи о широких закупках повстанцами оружия. “На всем пространстве Туркестана и Степных областей, — сказал он, — никакого вооружения, заготовленного туземцами, не обнаружено. В их распоряжении оказывались несколько старых кремневых ружей, затем были приготовлены именно на этот случай железные полосы вроде кос, палки вроде булавы, дубинки и т.д.”

* * *

Необходимо отдать должное политическому мужеству русских демократических деятелей, которые в самый тяжелый и трагичный период жизни народов Казахстана и Средней Азии, испытавших настоящий геноцид со стороны царизма, с трибуны Государственной думы выступили в их защиту.

Национально-освободительное движение казахов в 1916 году явилось одним из элементов общенационального кризиса, охватившего Россию. Массовость, широкий охват всех слоев общества, выдвижение общенациональных лозунгов, создание институтов государственной власти позволяют оценивать его как национально-освободительную революцию, одну из первых революций подобного типа, происходивших в колониях царской России.

Свержение монархии в результате Февральской революции в корне изменило политическую ситуацию в Казахстане. Казахский народ с радостью встретил это событие и активно включился в политическую жизнь. Одна из резолюций многочисленных митингов весны 1917 г. гласила: “Могучая волна движения народа русского докатилась до наших широких степей несколько позже. Но все же мы, киргизы волостей Утемишской и Карабакирской, теперь с чувством живой радости узнали о том, что русский народ отвоевал для себя

и для всех народов, населяющих Россию, счастье и благо свободы. Волостных управителей наших совсем не желаем и просим их убрать”.

Восторженно встретили весть о революции лидеры национальной интеллигенции. “Для народов России, – телеграфировал из Минска руководитель инородческого отдела Земгорсоюза А.Букейханов, – взошло солнце Братства, Равенства и Свободы. Чтобы поддержать новое правительство казахам надо объединиться. Для укрепления нового порядка необходимо усилить братские узы с другими народами. Надо готовиться к выборам в Учредительное собрание. Боритесь за единство и справедливость”. (“Казак”. 1917. 24 марта).

Временное правительство новой России предприняло конкретные меры для ликвидации последствий имперской национальной политики.

20 марта 1917 года оно отменило всякие ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности. 7 апреля 1917 г. было опубликовано постановление правительства об образовании Туркестанского комитета в составе Н.Н.Щепкина, А.Букейханова, М.Тынышпаева, С.Н.Максutowa, В.С.Елпатьевского, А.Л.Липовского, О.А.Шкапского, П.В.Преображенского, А.А.Давлетшина. (Туркестанский комитет – орган, назначенный Временным правительством)

ством, для управления территорией бывшего Туркестанского генерал-губернаторства). Помимо этого, лидеры “Алаш-Орды” в разное время были назначены Временным правительством на посты Тургайского областного комиссара (А.Н.Букейханов), Семипалатинского областного комиссара (М.Тынышпаев) и другие руководящие должности. Впервые в состав органов управления Казахстаном вошли представители казахской интеллектуальной элиты, по своим политическим взглядам примыкавшие к эсеро-кадетскому блоку. Тем самым признавались ведущие позиции деятелей алашского движения в политической жизни края.

7 марта 1917 г. Временное правительство амнистировало участников восстания 1916 г. Одновременно принимается решение о возвращении с апреля 1917 г. казахов, мобилизованных на тыловые работы. Данные меры обусловили поддержку Временного правительства казахской общественностью.

Осенью 1917 г. было принято решение об оказании финансовой помощи в размере 11 млн. 150 тыс. рублей русскому и казахскому населению Семиреченской области, пострадавшему в ходе событий 1916 года. Из этой суммы 5 млн. рублей предназначалось коренному населению, причем на каждую кибитку полагалось 100 рублей.

* * *

Свержение царского режима и демократизация общественно-политической жизни в стране позволили организационно оформить движение “Алаш”. В июле 1917 г. на всеказахском съезде в Оренбурге была образована партия “Алаш”. Вскоре был разработан проект программы партии, состоящий из 10 разделов. Основной целью партии было создание казахской автономии в составе Российской федеративной демократической республики. (Алаш-Орда. Сб. документов.-Кзыл-Орда. 1929. С. 19).

Сам факт создания национальной политической организации в нашей отечественной истории не до конца осознается. Тем более, что многие положения, в свое время выдвинутые руководителями партии “Алаш”, сохраняют свое значение и поныне. Это была не националистическая, а патриотическая организация, которая ставила своей целью постепенную трансформацию казахского общества и ее адаптацию к современным реалиям. Необходимость учета уровня развития общества, традиций и образа жизни сопровождается либеральными положениями, направленными на модернизацию. Условия того времени не позволяли создать суверенный независимый Казахстан, вследствие этого в программе появляется положение о федеративной, демократической Рос-

сии, состоящей из самостоятельно управляемых автономий. “Во главе правительства стоит Учредительное собрание, в промежутках — президент, избираемый учредительным собранием и Государственной думой на известный срок. Президент управляет через Совет Министров, ответственный и перед учредительным собранием и Государственной думой”. Демократическое начало закрепляется в реализации права выбора всеми гражданами без различия происхождения, вероисповедания и пола. Составители программы подчеркивали необходимость утверждения светских основ государства. “Религия должна быть отделена от государства, все должны быть свободны и равны”. Учитывая, что ислам проникал в Казахстан извне — в его распространении активную роль играли религиозные центры Поволжья и Средней Азии, которые отличались крайней ортодоксальностью, лидеры партии сочли необходимым создание в Казахстане собственного духовного управления — “У киргизов отдельный муфтий”. Влияние традиций привело к необходимости сохранения за муллами регистрации актов гражданского состояния (браков, рождений и смерти). В статье 5-й, касающейся судопроизводства, интересен вопрос о языке. В далеком 1917 году казахские демократы считали необходимым указать, что “в местностях со смешанным населением вопрос и решение суда должны происходить на языке тех, кто составляет в данной местности боль-

шинство. Все народы перед судом равноправны”. Социальная направленность программы определяется тем, что “Взимание налогов должно происходить по степени богатства и имущественного состояния вообще — богатый платит больше, бедный меньше”, “Рабочее законодательство должно быть в пользу рабочих”. Закрепляя в программе бесплатное образование и образование в начальной школе на родном языке, Алаш-ордынцы поставили вопрос о том, что казахи “должны иметь свои средние и высшие учебные заведения включительно до университета”.

Учитывая то, что в прежние годы происходило массовое изъятие земель у казахского населения, в программе ставится задача справедливого решения вопроса, прежде всего — возвращение земель коренному населению.

Реализация программы партии “Алаш” позволяла снять известные противоречия в казахском обществе путем сочетания традиции и новаций. В ней содержались своеобразные переходные положения, которые позволяли осуществлять модернизацию достаточно стабильно. Опыт модернизации восточных государств показал, что капитализм процветает именно там, где ему удастся использовать традиционные связи, как например, в Японии и Корее. Внимательное прочтение программы говорит о том, что это были люди, заботящиеся о процветании своего народа.

При этом их национальная программа позволяла консолидировать все национальности, проживавшие в то время в крае. Одним словом, они выдвинули демократическую альтернативу развития страны, которая так и не была реализована в условиях роста авторитарных тенденций. (Революция и национальный вопрос. Т.3.-М., 1930.).

Казахский народ получил реальную возможность достижения своей главной цели -воссоздания национальной государственности. Однако мирное развитие событий было прервано новым кризисом в российском обществе, который привел к установлению диктатуры партии большевиков.

* * *

Трагической оказалась и личная судьба великих казахов – государственников начала столетия. Но уроки национального мужества и интеллектуальной зрелости не забыты.

Мы можем определенно сказать, что деятельность казахских интеллигентов первой половины столетия, сопряженная со страшными личными трагедиями, современна не только по своему концептуальному уровню, что само по себе уникальное явление, но и по своему гражданскому и нравственному уровню. То, что казахская интеллигенция последнего десятилетия уxo-

дящего века оказалась выше групповых интересов и отказалась от модели агрессивного популизма — это, пожалуй, один из главных факторов стабильности в Казахстане.

Мераб Мамардашвили, известный грузинский философ, сказал в начале 1990-х годов о том, что если его народ не прав, то он не будет вместе со своим народом в его неправоте. Казахские интеллигенты не ставили этот вопрос перед собой, ибо они и воплотили тот нравственный и политический выбор народа, который во многом благодаря им воплотился в нормальном, без политических битв и кровавых разборок, пути развития государства Казахстан. Будущие поколения в свою очередь должны правильно оценить тот не всегда видный, но исключительно позитивный вклад казахской интеллигенции, который она внесла в становление независимой государственности на первом самом сложном этапе нашей новой истории.

Творческая интеллигенция, которая более всего активно выражает эту позицию, лучше чем кто-либо знает изнутри ту принципиально не рационализируемую, а вследствие этого трудно вербализируемую часть нашей историко-культурной определенности, специфики, которая единственно и отличает нас от других народов. Поэтому, было бы слишком легковесным с ходу обвинять ее в ретроградстве и стремлении

возродить в новых условиях традиционное общество или модернизировать номадическую архаику.

* * *

Проблема гораздо более сложна и глубока, чем это представляется иным поверхностным умам. Тревога интеллигенции за нашу культурно-историческую идентичность имеет под собой совершенно фундаментальную основу. Ведь вопрос стоит так, что если мы некритически воспринимаем вызовы времени истории, то казахи, как культурная целостность, должны исчезнуть, уступив место технократически образованным, адекватно реагирующим лишь на одну техногенную и формально-правовую сторону современных требований, людям.

* * *

Уверен, что большая часть казахстанского населения не ставит под сомнение необходимость экономической модернизации, наиболее эффективной при условии широкого заимствования передового технического опыта. Вопрос состоит именно в социальной цене модернизации и ее культурной составляющей.

Теперь же, если отказаться от необходимости сохранить и развить свою культурно-истори-

ческую идентичность, то мы лишимся своей определенности.

Казахская национальная творческая интеллигенция больше направлена на неутрату специфического культурного содержания казахского народа. Она идет в глубь этого содержания, пытаясь найти в нем все новые и новые смысловые, эмоциональные и художественные пласты.

Идя вглубь, она пытается найти ее собственную ритмику, почувствовать ее внутренний неповторимый колорит и аромат. Она художественна. Именно поэтому она ищет неповторимые национальные образы казахского восприятия мира.

* * *

Трепет, тревога, неясное отчаяние и, напротив, романтический порыв, надежда и другие подобные экзистенциальные ощущения переполняют сегодня ее беспокойное сердце. Она большей частью направлена на понимание и сопереживание души казахского народа, а не на рациональные решения возникающих перед ним проблем.

Именно поэтому, в грохоте внешних звуков и давлений современной истории, только она может подслушать ее неспешную, вкрадчивую поступь во всеоружии требований, проникающих

в таинственные глубины тончайшей органики казахского духа и незаметно для многих, но не для нее, меняющих ее внутренние коды и матрицы. Она является хранительницей ее художественной интуиции, ее неповторимого художественного гения. Словом, она понимает культуру казахского народа как неповторимое художественное произведение.

* * *

Помимо политических и экономических причин здесь необходимо назвать и ряд факторов собственно историко-культурного разряда. Трудно решить гигантскую задачу преодоления сложившихся даже в академической науке стереотипов и мифов об абсолютной тупиковости кочевого, номадического общества, не имея сложившихся традиций воспроизводства научной и художественной элиты, институциональных возможностей, не наработав концептуального, теоретического, методологического багажа собственной прошлой и текущей современной истории.

Это касается не только казахов, но и истории всех тюрков, ибо нет даже удовлетворительного фактологического базиса, не говоря уже о хотя бы предварительной осмысленности его и на этой основе, более или менее адекватных концептуальных полотен.

Такого рода попытки имели место. Большею частью это связано с личностным творческим масштабом этих людей. Принадлежа как творческие личности к двум смысловым и художественным мирам, они представляют собой смысловые сгущения нашей новейшей казахской истории. Это своего рода осевые фигуры нашей культуры в потоке времени истории. Переоценить их значение для нашей культуры трудно. И ведь имен этих десятки — Чокан и Абай, Ауэзов и Сатпаев, Маргулан и Букейханов...

Сейчас, когда Казахстан открыт миру, множество людей напрямую устанавливает контакты с западными странами во всех сферах жизни. Да и они сами успешно проникают в нашу страну. Все это, безусловно, влияет на развитие казахской нации, усвоение ею ценнейшего западного опыта в области техногенного и гуманитарно-институционального соответствия современным историческим вызовам.

Необходимо понимать, что существуют глубокие основания для такой позиции. Главным является то, что модернизацию принципиально невозможно осуществить без освоения западной технологии, усвоения его институционального опыта в различных сферах общественной жизни.

Было бы просто нелепо отвергать эту позицию только из-за того, что она проповедует якобы сугубо внешние императивы. Нет. В содер-

жательном плане она выражает сумму необходимых требований времени истории. Причем не только в сознании и психологии, но и на практике, она является неотъемлемой и все больше увеличивающейся частью современной казахской нации, на деле является локомотивной группой, способной освоить, реализовать на практике техногенные, институциональные, гуманитарные реформации в западном стиле, доказавшие свою рациональность и применимость во всем мире.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ

Время неподвижно,
как берег:
нам кажется, что оно бежит,
а, напротив, проходим мы.

П. Буаст

Мир изобрел не так много способов национальной идентификации.

Одна из них — это религиозная идентификация. В свое время по этому пути пошла еврейская нация, хотя, конечно, со временем “внутренних идентификаторов” для евреев стало значительно больше, особенно с появлением государства Израиль. На начальном же этапе такой идентификации, такого самоопределения своего национального “Я” главным является принятие единой религиозной системы.

Она становится главной, доминирующей в системе ценностей народа. Кстати говоря, этот путь в известном смысле, хотя, конечно, со многими другими факторами идентификации характерен и для арабского суперэтноса, и отчасти для поляков.

Конечно, в современных условиях этот способ национальной идентификации затруднителен в силу многих объективных причин.

Он скорее работает как один из дополнительных способов формирования идентичности на основе включения в большие суперэтнические общности цивилизационного типа.

* * *

Роль ислама для казахов значима и понимание этого становится важной характеристикой нашего национального сознания, особенно после долгих лет искажения роли и смысла этой великой и гуманистической религии. В то же время необходимо ясно видеть, что религия не является сегодня доминирующим способом национальной идентификации. Причин тому много, в том числе и исторических.

Это прежде всего номадический и постномадический период нашей истории в рамках российской империи, где в качестве государственной религии насаждалось православие, а затем и в период советской истории, где атеизм был важнейшей составляющей государственной идеологии.

Между тем реальная роль религиозного сознания в истории очень велика. Вспомним в этой связи, что Европа около двенадцати столетий именно в религиозных терминах прошла сквозь тяжелый и драматический путь приобщения массовидного, неграмотного европейского индивида к великим духовным ценностям. Реформация приобщила европейского индивида к решению своих “метафизических вопросов”, зачастую даже минуя посредников. Другими словами, произошла реформация его основной сферы духовной жизни, что изменило его отношение к себе, государству, обществу. Что способ-

ствовало в немалой степени и становлению новой, как модно говорить сегодня, ментальности.

Сейчас ислам, самая распространенная религия современного мира, проходит сложный процесс реформации при сохранении своих фундаментальных постулатов. Недооценивать колоссальной роли этого в процессе национального развития стран, где ислам имеет глубокие исторические корни, просто недопустимо.

Каким же образом миллионам людей, находящихся под прессингом бытовых трудностей, дать духовную надежду, затронуть тот слой его “метафизической сущности”, чтобы он мог видеть себя не просто пассивным винтиком, но ощущал себя как некоторый духовный индивид, имеющий свою ретроспективу, и, главное, ощущающий свою личную ответственность за создание национальной духовной перспективы? Это вопросы, ответ на которые в немалой степени лежит и в религиозной сфере. Свобода совести, определенная в нашей Конституции как один из приоритетов, есть таким образом не мертвый юридический принцип, но признание колоссальной роли одного из важнейших общественных институтов.

* * *

Мы не должны забывать о том, что всегда были включены в крупнейшие мировые религии-

озные традиции. И это также источник нашей сегодняшней идентификации, хотя, повторюсь, и не основной. Двадцатое столетие вообще время парадоксов, и один из них состоит в том, что в современном мире нация, не имеющая религию в качестве дополнительной компоненты духовной модернизации, отчасти становится жертвой чужих государственных систем, использующих, сознательно или бессознательно, свои религиозные ценности в качестве моделей, образцов для других.

Конечно, демократическое государство не вправе насильно “вбивать в головы как гвозди” те или иные религиозные догматы. Это принципиальная позиция сегодняшнего руководства Казахстана. Вспомним и наши исторические традиции. Ведь тюрки всегда были терпимы к религии покоренных ими народов. Даже трехсотлетнее господство кочевых народов на Руси отличалось своей религиозной веротерпимостью.

Словом, наши предки и родственные тюркские народы никогда не отличались религиозной агрессивностью и с уважением относились к духовной свободе других народов. Это урок истории, который следовало бы знать вместо неграмотных суждений о “реакционной роли ислама в Центральной Азии”.

Мы должны быть готовы к росту религиозности в массовом сознании, и ничего угрожающего в этом нет.

Ведь сама по себе религия ничему, кроме ясных нравственных истин, не учит. Единственное, что нам угрожает, это недостаточно высокий уровень собственно конфессиональных знаний. Конечно, это не дело государства. Но все мы живем в одной стране, и очень важно, чтобы свет истинной веры не искажался в угоду невежественным представлениям о самих религиях. Религиозный фанатизм, как правило, исходит не от избытка веры, но от недостатка настоящей религиозной культуры.

В Казахстане сложилась добрая традиция взаимного уважения и понимания представителей конфессий, и это великое благо.

* * *

Однако возвращаясь к вопросу о способах национальной идентификации и отмечая большую роль религии в этом, нельзя не видеть и других способов идентификации.

Один из таких способов – это идентификация на основе расы. Некоторые идеологи так называемого “негритюда” пытались построить такую концепцию для многих стран Африки. Иногда такие подходы используются и в гораздо более спорных случаях. Но мы должны однозначно определиться по этому поводу применительно к Казахстану. Ведь наша территория подвергалась и процессам монголизации, и индоевропеизации. Нельзя забывать и о том, что

на территории Казахстана происходил по крайней мере на протяжении столетия и активный процесс метисации, то есть смешивания населения на базе межнациональных браков. Поэтому рассуждать о расовом критерии национальной идентификации в Казахстане по крайней мере неуместно.

* * *

Что же тогда может явиться реальной моделью национальной идентификации? Это, пожалуй, наиболее сложный вопрос политической и культурной жизни современного Казахстана. И, как многие сложные вопросы, не имеет простого ответа. Но любому политику необходимо отвечать на него.

Многонациональный состав, поликонфессиональность страны, особенности истории и географии, — все это диктует необходимость двухуровневого подхода к решению вопроса об идентичности, этой альфы и омеги национальной политики.

Первый уровень связан с формированием народа Казахстана как единой гражданской и политической общности. Именно народа, а не суперэтнической общности. Важно понять различие между принципиальным подходом, направленным на формирование единой этнической общности и подходом, направленным на формирование гражданской общности. Поэтому рас-

суждения о так называемой казахстанской нации несколько преждевременны и причин тому много. На данном этапе в решении задачи первого уровня важнее другое. Необходимо, чтобы государство из чисто формального объединения граждан превратилось в единство, сплоченное и общими ценностями. Национально-государственная идея отличается от обязательной тоталитарной государственной идеологии тем, что она не насаждается сверху, но вырастает из реального развития общества. И эта национально-государственная идея формируется вокруг главной политической ценности — единого, территориально целостного и независимого Казахстана — Родины всех казахстанцев, независимо от национальной принадлежности. Единство, целостность и независимость Казахстана — это ценности, которые не носят конкурентного или конфликтного характера для представителя любой этнической общности. История судит о делах человеческих, как правило, с расстояния. И через несколько десятилетий значение этих простых и ясных принципов будет гораздо более очевидным, нежели сегодня.

* * *

Почему сегодня рано говорить о формировании единой казахстанской нации? И почему я предпочитаю говорить о единстве гражданском и политическом, а не этническом? Во-первых,

этническое разнообразие современного Казахстана не позволяет в ближайшей исторической перспективе говорить о формировании единой этнической идентичности. Нужно быть реалистом и понимать, что на сегодня нас могут сплотить прежде всего политические ценности. Хотя такой культурный интегратор, как казахский язык, конечно, должен сыграть свою более существенную роль. Форсаж в плане становления единого этнического сознания всех казахстанцев может обернуться большими драмами.

Во-вторых. Мы видели совсем недавно на опыте СССР исторический провал ассимиляционной модели, попытки сведения всех к одному языку, идеологии, культуре. Как только были сломаны тоталитарные силовые скрепы, вся эта пропагандистская машина под эгидой нового суперэтнуса рухнула, как замок на песке. Уроки истории лучше учить, нежели испытывать на судьбе собственного народа. В модели демократического государства ассимилирующие механизмы, конечно, тоже действуют, но это происходит естественным эволюционным путем, а не путем силового прессинга.

В-третьих, сама казахская нация должна набраться опыта независимого развития и закалиться на пути национальной консолидации и возрождения единого этнического сознания. Надо укреплять и воспитывать единство собственно этнического казахского сознания. И это абсолютно естественная позиция.

* * *

Вспомним поразительные исторические и современные примеры развитого этнического сознания. Например, поразительную стойкость национальной идентификации у евреев или армян. Тысячелетия мировой истории гонений и остракизма, погромов и концлагерей не смогли сломать острого ощущения своей этничности и подрастающего поколения из Кишинева, и бизнесмена из Нью-Йорка, ощущения своей принадлежности к великому еврейскому народу. Разметанные по всему миру армяне Франции и США, России и Ливана сохраняют мощные механизмы национальной идентификации, несмотря на все превратности судьбы.

Меня всегда удивляла и восхищала способность татарского народа, разбросанного на огромных просторах, в самых сложных условиях сохранять свое национальное "Я". А посмотрите на немцев Казахстана. Даже поселки с немецким населением под Карагандой или Кустанаем всегда отличались особым немецким духом, не говоря уже о сохранившейся, несмотря на очень непростую судьбу поволжских немцев, культуре и языке. Самые великие сыны России, которых и язык не поворачивается обвинить в каком-то национализме, с гордостью и любовью ощущали и пестовали свою "русскость". И это чувство своей национальной идентичности нисколько не мешало уважению к другим культу-

рам и этническим сознаниям. Я вполне понимаю и современных творцов русской культуры, которые открыто и гордо заявляют о величии русского национального духа. А что скрывать – каждый народ создает свое “заповедное поле духа” и гордится им.

Развитие казахского национального самосознания, чувства своей принадлежности к прекрасному и богатому историческому и культурному целому, что зовется именем “казах”, это – главный этнический приоритет. И скрывать или придумывать дипломатические оговорки здесь нет нужды. Это абсолютно нормальное явление.

* * *

Кратко суммируя, можно сказать, что основой первого уровня идентификации является наше гражданское и политическое единство. У нас, казахстанцев, есть единые политические ценности. И задача состоит в том, чтобы эти ценности стали главными, доминирующими в гражданском сознании народа Казахстана.

В демократическом государстве права всех национальных групп должны быть надежно защищены законом, и это соответствует нашей реальной практике. На ближайшую историческую перспективу не стоит задача превратить всех в одну казахстанскую нацию. Ибо это невозможно по причине этнического, конфессионально-

го, культурного разнообразия населения Казахстана. Невозможно, поскольку демократический Казахстан отказывается от методов силовой ассимиляции, столь печально закончившейся в недавней советской истории. И, наконец, в силу того, что сама казахская нация решает сегодня задачу развития мощного этнического самосознания, способного резко консолидировать нацию. Поэтому суть первого уровня идентичности — это идентификация своей гражданской политической судьбы с государством Казахстан, которое в равной степени защищает интересы всех своих граждан. Это база нашего единства и стабильности.

Второй уровень идентичности связан с национальной идентичностью самих казахов. Сама идея этой работы появилась в связи с проблемой казахского национального самопонимания, самоопределения в духовных координатах. И это — предмет большого открытого разговора, который стоило бы рассмотреть отдельно.

* * *

Национальное самосознание в условиях свободного и беспрепятственного развития высвобождает огромные резервы и объемы эмоционально-душевной энергии и чувств по отношению к своей национальной общности, без чего патриотизм становится лишь казенным. Казахский народ получил такую возможность в пол-

ной мере осознать свою “казахскость” лишь после обретения независимости.

Формирование национального самосознания происходило прерывисто, под влиянием мощных внешних воздействий, иногда “замирало” на десятилетия. К тому же единая этноэволюционная линия не раз пресекалась. Практически институциональная защита казахской культуры и языка не достигали даже минимально необходимого уровня, что приводило к своего рода анемии всех жизненных органов, необходимых для полноценного воспроизводства этнокультурной жизни.

Все это — реальная наша история и трезвое понимание этих обстоятельств чрезвычайно важно для “диагноза” современного состояния казахского самосознания.

Многие, без преувеличения, надломы связаны с огромными инерционными моментами, отражающими часто влияние даже не последних десятилетий, но целых столетий.

* * *

Что имеется в виду, когда говорится о прерывистости процесса становления общеказахского национального самосознания? Да вполне известные факты. Нация, имевшая еще в средневековые развитые инструменты централизованной государственности, под давлением внешних воздействий на целые столетия теряла воз-

возможность собственного, а не навязанного государственного строительства. Повлияло это на национальное самосознание? Безусловно.

Что имеется в виду под прерыванием естественной этноэволюционной линии развития? Также вполне известный факт насильственного сужения базы кочевого хозяйства, а впоследствии и принудительного перевода на оседлость. Слом традиционного хозяйственного уклада, произошедший не под воздействием естественных эволюционных изменений самого этноса, но в результате навязанных целей иной культурной и хозяйственной системы, привел не только к деформациям в социальной структуре, но и к болезненной ломке национального сознания.

Для национального сознания чрезвычайно важно опираться на систему общественных институтов, оберегающих и развивающих этническую культуру и язык. Особенно это касается системы образования и средств массовой информации. Мы видели систему образования, выстроенную по принципу “остаточности казахского языка”, когда наиболее мобильные и конкурентоспособные профессии и специальности невозможно было получить на казахском языке. Как результат — снижалась мотивация, особенно у элитных групп нации, на профессиональное владение языком. Это прямо сказывалось и на национальном сознании. Закономерность здесь простая — минимизация институциональной защиты национального “Я”. И когда

сегодня государство Казахстан восстанавливает то, что “минимизировалось” в прошлом, это восстановление нормального хода вещей и должно правильно пониматься.

* * *

Что принципиально изменилось за годы независимости и что стало базой отсчета для развития национальной идентичности?

Во-первых, казахи в конце столетия вновь стали абсолютным большинством на своей родной земле. Эта сухая статистическая цифра говорит о многом. Сегодня казахи составляют больше половины населения страны. К тому же демографический потенциал в силу молодости нации – средний возраст около 25 лет – остается высоким. Почему преобладание французов во Франции, русских в России, немцев в Германии воспринимается абсолютно естественно и почему демографическое преобладание казахов на родной земле должно вызывать какие-то вопросы? Да, это крупное и позитивное явление, придающее казахскому народу законную гордость.

Во-вторых, казахская нация сегодня представлена на всех “этажах” социальной структуры. Мы обретаем социальную структуру современного рыночного общества. И казахская нация успешно осваивает новые социальные ниши, связанные с функционированием национально-капитала, менеджерской страты, новой госу-

дарственной бюрократии, управленцев в военной сфере, дипломатов и т.д. Мы не могли мечтать даже семь лет назад, что тысячи молодых казахов получают великолепное образование в ведущих университетах и бизнес-школах мира. Государство и дальше будет поддерживать это направление образования.

Национальная картина мира и национальное сознание резко расширяются, получая импульсы для саморазвития на новой технологической, информационной, понятийной базе.

Появляются новые “локомотивные группы” в казахском обществе. Можно, конечно, сетовать на недостатки в этом процессе. Они действительно есть. Но бесспорно одно – казахская нация на хорошей скорости осваивает целый спектр новых социальных ролей, без которых ни одна нация просто не выживет в сегодняшнем конкурентном мире.

В-третьих, получило полное правовое обоснование, конституированное и на международном уровне, то, что весь Казахстан является историко-генетической территорией казахской нации.

Это доказано всеми серьезными историческими источниками – китайскими, арабскими, византийскими, русскими, иранскими. Это подтверждено с решением всех проблем и демаркации границ между Казахстаном и КНР. Аналогичные документы подписаны с Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о делимитации границ.

Признание этого факта принципиально важно, и правовое закрепление его, как политико-правовой данности, имеет для национального сознания значение первостепенное. Исторический горизонт существования казахской государственности выходит далеко за пределы двадцатого столетия, как бы ни пытались оспорить это некоторые наши оппоненты. Национальное сознание чутко регистрирует эту легитимацию своего историко-государственного долгожительства.

* * *

Проблемы, связанные с развитием национального самосознания казахов, отнюдь не столь просты и тривиальны, как это может показаться на первый взгляд. Вопрос ведь не сводится к развитию языка или национальной школы. В казахской среде еще очень сильны чисто этнические акценты. Иначе говоря, ориентация на общих предков, расширение масштаба “общей крови и общих корней” до макросоциальных размеров. Это вполне объяснимо и отчасти оправданно, но застревать на этом уровне — значит остаться этнической, а не национальной общностью.

Классический “рецепт” состоит в том, что нация рассматривается как сообщество людей, объединенных идеей национального самоопределения.

Мы эту идею реализовали на правовом уровне. Задача состоит и в том, чтобы среди наших ценностей она доминировала и выступала консолидирующим ядром национального сознания.

Есть и другой поворот этой мысли. Осознание себя каждым казахом в планетарном масштабе как носителя национального, а не как представителя той или иной социальной группы. Важность национальной идентификации, ее преимущественный характер над социальной идентификацией есть гарант сохранения и развития национального.

И здесь возникает проблема, которая беспокоит не только казахов в современном мире. Действительно, на протяжении всего двадцатого столетия постоянно возникали в той или иной форме попытки сконструировать идентичность через цивилизационные, религиозные или идеологические доктрины. Когда обвиняют коммунистическую идеологию в попытках сконструировать идентичность на базе идеологических постулатов, то забывают, что коммунизм был не одинок в таких попытках. Ведь и либерализм, базирующийся на планетарном “усвоении” принципов рационализма и индивидуализма, — та же попытка заменить национальное универсальным. Более модные попытки конструкций цивилизационных систем, предпринятые в последние десятилетия, также страдают грехом унификации национальных моделей. Это ведь касается даже не столько способов организации

экономической жизни, сколько системы ценностей.

Однако все эти грандиозные конструкции, имевшие место в истории и отчасти оправданные объективно, не могут отменить принципиального факта. Именно национальная идентификация остается сегодня главным способом “классификации человеческого сообщества”. Более надежного и основательного инструмента пока нет.

Говоря о национальном сознании, мы должны рассмотреть и государственную идентичность, понимаемую прежде всего как соответствие государства, его институтов всем признакам независимого государства. В мировой практике сложился общепринятый идеал государства. Существуют международные нормы о статусе независимого государства. В качестве общей модели организации в большинстве стран принята модель демократического правового государства. Государственная идентичность предполагает целостность государства. Из существующих в мировой практике типов целостности специалисты выделяют органическую, геометрическую и ортопедическую. Первый тип возникает как результат естественного саморазвития этноса. Второй как результат миграции этносов на общую территорию. Третий как территориальная смесь исторически малосвязанных этносов, объединенных только политической силой.

Казахстан есть, безусловно, органическая целостность. Казахский этнос является автохтонным этносом с одной стороны. Это территория его этногенеза и постоянного исторического проживания. С другой стороны, речь идет не просто о конструировании государственности в терминах XX века, но о восстановлении прежде существовавшей государственности казахов. Это важно понять. Поэтому многовековое стремление казахов воссоздать свою государственность в полном объеме на своей автохтонной территории и есть органическая целостность государства.

* * *

Завоеванные и освоенные территории становились неизменным атрибутом государственности. Еще в древние времена кочевые народы понимали необходимость сохранения территориальной целостности, будь то территория расселения рода, племени, союза племен или государства.

Знакомясь с китайскими источниками в переводе известнейшего востоковеда Иакинфа Н.Я. Бичурина), я натолкнулся на ярчайший пример понимания того, что можно расстаться со многими важными вещами, но утрата территории равносильна первому шагу к крушению государства. Это история правителя хуннов шаньюя Модэ: “Дун-ху отправил к нему посланца

сказать, что он желает получить тысячелийного коня (коня, способного пробегать 1000 ли в день), оставшегося после Туманя (прежнего правителя, отца Модэ). Модэ потребовал совета у своих вельмож. Вельможи сказали ему: тысячелийный конь есть сокровище у хуннов. Не должно отдавать. К чему, сказал им Модэ, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной лошади для них? И так отдали тысячелийного коня. По прошествии некоторого времени Дун-ху, полагая, что Модэ боится его, еще отправил посланца сказать, что он желает получить от Модэ одну из его Яньчжы. Модэ опять спросил совета у своих приближенных. Приближенные с негодованием сказали ему: Дун-ху есть бессовестный человек; требует Яньчжы. Объявить ему войну. Модэ сказал на это: к чему, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной женщины для них? И так взял свою любимую Яньчжы и отправил к Дун-ху. Владелец в Дун-ху еще более возгордился. В хуннских владениях от Дун-ху на запад есть полоса земли на 1000 ли необитаемая. На ней только по границе с обеих сторон были караульные посты. Дун-ху отправил посланца сказать Модэ, что лежащая за цепью обоюдных пограничных караулов полоса брошенной земли, принадлежащая хуннам, не удобна для них, а он желает иметь ее. Модэ спросил совета у своих чинов, и они сказали: это неудобная земля; можно отдать и не отдавать. Модэ в чрезвычайном

гневе сказал: земля есть основание государства; как можно отдавать ее? Всем советовавшим отдать землю отрубил головы” (Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1.-М-Л., 1950. С. 47-48).

Так что наше отношение к защите Отечества и его территории впитано нами от предков, и это чувство передавалось из поколения в поколение. Кстати, проблема охраны границ как мощного фактора национальной идентичности, до сих пор не утратила актуальности и исследуется современными учеными. Вот что, например, пишет американский психоаналитик турецкого происхождения В. Волкан: “Национальные границы вообще несут очень важную психологическую нагрузку. Подобно коже человека, они как бы обтягивают нацию, помогая ей сохранить свою групповую самоидентичность. Причем в условиях стресса значение “этой общей кожи” для каждого отдельного человека возрастает. Поэтому охрана границы приобретает ритуализированный характер.” (Волкан В., Оболонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика //ОНС. 1992. № 6. С.38).

* * *

История нашего народа — это не только история войн, военных побед и поражений. Она

всегда имела созидательный характер – идет ли речь о создании и укреплении государства, строительстве городов, прокладке караванных путей, написании научных трактатов, формировании собственной культуры.

В течение веков под воздействием европоцентризма формировалось представление о борьбе между двумя противоположностями – кочевниками и оседлыми народами.

При этом кочевники всегда представлялись как дикие орды разрушителей достижений мировой цивилизации и культуры. Но проходит время, и исследователи все более и более задаются вопросом о реальности такой картины.

Да существовали ли в Евразии так называемые чистые кочевники, а тем более на территории Казахстана? Исследования археологов и историков уже давно и достаточно определенно доказывают существование в степях Казахстана оседло-земледельческих поселений. Эти небольшие поселения возникали в местах зимовок, где постепенно оседали некоторые представители кочевого общества, прежде всего обедневшие и не имеющие скота. О них Махмуд Кашгари писал: “Те, которые... не переезжают в другие места и не воюют, т.е. заброшенные...” (Махмуд Кашгари. Т. 3. С. 12).

Основным видом зерновых культур являлось просо. Известные путешественники Плато Карпини и Рубрук независимо друг от друга утвер-

ждали, что в растительной пище кыпчаков первое место принадлежало просу (Путешествие в восточные страны... - Алматы, 1993 г. С. 98, 124.).

Данные археологии свидетельствуют, что посе́вы кыпчаков и представителей других племен в основном находились в бассейнах рек Сырдарья, Сарысу, Ишима, в предгорьях Каратау (Маргулан А.Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане.//Известия АН Каз ССР. Сер. археол., 1951. Вып. 3. С. 58).

Подспорьем в хозяйственной жизни кыпчаков были охота и рыболовство. Еврейский путешественник Петахьи писал, что “кыпчаки чрезвычайно дальнозоркие, отличные стрелки из лука и убивают птицу на лету” (Марголин П.В. Три еврейских путешественника, XI-XII вв.).

Другим путем перехода кочевников к оседлости было их проникновение в города. Примерами этого являются Сыгнак, ставший с середины XII века политическим центром кыпчаков, Каялык и Каракурум, города канглы. Обитали кыпчаки и канглы и в городах Хорезма — Отра-ре, Самарканде, Бухаре и других. Бесспорно, существовали у кыпчаков и канглы ремесла, хотя они в основном носили домашний характер, обеспечивая внутреннее потребление. Развивалась торговля, которая осуществлялась главным образом посредством натурального обмена. Основным меновым эквивалентом служил скот.

Ибн-Батутта свидетельствует, что кыпчаки вывозили коней на продажу в Индию (СМИЗО, т.1, с. 539). В то же время отмечается появление товарно-денежных отношений. На обращение монет в Дешт-и-Кыпчаке указывает Ибн-Батутта, который писал, что хороший конь стоил 500 и более динаров, а 100 динаров серебром давали за простую лошадь (СМИЗО, т.1, с.539). Сохраняя и воспроизводя многие институты патриархального уклада, общество кыпчаков и канглы, тем не менее, уже вступило в этап утверждения и развития ранних государственных отношений.

* * *

Уже в те годы начала формироваться наследственная знать, которая сосредоточила в своих руках управление делами государств. Нам, которым долгое время толковали о кухарках, управляющих государством, в течение десятилетий внушали идею о феодально-байском как о чем-то недостойном существования. Степная элита представлялась как крайне реакционное и антинародное явление. И в то же время история всех народов полна пиетета по отношению к руководителям государств, дворянству, аристократии. Несомненно, что это были люди разного потенциала и возможностей. Но именно эта среда обеспечивала развитие страны, развитие нации в условиях домашних цивилизаций.

Недаром история народов зачастую пронизана деятельностью выдающихся и не очень правителей, бюрократической и интеллектуальной элиты. Идея освященного небом правления династий стара как мир и легитимизировала существующее государство. Эти концепции, наряду с религиозными, были своеобразными идеологиями, позволявшими не рассыпаться государствам.

Естественно, что аналогичные концепции божественного происхождения династий были характерны и для кочевников. Основой религии древних тюрков было поклонение Небу (Тенгри) и Земле (Земле-Воде, Жер-Су). В этой паре божественных сил основным было небо.

Именно по воле неба, считали тюрки, правили каганы, которые именовались “небоподобными и на небе рожденными”: “Небо, руководя со своих (небесных) высот отцом моим Ильте-риш-каганом и матерью моей Ильбильгя-катун, возвысило их (над народом)”. Тюркские каганы в своих надписях постоянно призывают небо быть благосклонными к ним. Небо, Земля-Вода, верили они, спасали тюркский народ в лихую годину. (История КазССР. Т.1. С. 430)

* * *

В степях Казахстана и Восточной Европы шел интенсивный процесс формирования родо-

вой знати, ханских родов. Из этой среды уже в XI веке выделились знатные, пользующиеся особым влиянием роды, возглавляющие союзы кочевых племен.

“Юань-Ши” свидетельствует по этому поводу: “Бухуму. Его предки из поколения в поколение были знатными людьми племени канглы...” (“Юань-Ши” цз. 130, с. 1502/27454.)

“Ашабухуа (Асанбука) является потомком знатного ханского рода канглы (канго-ванцзу)...” (Там же, цз. 136, с. 27517/1565).

Рашид-ад-дин в свою очередь пишет: “Главою кипчаков во времена Чингиз-хана был эмир из племени кипчак по имени Кунджек... Он имел сына по имени Кумурбиш-Кунджи. [Оба] они, [отец и сын] принадлежат к роду государей кипчаков” (Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — М. - Л., 1952. Т. I, кн. I. С. 151).

Как сообщают русские летописи, во главе кыпчакских объединений стояли наследственные князья-ханы. Судя по данным летописцев, которые упоминают имена некоторых родственно близких кыпчакских ханов, можно предполагать бытование у них наследственной власти. В частности, ханом одного из кыпчакских объединений в причерноморских степях в начале XII в. был Шарух, ему наследовал сын Отрак. Впоследствии власть перешла к сыну Отрака Кончаку (Полное собрание русских летописей. Т. II. С. 741).

* * *

Еще в глубокой древности рунические надписи в честь Бильге-кагана и Кюль-Тегина говорили: “Если ты, тюркский народ, не отделился от своего кагана, от своих бегов, от своей родины... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечно” (Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии.-М., 1964. С. 62).

Главенствующее положение руководителей кочевых государств и сообществ находило свое отражение в одежде. Например, в золотой одежде иссыкского воина был заложен смысл не только внешнего эффекта. Главное его назначение — возвеличить личность вождя, возвести его в ранг солнцеподобного божества, стоявшего на самой высокой ступени иерархической лестницы. (История Каз.ССР. Т.1. С.219).

Организуя защиту от внешней опасности, выступая в качестве “хранителя и распорядителя внутренней жизни племени”, кыпчакская знать получила право пользоваться добровольными подношениями и другими натуральными услугами от опекаемых соплеменников. Знать кыпчаков и канглы организовывала грабительские походы на соседей и в первую очередь на оседлых земледельцев. В то же время военные

предприятия служили для упрочения ханской власти и укрепления внутриплеменных связей. Рядовая масса кыпчаков и канглы несла военную службу в ополчении, возглавляемом родовыми и племенными вождями.

* * *

Наиболее известной идеологией подобного рода стал чингизизм. Об этом достаточно убедительно написал В.П.Юдин: “Складывающиеся в процессе исторической деятельности Чингизхана и его потомков в чингизизм, дополненный элементами шаманизма, эти мифы в их новой системе стали для татаро-монголов могучей духовной силой, адекватной их воинской мощи. Но чингизизм был не только религией. Чингизизм был мировоззрением, идеологией, философией, санкцией общественного строя и структуры социальных институтов, политической и правовой системой, культурологической доктриной, основой просвещения, средством регуляции поведения в семье и обществе... Чтобы показать значение чингизизма в истории тюрко-монгольских народов, напомним лишь несколько общеизвестных фактов. Чингизизм освятил право рода Чингизхана на верховную власть. Это, в частности, выразилось в том, что титул “хан” стал исключительной прерогативой Чингизидов. Попытка присвоить ханский титул нечингизи-

дом в сознании тюрко-монгольских и многих других народов отражалась как противоправная и даже аморальная. Такой акт как бы ставил вне закона лицо, решившееся осуществить его” (Юдин В.П. Орды: белая, синяя, серая, золотая...- Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. -Алма-Ата, 1992. С.19–20).

* * *

Именно представители сословия торе заложили основы Казахского государства. Высшее сословие в казахском обществе представляли султаны, т.е. потомки Чингисхана по мужской линии – Чингизиды.

Они были самой влиятельной силой в казахском обществе. Дети Чингизидов по праву рождения приобретали титул султана и права, потомственно принадлежавшие этой социальной группе, как-то: монопольное право на ханский трон, не несли никаких, кроме военных, повинностей, были избавлены от телесного наказания и суда биев.

Каждый Чингизид, независимо от того, к какой именно династии потомков Чингисхана он относился, мог претендовать на ханский титул в любом месте, где в какой-то мере сохранились традиции монгольской империи. Поэтому казахские Чингизиды оказывались то в роли падишаха каракалпаков и кыргызов, то в роли ханов

Хивы и Бухары. Интересно, что впоследствии, через много веков, чингизид и востоковед Ч. Валиханов писал: “К белой кости принадлежат нойоны и зайсаны (у калмыков) и султаны — потомки Чингис-хана (у киргизов); по мнению народа, они происходят от солнечного света и, следовательно, благодаря их абсолютной сверхъестественности, божественному происхождению, пользуются властью и уважением” (Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах //Соб. соч. - Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 39). Казахские султаны были люди образованные. Так хан Шигай, “выросший в степи и пустыне, сочинял стихи”, султан Мухаммед Мумин “был мужем знающим и даровитым, большую часть “Шах-намэ” знал наизусть и книги читал приятно на слух”.

Здесь необходимо упомянуть Кадыралибека, сына Хошумбека из племени джалаир, автора начала XVII в. Он сделал сокращенный пересказ на тюркский язык труда известного персидского историка XIII в. Рашид-ад-дина “Джами-ат-таварих” (“Сборник летописей”) и составил родословия о жизни и деятельности казахских ханов и султанов XV — XVI вв.

Интересны сведения об образованности казахских султанов — ханов Хивы XVIII в. Условия кочевого быта и распри, раздиравшие ханства, не благоприятствовали среди казахов распространению письменности и книжного образования. Но образованность верхушки казах-

ского общества — султанов, следует рассматривать как одно из следствий их привилегированного положения.

* * *

Становление и развитие нации невозможно без сохранения исторической памяти народа, а к числу наиболее значительных вех в историческом прошлом всегда и везде относится время возникновения национальной государственности, независимо от того, каков был социальный облик этой государственности и какая форма государственного устройства была приемлема и возможна в те времена.

Создание казахского ханства в 1471 году явилось переломным моментом в истории Казахстана. Политическая и общественная значимость этого события заключается в том, что Казахское ханство — первое по времени в Центральной Азии национальное государство, созданное ныне существующим тюркским народом, а не его предшественниками или историческими предками.

Процесс сложения казахской народности сопровождался формированием этнической территории; образованием трех этнотерриториальных объединений — Старшего, Среднего, Младшего в силу действия этнополитических, хозяйственных, естественно-географических факто-

ров. Кроме того, и после образования народности сохранилась, в основном, имевшаяся родоплеменная структура, а также тип хозяйствования и система культурных традиций.

В 1459 г. в Семиречье перекочевала и выделась не просто группа разрозненных племен, а объединение родов и племен, составлявших население улуса Джаныбека и Гирея. Они представляли не просто политическую группировку, а субэтническую общность конгломератного типа. В этом году на степных просторах Семиречья произошла историческая встреча формирующейся казахской народности со своим именем. И отныне слились в нерасторжимое единство история людей, приверженцев Джаныбека и Гирея, и история слова “казак”. Таким образом, были подготовлены условия для создания Джаныбеком и Гиреем в 1466 году казахской государственности.

В истории казахского права той эпохи известно три законодательных памятника: “Қасым ханның қасқа жолы” (Праведный путь хана Касыма), “Есім ханның ескі жолы” (Исконный путь хана Есима), которые народное предание связывает соответственно с именами ханов Касыма и Есима и “Жеты-Жаргы” (Семь установлений) Тауке-хана. В “Жеты-Жаргы” вошли постановления, вызванные потребностями военно-политической и социальной жизни казахского общества XVII в. Эти правовые памятники отразили

вековую мечту казахского народа о единении и обретении самостоятельной государственности.

Завоевание Средней Азии кочевыми племенами, известными под общим названием узбеков, явилось выдающимся событием в этнополитической истории современного узбекского и казахского народов. Это событие – территориально-этническое, социально-экономическое и культурно-бытовое разграничение населения бывшего Узбекского улуса, вызванное передвижением значительной части племен улуса в Среднюю Азию, сыграло решающую роль в окончательном сложении новой этнической общности – казахской народности. Просторы Казахстана, известного в это время под названием восточный Дешт-и-Кыпчак, перестали быть местом исторического перепутья терминов “өзбек” и “казак”. Слово “өзбек” стало обозначением группы племен, ушедших в Среднюю Азию с Мухаммедом Шейбани-ханом, а за оставшимися кочевать в степях восточного Дешт-и-Кыпчака и Семиречья тюркоязычными племенами окончательно закрепилось название “казахи”, а за страной – Казахстан.

* * *

В то же время формируется еще один элемент государственности – его символы. Непременной принадлежностью военного снаряжения

казахов-кочевников были боевые знамена — туг, бунчук. Знамена выполняли по меньшей мере две функции: они были важным священным символом и одним из эффективных средств управления войсками на марше и в бою. Знамя имел каждый род, каждый улусный султан, и, разумеется, хан. По установившейся традиции, высшим числом знамен у одного хана было девять. Когда говорили о “хане с девятью знаменами” (тоғыз тулы хан), то это вызывало представление о могущественных правителях.

По свидетельству средневековых авторов, первые казахские владетели были “ханами с девятью знаменами”. Знамя являлось не только внешне знаком власти, но было символом воинской славы и чести военачальника и войска. Главное знамя, как государственная святыня, тщательно хранилось в мирное время и выносилось только на войну. Хранителем войскового знамени в походах обычно назначался один из членов правящей в Казахском ханстве династии Чингизидов — султанов или влиятельных биев, т.е. глав родов и племен, которые после верховного полководства казахского воинства, являлись первыми лицами в войске. Знамя охранял особый отряд. Смерть воина-знаменосца (тушы) всегда производила смятение в рядах воинов, а падение, исчезновение главного знамени означало поражение войска. Тамерлан завербовал личного знаменосца Тохтамыша. В ре-

зультате в решающий момент боя при Кондучаре знамя Тохтамыша как бы само собой падает, ордынское войско безнадежно теряет управляемость и гибнет (Зотов О. Евразия на путях в Китай: экзамен у сунь-цзы. Вестник Евразии. № I (2). 1996. С.82).

* * *

Благодаря действиям первых казахских ханов Джаныбека и Гирея, а затем с 1480 года Бурундук-хана появляется новое этнополитическое объединение. Известно, что казахские ханы закрепились на территории Западного Казахстана, вытеснив своих противников, среди которых был правитель Астраханского ханства, из этого региона. В тесный союз с казахами вступают ногайцы. Племена, населявшие Ногайскую Орду, основная территория которой находилась между Волгой и Уралом, участвовали в сложном этническом процессе формирования казахской народности в Западном регионе Казахстана.

В последней трети XV века продолжался процесс постепенного включения племен и родов Семиречья в Казахское ханство. Государство Могулистан под натиском казахских правителей и в силу внутренних причин распалось, и к 1514 году могульские правители были вытеснены в Восточный Туркестан. В это время казахские ханы начинают успешную борьбу со

среднеазиатскими владетелями за сырдарьинские города.

В XVI – XVII вв. Казахское ханство укрепилось, расширились его границы, охватившие основную часть этнической территории казахов, поддерживались связи со Средней Азией, Астраханским, Сибирским ханствами, Русским государством.

Одним из видных казахских ханов, при котором быстро шел процесс “собираания земель”, был Касым. Основной линией его внешней политики была борьба за упрочение казахского влияния над присырдарьинскими городами. Победа Касым-хана над войсками среднеазиатского правителя Мухаммеда Шейбани в 1510 г. отдала в его руки большую часть городов Туркестана, в том числе Ташкент и Туркестан с округами. Эти города по большей части оставались в их власти на протяжении почти полутора столетий, и в XVII – начале XVIII вв. являлись местом пребывания казахских ханов и политическими центрами Казахского ханства. Расширил он территориальные владения и на западе Казахстана, воспользовавшись упадком Ногайской Орды. Во втором десятилетии XVI в. Касым-хан окончательно утвердил свое господство над обширными пространствами казахской территории.

* * *

Да, история это бесконечная тема, и не хотелось бы уподобляться известному персонажу из арабских сказок, повествовавшему ровно 1000 и одну ночь. Но, думаю, читатель простит эту увлеченность историческим повествованием. Тем более, речь идет о такой непростой теоретической проблеме как органическая целостность нашей государственности.

Вместе с тем Казахстан есть полиэтничное государство, защищающее интересы всех своих граждан, независимо от национальной принадлежности. И это также правовая и политическая реальность. Это также и содержательная реальность. Поскольку решая проблемы национальной идентичности казахской нации, нельзя забывать о другом уровне идентичности — политической и гражданской идентичности народа Казахстана. Это разные уровни идентификации и об этом необходимо открыто заявить. Никаких противоречий здесь нет. Есть историческое право: стремление казахов к четкой национальной идентификации, чтобы не размыть свое национальное “Я” в стремительно меняющемся мире. Есть исторически объективное и абсолютно необходимое движение к общегражданской идентичности всех казахстанцев. И по основному вектору эти процессы не противоречат, но, напротив, способствуют друг другу.

В связи с этим возникают и вполне прикладные вопросы для Казахстана. Мы признаем плодотворность и потенциал цивилизационного приобщения казахов к тем или иным глобальным и региональным культурным потокам. Нельзя отрицать и евразийской природы многих казахских культурных контекстов, и нашей вовлеченности в великую исламскую цивилизацию, и наше историко-культурное единство с тюркским миром. Но это вторичные формы идентификации, возможные только при условии четкой национальной самоидентификации. Поэтому при всей значимости тех картин мира, которые присутствуют в сознании казаха сегодня, картин, формируемых нашей огромной историей взаимодействий с культурами и цивилизациями, самая “главная картина” — это картина национальная, а не религиозная или цивилизационная.

Когда люди попадают в плен той или иной догмы, они просто не в состоянии отличить черное от белого. Иногда говоря о “растворении” национального в современном мире, забывают об очевидном.

Например, нигде в мире, пожалуй, нет того уровня интеграции, взаимопроникновения культур, образовательных систем, языкового плюрализма как в современной Западной Европе. Но

ведь это именно та часть планеты, где высочайший уровень объединения, в том числе и культурного, произошел не за счет отрицания национальных государств, но именно на базе последних. Национальная государственность является фундаментом интеграционных процессов.

* * *

Развитое национальное сознание, если допустить некий строительный образ, имеет свой фундамент, свои стены и крышу. В основании всей конструкции лежит этнокультурная идентичность нации.

Она складывается из исторической памяти народа, почитания национальных гениев и героев, ежедневного эмоционального ощущения сопричастности к “своему” духовному целому. При этом не имеет значения, идет ли речь о битве при Анракае или сооружении Монумента Независимости в декабре 1996 года. Она существует независимо от деления самого народа на отдельные группы, без деления на светскую историю или религиозные традиции, без деления на старое и новое.

Это просто “свое и уникальное”. То, чего нет у других именно в таком виде и в такой форме. Это естественная среда обитания казахов в мире культуры. Она непрерывна во времени и в про-

странстве. И только благодаря этому казахи могут оказывать влияние на другие культуры и другие этнокультурные системы. Это состояние взаимосвязи культуры и этноса. Они не совпадают в полном объеме, между ними есть дистанция, но любой этнос защищает, развивает, творит свою культуру. Но без культуры этнос тоже не существует. Культура этноса – это его силовое поле, защитный механизм. Это и средство полноценного общения, контакта с другими этносами. Внутри самой этнокультуры особняком стоят высшие универсальные ценности, представляющие бесспорный авторитет для каждого казаха. Это ценностные абсолюты, которые скрепляют население в нацию.

* * *

Однако нельзя сводить национальное сознание только к широкому полю этнокультуры в целом. Нация не может состояться и без такой стержневой вещи как национальная социокультурная система. Да, казахская нация неоднократно подтверждала в истории свой художественный, философский, военный гений. Но одна из наиболее серьезных проблем в развитии единого национального сознания среди казахов традиционно состояла в неразвитости формальных социокультурных институтов. Речь идет о системе образования, средствах массовой ин-

формации, научной и культурной инфраструктуре. То же, что было создано в послевоенный период, отражало интересы не национального сознания, но в первую очередь интересы тоталитарного государства.

Парадокс в том, что при развитии формальных институтов казахская этнокультура в двадцатом столетии едва не погибла. Однако парадокса нет. Ибо целевая заданность в развитии этих формальных институтов была совершенно очевидной — жесткий идеологический контроль. Хотя национальный дух и в этих условиях находил русло и пробивался то в эпических исторических романах, то в язвительной сатире на национальных манкуртов.

Сегодня проблема развития соционормативной системы казахского национального сознания стоит не столь драматически, ибо мы создали серьезные механизмы поддержки казахской культуры в широком смысле слова, начиная от системы образования и кончая электронными средствами массовой информации. Но ведь и время не стоит на месте.

Строить на архаичных сваях систему соционормативных оснований казахского сознания сегодня невозможно. Просто несерьезно выглядят порой рассуждения о том, что не нужны частные институты образования, науки или культуры, что социально-культурная сфера должна находиться только на содержании государства и т.д.

Развитие этих институтов необходимо для того, чтобы создать механизмы нового типа, которые позволят в современном мире казахской нации проявиться не только в качестве наследника великой кочевой культуры, но и в качестве нации, имеющей конкурентный потенциал.

В рамках этатистской модели всемерного контроля государства над духовной сферой это просто невозможно. Чем раньше придет осознание этого обстоятельства, тем быстрее мы снимем всякого рода недоразумения. И в этой связи нельзя забывать драматический опыт XX столетия, породившего невиданного социально-исторического монстра — тоталитаризм.

ТОТАЛИТАРНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ

Прошлые поколения оставили нам
не столько решения вопросов,
сколько самые вопросы.

Сенека Младший

Как и все изобретения человека и истории, тоталитаризм — это не порождение дьявола или мистической силы. Ведь любая тоталитарная сказка начинается вполне благопристойными лозунгами. Можно бесконечно долго упражняться в перечислении ужасов тоталитаризма, но не сдвинуться ни на шаг в понимании его силы и слабости. Между тем опыт двадцатого века и, к сожалению, просчитываемый в пессимистической тональности, возможный опыт следующего столетия, требует не фактографии, а понимания.

* * *

Идеи рациональности и управляемости социальными и природными процессами, зародившиеся в Новое время, имели множественные последствия, дав мощный импульс технологической и экономической революции. Даже сегодняшняя глобализация при известной натяжке имеет свои исторические корни в той колоссальной революции сознания, которая произошла несколько веков назад. Однако пространство человеческой мысли имеет гораздо больше степеней свободы, чем реальное течение истории.

И доведенная до уровня социальной гиперболы идея рациональности и управляемости заимела угрожающего пасынка. Это многочисленные социальные утопии, построенные на жестком управлении социальной жизнью во имя самых высоких целей.

Конечно, проводить прямую линию между утопиями Мора и Сталина, Кампанеллы и Муссолини, это примерно то же самое, что сравнивать древнюю повозку в скифских степях и какой-нибудь кадиллак. Но и не видеть связь прекраснодушных утопий и жестких режимов нельзя. Иллюзия полной управляемости общественной жизни во имя один раз и навсегда сформулированных целей — вот что роднит первое и второе.

Порожденные последующими столетиями социальные теории — от примитивно осмысленного марксизма до откровений Аннунцио или революционаристских концепций российского большевизма — все они базировались на этой простой и страшной идее. Идее, состоявшей в утверждаемой возможности вогнать все человечество в рамки неких схем. Наивность наиболее успешных реализаторов этой идеи поистине удивительна. Здесь и “перековка человеческого материала”, и возможность потерять половину населения в атомной войне с капитализмом, и трудовые армии, и концентрационные лагеря, и полная регламентация частной жизни.

В последние годы стала модной схема объяс-

нения прелестей тоталитаризма личными особенностями тех или иных вождей. Да, истероидный характер одного и маниакальная подозрительность другого свою роль сыграли. Но придавать этому слишком большое значение нельзя. В основе лежит ужасающий логический и исторический порок любой тоталитарной доктрины — представление о человеке и человеческих сообществах как неких механических конструкциях, которые можно ломать и перестраивать в соответствии с неким планом. Ведь символично и то, что самый популярный гимн тоталитаризма звучит как “Мы наш, мы новый мир построим”, предварительно разрушив до основания то, что было накоплено тысячелетиями...

Английский философ и историк А. Тойнби говорил: “Человек был поразительно изобретателен и предприимчив в технических и прикладных науках и не менее поразительно беспомощен и неизобретателен в области политики. Количество открытых к настоящему дню альтернативных политических систем не велико и большинство из них при применении оказались, по опыту, неудовлетворительными. Случай с демократией наиболее обоснованно можно описать в отрицательной форме: демократия наименее плохая политическая система из до сих пор созданных человеком. Однако, серьезным недостатком является тенденция народа, живущего в условиях парламентской демократии, часто ставить интересы политической партии выше

интересов нации...”. Возможно, поэтому из демократии может произрастать тоталитаризм и даже фашизм.

* * *

Для национального во всех проявлениях тоталитаризм был особенно губителен. Столетия и тысячелетия национальной истории с ее тончайшими и хрупкими сплетениями были подвергнуты грубой лоботомии. Реальная история казахской степи с ее великими правителями и поразительными художественными откровениями была переписана как некая “дикая предыстория”, ничего не значившая в рамках этой новой доктрины переустройства всего и вся. Мы до сих пор не можем избавиться от этой уничижительной для национального сознания схемы.

Тоталитаризм противопоставил всей толще национальной истории удивительно коварный ход — разломать единый живой поток национального прошлого на борьбу классов. Этот перенос картины сформировавшегося классового общества индустриального типа на казахское общество одним неумовленным движением превратил казахов в бледную копию неведомых и совершенно иных по природе процессов.

Между тем реальная казахская история далека от рецептов и методологических ключей классового анализа.

Это касается прежде всего системы общественных отношений казахов, основанных на колоссальной роли внутривидовой поддержки. Это касается особой роли ханской власти, которая не только в печальной памяти советской историографии, но порой и сегодня трактуется как исключительно негативное явление. Хотя и идеализировать это явление, как это порой делается сегодня в не критической эйфории, никакой необходимости нет. Ряд трагических событий в национальной истории прямо связан с жестокой конкуренцией степных элит. Об этом также необходимо помнить.

Однако, оценивая традиционные институты власти в нашей многовековой истории, мы должны видеть за деревьями лес. Сохранение гигантской территории, благодаря чему Казахстан входит в десятку самых крупных государств мира, это ведь не только плод мужества рядовых батыров, это и детище мудрости казахских ханов и султанов.

В те далекие и близкие столетия под давлением мощных империй и внутринациональных распрей степные правители смогли сохранить главное — национальную идентичность и национальную территорию. Может быть, мыслили они не в этих новомодных терминах, но интуитивно ощущали свою роль в истории. Сегодня, по прошествии грозных столетий, мы, потомки тех великих предшественников, можем без всяких оговорок сказать, что роль они сыграли

огромную и положительную в национальном смысле.

Тоталитаризм попытался внедрить в массовое сознание казахов простенькую и убийственно эффективную мысль о сплошной продажности и ничтожности казахской элиты. Этот лозунг способствовал национальному нигилизму, и неуважение к великим именам прошлого парадоксальным образом сказывается и сегодня. Возникающее зачастую непонимание сложности современного этапа национальной истории — это ведь легко проглядывающееся наследие прошлого, когда все, что делается наверху, заранее предается анафеме.

* * *

У тоталитаризма весьма прохладное отношение к традициям. Общество ведь строится в рамках этой доктрины с чистого листа. Большинство же традиций носит национальную или религиозную природу. Речь идет не об анекдотических упражнениях некоторых “национальных теоретиков” о том, что вся наша история сводится к цивилизующей роли соседей. Речь идет о более серьезном.

Традиция, как способ передачи накопленного опыта, выступает как защитное поле национального. Для казахского общества, столетиями находившегося под давлением внешних сил, роль традиции, прежде всего как защитника

национального “Я”, была особенно велика. Тоталитарный режим потому и оказался драматически эффективным в разрушении национального сознания, что ломал культурные традиции, поведенческие модели, отношения в семье и т.д.

Можно отметить одно бесспорное качество тоталитаризма – его жесткость в “решении национального вопроса” по сравнению со всеми предшествующими эпохами. Казахи на протяжении многих столетий практически не утратили в своем национальном облике столько, сколько за несколько десятилетий двадцатого века. Общеизвестно, что это случилось не только с казахами. Примеров достаточно. Что это случайность? Отнюдь.

Тоталитаризм не случайно начинает свои этнические эксперименты с уничтожения национальных элит всех своих национальных окраин. Эта философия босячества не признает никакой интеллектуальной конкуренции. Казахская элита начала века даже в современных терминах была чрезвычайно продвинутой с точки зрения политических воззрений и политических технологий.

Это вообще было уникальное явление во всей азиатской части планеты в то время. Особая опасность казахских государственников для тоталитарного режима состояла в том, что эти люди вполне могли выстроить современное государство, а не пытались бы воспроизвести ар-

хаические формы политического устройства, заведомо обреченные на провал.

Другая “блистательная формула тоталитаризма” — замена национального сознания на социально-групповое. Как размыть цементирующие национальное сознание плиты?

Единственно возможным способом: поставить на место национальной идентификации — групповую. Ведь доходило до анекдотических ситуаций, напоминающих сегодняшние описания своего происхождения со стороны “сына юриста”. Дополнительные рычаги слома национального самосознания — это внедрение всяческих мифов и отрицательных стереотипов.

Дело ведь не в том, что идеологи тоталитаризма были сплошь неграмотны и не понимали реального значения и реального влияния истории предков казахов на их современное самосознание. Среди них попадались бесспорно одаренные и высокоэрудированные люди.

Просто само отношение к истории было загнано в очень жесткие рамки. В самом деле, можно ли убедить народ, имеющий ясное и четкое представление о величии своей национальной истории, в том, что он должен начать свое существование с чистого листа, в том, что Кенесары был жестоким ханом, а какой-нибудь Колбин благодетелем казахов. Сознательное уничтожение национальной истории — это родовая черта тоталитаризма. Преодоление психологических последствий тоталитаризма — это не только

наше проектирование будущего, это и новая интерпретация прошлого.

* * *

Тоталитаризм и религия вне зависимости от кратковременных периодов потепления отношений принципиально несовместимы. Факты ужасны...

Но дело не столько в этом, сколько в логической и мировоззренческой несовместимости тоталитарной и религиозной доктрин. Ведь тоталитаризм, как отмечалось неоднократно, сам похож на религию. Это обещание построить рай на земле. Это выдвижение неких вечных истин и абсолютизация этих истин. Это достижение конечной цели, после которой всемирная история по сути заканчивается.

Однако религия базируется на неких нравственных постулатах и связывает достижение конечных целей с таинством Бога. Тоталитаризм же базируется на упрощенном рационализме и отрицании Бога. Мне трудно судить об этих очень сложных даже для специалиста проблемах, но, изучая историю своего народа, могу прийти к определенному выводу.

Глубокая нравственная традиция, заложенная в любой религии, понимание некоторых принципиальных ограничений человеческого разума и действия, особенно в больших человеческих сообществах, таких, например, как на-

ция, выгодно отличают религиозную доктрину от тоталитарной. Там, где религия обращается к Богу, тоталитаризм бойко предлагает топорные решения, там, где религия опирается на нравственные постулаты, тоталитаризм размахивает флагом групповой целесообразности, там, где религия призывает к традиции, тоталитаризм насильем уничтожает традиции...

Возможно ли мирное и полнокровное параллельное существование двух столь целостных доктрин? Обольщаться не стоит. Так же, как и верить лозунгам наследников тоталитаризма, вдруг обратившихся к религиозным институтам после кровавой бани. Иногда говорят, что было это несколько десятилетий назад. Но ведь короткая историческая память — это именно то, что столь тщательно вбивал в головы тоталитарный режим. Забывать о “методе решения религиозной проблемы” тоталитаризмом нельзя. Дело не только в этом. Не только в истории реальных отношений.

Тоталитарная идеология в силу своей всеобъемлемости не могла не претендовать на то, чтобы заменить собой любую религиозную систему. Именно поэтому отношения тоталитаризма и религии складывались напряженно, независимо от конфессии и географии, истории или национальности. Это подтверждается во всех без исключения ситуациях.

Вся казахская история, особенно религиозная история народа, была подвергнута унич-

тожающей критике. Возьмем такой конкретный факт, как уровень грамотности населения. Казахи были записаны в неграмотный народ только в силу непризнания тоталитаризмом религиозного мусульманского образования. Между тем огромное количество казахов владело языком Пророка и было грамотно в полном смысле этого термина. Но ведь до самого последнего времени пресловутая неграмотность казахов в начале столетия выдавалась за бесспорную истину. Однако проблема гораздо шире. Вытравливая религиозное чувство в народе, тоталитаризм решал параллельно другую задачу — насаждение своих штампов в эту насильственно “зачищенную нишу”. Без этого выдавливания религиозного не было столь успешным насаждение унифицирующей идеологии государства. И сегодня мы должны четко понимать причины эффективности тоталитарной идеологии.

* * *

Это большая тема, запутанная сегодня именно из-за облегченной трактовки всякого рода государственных идеологий. Почему Казахстан конституционно провозгласил отказ от монополии одной идеологии в обществе? В силу модной формулы либерализма или в силу каких-то содержательных причин? Каково соотношение национальной идеи и государственной идеологии? Почему нельзя пойти по пути силового вне-

дрения тех или иных идеологических постулатов?

Все это непростые вопросы, и есть искушение пойти по упрощенной схеме, которая, кстати говоря, не вызовет сильного отторжения в обществе, а значительными слоями населения будет с восторгом поддержана.

К сожалению, мы страдаем короткой исторической памятью и забываем о кровавых последствиях простых ходов. К сожалению, мы забываем о реальной, а не мифической истории казахского народа.

К сожалению, мы находимся психологически в тисках все того же тоталитарного мышления.

Да, построить единую идеологию в форме красивого и мобилизующего текста, а затем организовать всенародное изучение и полностью закрыть любую иную альтернативную информацию, идеологическую платформу, объявив подобный текст полным и исчерпывающим объяснением действительности, все еще можно.

А затем «вбивать идеи как гвозди в голову» и потихоньку высылать из страны всех несогласных. А затем физически истреблять наиболее непримиримых с этой монополией на истину.

Неужели судьба тоталитарных или полутоталитарных идеологических систем за весь двадцатый век, кровавым катком прошедшего по свободолюбивому казахскому народу, не научила нас?

Но дело не только в истории. Дело в реальной сложности создаваемого в Казахстане экономического и политического строя. Тоталитаризм не случайно с большим подозрением относился к противоречиям.

Я помню, с какой анекдотической серьезностью проводилось деление между антагонистическими и неантагонистическими противоречиями, словно есть какой-то небесный классификатор, подсказывающий на ушко: “Вот это противоречие антагонистическое, а это, так себе, неантагонистическое”. Были еще основные и не основные, а бедные студенты заучивали эти классификации как суры Корана или библейские проповеди.

Но ведь гораздо важнее то, что принципиальная противоречивость и сложность развитых обществ просто не позволяет рассматривать последние как переводные картинки теоретических схем. И жизнь современного Казахстана убедительно доказывает наличие несовпадающих политических интересов разных групп. Подавление одной политической идеологии за счет другой силой государства это и есть первый шаг в прошлое, в тоталитаризм.

Что касается национальной идеи, то она имеет другой фундамент. Она построена прежде всего на четком понимании своей национальной идентичности. Она вызревает в самом обществе. Она не носит навязанный характер. Она является продуктом понимания своих национальных

задач миллионами людей, а не откровением идеологических жрецов.

Формирование национальной идеи возможно только на основе нового прочтения нашей собственной истории. Без этого создание очередного идеологического мутанта закончится хорошо известным финалом. Ведь из недавней истории все помнят существование параллельных идеологических миров — мира официальной идеологии и мира реальных ценностей и настроений людей.

Без огромной сознательной работы миллионов людей, без осознания своей собственной роли в тысячелетней истории этноса, тем более столь сложной и драматической, как история казахов, нельзя выстроить национальной идеи. Поэтому осмысление национальной истории в координатах двадцать первого века есть первый шаг к формулировке национальной идеи, а никак не наоборот.

Но проблема не исчерпывается этим обстоятельством. История ведь не только феномен прошлого. Она в значительной мере проекция будущего. Понимание этого простого факта приходит, если отказаться от наивных упрощений пресловутого исторического объективизма. Иначе говоря, казахская история не есть кладбище фактов, это огромная мотивирующая и объяснительная сила.

Чем столь важен для нас факт объединения казахских родов в Ордабасы? Только ли тем, что

это объединение сыграло свою роль в успешной борьбе с внешним врагом? Конечно, не только этим. Это своего рода модель общенационального консенсуса, достигнутого нашими предками в критической ситуации. Но если пойти глубже, то это отражение глубокой внутринациональной интегрированности казахского общества в тех очень непростых условиях. Казахское национальное сознание всегда оставалось высоким независимо от вульгарно-социологических схем, представлявших его отсталым и трагически разорванным.

Такое единство чрезвычайно важно сегодня в совершенно иных технологических и геополитических условиях. Поэтому смысл национального исторического факта не в поиске архаики, как бы мила она ни была сердцу, но в находении вполне современных мотивов, понятных и доступных сознанию современного казаха, мотивов, определяющих его сегодняшнее поведение.

Формула национальной идеи лежит в пространстве национальной истории. Искать ее в иных полях значит неизбежно скатиться в очередную универсальную конструкцию, будь то либеральная или тоталитарная утопия.

Но есть и другая составляющая этой проблемы. В чем состоит особая эффективность тоталитарных идеологий? Хорошо известно, что ключевую роль играет устройство политической системы, позволяющей внедрять идеологию си-

ловым путем. Путем подавления инакомыслия, информационного занавеса и т.д. Эти банальные и хорошо проверенные орудия до сих пор вызывают восхищение некоторых наших ортодоксов, заявляющих: “Вот это была идеология! Не чета нынешним”...

“А какие были идеологи...” Не понимая того простого и доказанного историей обстоятельства, что идеология эта рухнула вместе с силовой решеткой, ее поддерживающей, а идеологические упражнения тоталитарных мудрецов были странной смесью примитивно усвоенного марксизма и провинциального апломба.

Действительно, можно специально посмотреть все идеологические работы за семь десятков лет и убедиться в полнейшей оторванности от мировой мысли и анекдотической отстраненности от жизни. Что из этих бесконечных фолиантов можно применить к сегодняшней действительности? Где эти миллионы килограммов макулатуры?

Но чем же тогда объяснить живучесть идеологических стереотипов прошлого? Помимо вполне объяснимой ностальгии по временам своей молодости, по равенству всех в бедности, по относительному материальному достатку, освобождение людей от мук, порождаемых необходимостью принятия самостоятельных решений в условиях сложнейшего перехода к рынку есть еще одна особенность тоталитарной идеологии, не столь тривиальная.

На мой взгляд, ностальгия по временам идеологического единообразия связана и с тем, что тоталитаризм предлагал психологически удобное решение самых сложных вопросов как в жизни отдельного человека, так и в жизни общества в целом. Будучи действительно вылитым из одного куска стали, он предлагал простое и понятное решение всех вопросов — от первичности материи до единого советского народа.

Мнимая простота сложнейших мировоззренческих вопросов создавала определенную психологическую привлекательность тоталитарной идеологии. Это был расчет на определенный и довольно невысокий уровень образования.

“Зачистка интеллектуальной территории” была заблаговременно проведена раньше. Особенно быстро “освободились” от национальной интеллигенции, которая никак не могла удовлетвориться этой простенькой черно-белой картинкой мира.

Простота эта проистекала из простоты социальной конструкции, в которой не оставалось места альтернативным по видению политической системы группам и слоям.

Два возвышенных революционера, известные всем, — Робеспьер и Ленин — решили, что их цели столь прекрасны и достижение их так существенно, что насилие является оправданным средством. В результате, вместо создания рая на Земле, оба они породили террор, а Ленин еще и тоталитарный режим.

Сведение всей сложности социально-экономической, политической и культурной жизни общества к нескольким идеологическим клише возможно только в тоталитарном обществе. Понимать это пора и некоторым нашим горе-теоретикам, призывающим к воссозданию тотального идеологического прессинга и не понимающим, что рано или поздно этот каток пройдет и по ним.

* * *

Соотношение тоталитаризма и национальной модернизации, пожалуй, наиболее сложный вопрос. Отрицать колоссальный технический и технологический рывок Казахстана в двадцатом столетии в любом полемическом запале просто бессмысленно. Вопрос необходимо ставить не в этой плоскости.

Он состоит в цене и методах модернизации. Важнее понять другое. Да, построено много заводов, фабрик. Но никто не считался с экологическими проблемами, экономической эффективностью их продукции. Все они имели высокие затраты энергии, ресурсов. Вот почему все они встали в условиях конкуренции. Если в бывшей ГДР демонтированы все заводы, то что говорить о нас?

Дело также в том, что по методам эта модернизация носила в экономике волюнтаристский и в жизни людей открыто силовой характер, а

цена состояла в физическом истреблении и изгнании трети казахской нации. Цифры хорошо известны и повторять их нет необходимости.

Казахский аул всегда оставался источником потенциального национального возрождения и маркером национальной идентичности. Помимо чисто экономических и чисто классовых задач тоталитарный режим применительно к казахской нации пошел на прямое разрушение основ национального воспроизводства. Кстати говоря, в казахском национальном сознании на протяжении всего двадцатого века это интуитивное ощущение всегда присутствовало. Но политический анализ в открытой форме всегда подавлялся.

Сегодня же многие эмоциональные публицисты сводят все к противоречиям между нациями. Однако и это упрощение реальной проблемы. Какой-то вины ссылаемого в Казахстан русского или украинского крестьянина перед казахами нет. Проблема состоит как раз в неразрешимом конфликте между тоталитарной модернизацией, которой столь гордятся по сегодняшний день сторонники социализма, и реальными интересами казахов как нации.

Казахский аул перед началом социальных экспериментов социалистического государства воспроизводил в значительной мере традиции кровнородственной общины.

Казахская община базировалась на механизмах родственной поддержки и сильно отлича-

лась от жестко поляризованной в социальном плане русской деревни. Казахская родовая община была идеально вписана в существующую экологическую нишу, даже несмотря на двухсотлетний прессинг колонизации. Все составные части казахской социо-экосистемы были взаимосвязаны и выполняли определенную, подчас уникальную функцию в регулировании казахской национальной жизни. Насильственное уничтожение одного или нескольких элементов вело к катастрофе всего этнического организма, к слому механизма воспроизводства нации.

Сегодня некоторые специалисты на основе детальных исторических изысканий делают вывод о том, что, например, в структуре казахского аула бай играл совершенно иную роль, нежели феодал в структуре земледельческих обществ. Его имущество было своего рода страховым фондом всей родовой общины. Экстремальный характер природной среды, высокая зависимость скота от природных катаклизмов, постоянная внешняя угроза для малых кочующих родовых единиц и т.д. создавали реальную опасность голода. В этих условиях именно потенциал богатых соплеменников создавал мощный резерв для всех представителей рода.

Отношения, складывающиеся в казахском ауле, которые, конечно, носили отчасти и кабальный характер, в то же время позволяли не только сохранять, но и воспроизводить общин-

ные стада в таком соотношении и пропорции, в пределах которых и было возможно на протяжении столетий сохранять экологический баланс на огромной территории.

Массовая коллективизация и ликвидация баев как социальной группы привели к общенациональной катастрофе. Необходимо отдать должное умению тоталитарных вождей приводить в действие разрушительные тенденции. Еще весной 1919 года Ленин задумался о том, каким образом можно подорвать экономическую силу баев в ауле и прямо напутствовал: “Очевидно, вам придется раньше или позже поставить вопрос о перераспределении скота”. (Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне.-Алма-Ата. 1965. С. 179).

Истоки трагедии конца 1920-х и начала 1930-х годов, нанесшей самый страшный удар казахам за все время существования нации, нельзя рассматривать, не учитывая того обстоятельства, что истоки трагедии закладывались именно с правой с крупными байскими хозяйствами. Пресловутый декрет о конфискации крупных хозяйств в августе 1928 года привел к экспроприации 700 крупных хозяйств. Эти своеобразные страховые фонды казахских родов были просто изъяты из сложившейся и саморегулирующейся эколого-экономической системы. Были опустошены важнейшие экономические ниши, что вело к обрыву социальных и хозяйственных связей. Итогом было разрушение очень тонкого и

веками наработанного способа жизнеобеспечения этноса. Были заложены зерна грядущей этнической катастрофы.

Есть и другая модернизационная проблема тоталитаризма применительно к казахам. Развитие тоталитарной индустриализации столкнулось с проблемой зернового производства. Без увеличения производства зерна становилась практически неразрешимой закупка техники за рубежом. При всех демагогических лозунгах на самом деле индустриализация была построена на массовом импорте техники. Хлеб наряду с сырьевыми источниками был основой валютных поступлений при том, что огромные районы страны вымирали от голода. Чтобы не быть голословным приведу простую цифру, которая яснее долгих дискуссий говорит о цене тоталитарной модернизации.

В 1928 году вывоз зерна из СССР составлял 0,1 млн. тонн, в 1929 году — 1,3 млн. тонн, в 1930 — 4,8 млн. тонн, в 1931 — 5,2 млн. тонн. (Гордон А.А., Клопов Э.В. Что это было?—М., 1989. С. 81).

Это в период самого жестокого голода в Казахстане, России, на Украине. Это цена той модернизации, которой хвалятся и сегодня наши ностальгирующие сторонники тоталитарного прошлого.

Но для казахов это грозило еще не одним, не менее кошмарным, последствием. Именно тогда возникает интерес к огромным территориям востока страны и прежде всего к Казахстану. Уже

в 1930 году нарком земледелия Я.А.Яковлев рапортовал с трибуны XVI съезда ВКП/б/: “По расчетам... в Казакстане от 50 до 55 млн. га можно считать годными для посева, из которых около 36 млн. га расположены в северных округах...” (XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии. Стенографический отчет. - М., 1930. С.584).

Но это требовало освобождения территории от местного населения и просто уничтожения ареала хозяйственного воспроизводства казахов. Кочевые угодья казахов тянулись на сотни километров. Именно тогда казахский традиционный способ воспроизводства вошел в неразрешимое противоречие с потребностями тоталитарной модернизации.

Казахский нomaдизм стал рассматриваться не просто как особенность старого быта, но вообще как недопустимая и допотопная архаика. Никто тогда и не задумывался над тем, что разрушаются экологические и экономические условия существования целой нации. Через четверть века освоение целины происходило на якобы необжитой территории. О том, что это территория многовекового и интенсивного хозяйственного освоения практически не упоминалось. К тому времени катастрофа традиционного хозяйственного уклада приняла необратимый характер. За пять веков до этих событий Хасан Сабит-улы, известный в народе как Асан Кайгы, говорил:

Откуда озерному дикому гусю
Цену просторам степным знать!
Откуда дрофе, птице степной,
Озеру цену знать!
Откуда любым пустословам в ауле
Цену достойным знать!
Откуда вовек не знавшим кочевий
Цену земли знать!

(Поэты пяти веков. -Алма-Ата, 1993, с.31).

Казахская земля стала полем социальных экспериментов, “социально пустым пространством” для модернизаторов тоталитарного толка.

Но пустота эта мнимая. Казахская земля ведь не только совокупность предприятий и городов, автострад и энергостанций. Это земля столь насыщена национальными символами, что раскаленное пустынное плато Устюрт, вопреки всем законам физики, имеет такую же “температуру” в национальном сознании, что и космический холод семитысячников Тянь-Шаня.

Для тоталитаризма это мелочи, которыми можно пренебрегать до бесконечности. Для национального сознания это свято. По этой причине, наряду с множеством других, непримиримы потребности нации и потребности политического тоталитаризма.

Такое отношение к национальной истории проявилось и в годы освоения целины. Эти невероятные по цинизму или невежеству лозунги

типа “освоения земель, на которые никогда не ступала нога человека”, “заброшенных земель” приводили к нигилистическому отношению к истории казахского народа у сотен тысяч приехавших в Казахстан молодых людей, которым система вбивала в голову мысль о том, что они первопроходцы. К счастью, время все расставляет на свои места, и понимание колоссальной культурной и хозяйственной истории этой удивительной и волнующей земли становится частью общего духовного мира всех казахстанцев. Однако забывать о тоталитарных экспериментах над национальной историей, памятью и землей нельзя никогда.

* * *

Советский тоталитаризм в той потрясающей воображение форме, какую он принял в двадцатом столетии, представляет собой причудливую смесь довольно развитых технологий и крайнего упрощения всей социальной ткани общества.

Никакой фараон или диктатор прошлого не мог создать столь всеобъемлющей системы контроля, как тоталитарные системы уходящего столетия.

Причина состоит в том, что технические возможности древнего тоталитаризма просто несопоставимы с первой половиной уходящего столетия. Силовые и информационные, транспор-

тные и экономические, образовательные и идеологические рычаги, столь щедро подаренные несколькими техническими революциями, по ироническому капризу истории были поставлены на службу режимам, стремившимся к резкому упрощению социальных структур и полной управляемости общественными процессами и личной жизнью индивида.

Это, кстати, часто усложняет понимание реальной природы таких режимов. Ибо они на фоне определенного технологического подъема способствуют иллюзии экономического успеха. Ведь нельзя на самом деле считать, что только усилиями пропагандистов значительная часть мира в недавнем прошлом выбирала социально-политические и экономические приоритеты тоталитарного государства.

Но при внимательном прочтении того текста, что предоставила нам история века, возникает по крайней мере три вопроса.

Первое. Что происходило с нациями при том технологическом изменении, что нес режим? Ответ простой и малопривлекательный. Социальная структура, социальные институты, традиции, веками наработанные модели человеческого общежития, мораль и этнические ценности были не просто изменены, что неизбежно при любой крупной трансформации, они были безжалостно раздавлены. Вся история казахов при тоталитаризме представляет собой классическую иллюстрацию этого тезиса. Все тонкие механиз-

мы саморегуляции национального организма, историческая преемственность, сам образ жизни, нормальная историческая эволюция нации были насильственно сломаны. К сожалению, многое из того, что нация могла сохранить в преддверии нового тысячелетия, утрачено навсегда.

Многие парадоксы нашего национального сознания, приверженность некоторым убийственным для нации стереотипам, имеют своим непосредственным источником этот мучительный для национального духа период.

Все ли технологические перевороты сопровождались столь катастрофическими последствиями для наций? Отнюдь нет. Большинство стран мира, переживших техническую модернизацию во второй половине века и в Азии, и в Латинской Америке, и в Европе, и в Северной Африке, не подвергались столь драматической ломке. Вопрос состоит не столько в технологической революции, сколько в способе осуществления модернизации. Тоталитаризм предложил силовой и кровавый способ модернизации, который не является единственно возможным. Он единственно возможный только в смысловой системе самого тоталитаризма, который характеризуется своей антинациональной природой.

Второе Тоталитаризм присвоил себе право говорить от лица давно сложившихся государственных интересов. Резкая идеологизация си-

стемы международных отношений скрывала более долговременное явление — многовековые геополитические константы. Трагедия государства российского, например, во многом связана, по моему убеждению, с тем, что система идеологических приоритетов тоталитаризма на протяжении почти всего столетия не позволяла формулировать в чистом виде геополитические приоритеты России как государства с многовековой историей.

Крах тоталитаризма привел к пониманию того, что тоталитарная государственность завела в тупик внешнеполитический компас крупнейшего европейского государства. Выстраивание нового курса во внешней политике России на базе адекватных национальным интересам принципов, процесс чрезвычайно сложный, и колоссальная историческая ответственность, возложенная на плечи демократического руководства современной России, должна находить понимание.

Однако в общественном сознании все еще прочно сидят тоталитарные способы решения внешнеполитических проблем, в основе которых лежат чисто силовые методы. То, что они дали кровавые осечки на протяжении последних двадцати лет, кажется, быстро забывается. Вывод же простой. Сегодня любые технологии решения внешнеполитических проблем на базе тоталитарных принципов есть тупик прежде всего для нации, от имени которой осуществляется этот сценарий.

Третье и самое малоприятное для тоталитаризма. Он проиграл главную битву столетия — технологическую. Есть малоизученный и требующий специальных изысканий вопрос о внутренней связи тоталитаризма как политической доктрины и технологических возможностей, технологических условий двадцатого века. То, что интуитивно было нащупано в художественной литературе и в социальных утопиях прошлого, по-видимому, еще не получило точной оценки в науке. Но связь такая, безусловно, есть.

Политическая доктрина, попавшая в определенное технологическое поле и при определенных конкретных исторических обстоятельствах, не случайно породила столь мрачную мутацию. Рассматривать тоталитаризм как исторический казус было бы непростительной ошибкой. К сожалению, это закономерность, и поверхностное пренебрежение по отношению к этому явлению как пройденному этапу национальной истории, как к чему-то абсолютно понятному и банальному, скрывает потенциальные опасности в будущем, а не в прошлом. История, как известно, наказывает нерадивых учеников.

Однако “технологическое поле”, создав дополнительные возможности тоталитаризма, его же и взорвало в ходе своей естественной эволюции. Практически последние десятилетия тоталитаризм находился в полосе отставания. Объяснять это какими-то частными причинами можно и нужно, но главное увидеть лес за деревья-

ми. Закрытость тоталитарного общества пришла в неразрешимое противоречие с главным общественным предусловием технологических инноваций — открытостью информационных потоков. И чем дальше, тем больше неэффективность тоталитарной регуляции общественных процессов заводи́ла в тупик.

Таким образом, вопрос о тоталитарной конструкции общественного устройства это не только вопрос правильного понимания истории. Это и вопрос эффективности модели общественного устройства. Тоталитаризм в новой информационной и технологической реальности обречен на отставание. Обречены на отставание и нации, обретающие в тоталитарной нише.

Поэтому не только гневные филиппики в адрес поверженного дракона должны занимать национальное сознание, но прежде всего хроническое национальное отставание в случае возврата тоталитарных тенденций в идеологии и политике независимого государства.

НЕЗАВИСИМЫЕ
ГОСУДАРСТВА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
И УРОКИ ИСТОРИИ

Святой долг каждого из нас –
множить число своих друзей.

Абай

Известно, что центральноазиатские народы многие годы вследствие своей разобщенности находились последовательно под влиянием окружающих имперских государств – Китая, империи Чингисхана и, наконец, царской России. Возможны ли подобные ситуации в будущем? Отрицать такую возможность нет оснований.

В связи с этим обратимся к истории братских центральноазиатских государств и мировому опыту, промоделируем их в будущее для более ясного понимания возможных тенденций развития региона.

Поначалу вспомним главный принцип стратегической политики имперских государств “разделяй и властвуй”, направленный на разъединение народов зависимых регионов и рассмотрим его в применении к центральноазиатскому региону. Это позволит извлечь для народов центральноазиатского региона следующие уроки.

Первым уроком может служить политика Советского государства по отношению к региону. Так, до середины 1920-х годов идентификация в Центральной Азии была основана на: 1) религиозной; 2) региональной; 3) племенной принадлежности. На вопрос: “Кто ты?”, – отвечали, – “Мусульманин из такого-то района, такого-то

племени”. Только в середине 20-х годов Россия начала делить регион по национально-территориальному признаку.

Центральноазиатские национальности в европейском понимании этого слова были, в буквальном смысле слова, созданы в этот период. Советская власть придала культурно-региональным идентификациям политическую окраску. Разделение Центральной Азии по национально-территориальному признаку с созданием псевдоавтономий, подчеркиванием и сознательным углублением различий в культуре и языках родственных народов, проводилось ею в целях военно-политического контроля региона.

Имперский принцип “разделяй и властвуй” был использован во всей полноте Народным комиссаром по национальностям РСФСР Иосифом Сталиным — главным автором всех территориально-национальных делений в Советском Союзе. Для Сталина любая форма единой системы управления, учитывающей вековую историко-культурную, языковую, этногенетическую общность тюркских народов в Центральной Азии была неприемлема, так как это подрывало власть Москвы в регионе. Даже Татаро-Башкирская республика была разделена на татарскую и башкирскую части, тогда как Оренбургская губерния оставалась в составе России для того, чтобы татары и башкиры не имели прямого контакта с родственными народами Центральной Азии.

С установлением Советской власти в регионе постепенно истребляется немногочисленная интеллигенция, понимающая силы и возможности единой политической системы, адекватной культурно-цивилизационной общности тюркских народов в Центральной Азии. Их места занимают местные большевистские лидеры, состоящие на девяносто процентов из колониетского населения и людей, направляемых из Москвы.

Между 1920 и 1950 гг. истребляется культурно-идентификационный пласт среднеазиатского населения, вырывается целое звено из цепи поколений, что приводит к обрыву связи между поколениями.

Последующие поколения обучаются по новой системе ценностей, центральным пунктом которой были политико-идеологические ценности, отвергающие общие культурно-исторические корни центральноазиатских народов. Тюркское население Центральной Азии, имеющее много общего, целенаправленно отчуждается центральными властями друг от друга по территориально-национальному признаку. Отчасти это является причиной сегодняшнего недоверия между государственными чиновниками из стран Центральной Азии. Многие из них прошли через партийную школу КПСС и знают, как никто, все слабости и угрозы, вызванные раздробленностью Центральной Азии.

В советской истории, как и во всех остальных, призванных служить апологии государ-

ственной политики, было принято интерпретировать историю казахов, кыргызов, узбеков, туркмен как разрозненную историю. Это происходило потому, что руководство Советского государства стремилось к тому, чтобы новое поколение Центральной Азии думало о себе как об отдельных народах, не имеющих ничего общего друг с другом. Правительству в Москве раздробленность в Центральной Азии была выгодна, так оно направляло эти народы по разным путям развития для того, чтобы они были друг против друга.

При получении независимости многие из нас укоряли наших предков в том, что они, имея возможность, не сумели сохранить независимость Центральной Азии после развала Российской империи в 1917 г. Однако, в то время у нас не было необходимого интеллектуального, экономического, военного потенциала для утверждения независимости.

В течение двадцатого столетия нам во второй раз предоставляется уникальная возможность установить и сохранить нашу независимость. В отличие от 1917г. в 1990г. в наших республиках для этого накопился достаточный потенциал. Однако с наибольшим эффектом он может быть использован только в случае совместных, взаимосогласованных усилий народов региона.

Вторым уроком может служить исторический пример развития государственного национализ-

ма в Европе. С получением независимости перед центральноазиатскими странами возникла новая угроза — государственный национализм. Государственный национализм исторически возник, зародился в Западной Европе вместе с окончанием религиозных войн и подписанием Вестфальского мира в 1648 г., по которому религия государя признавалась религией народа, ему подчинявшегося.

С развитием капиталистической системы, международной торговли, быстрым ростом населения и первыми признаками урбанизации, правящим элитам европейских стран нужна была новая форма лояльности населения, его контроля и мобилизации на новые виды деятельности. Старые формы — общинная, религиозная и региональные идентификации стали стремительно устаревать, будучи неадекватны новым реалиям.

В начале XIX века национализм окончательно вытесняет старые формы идентификации и становится главным элементом государственного строительства в Европе. В это время национализм становится основополагающей чертой современных европейских государств, где европейская элита больше не могла контролировать быстро развивающееся общество прежними авторитарными методами.

Вместе с тем, национализм повысил мобильность таких европейских государств, как Нидерланды, Португалия, Испания, затем Франция,

Великобритания и в конце XIX века Германия, Италия. Эти страны к этому времени разделяют мир на зоны влияния.

Кроме того, национализм помог установить современные международные отношения и мировую систему, к которой всем новым государствам необходимо было приспособливаться. Неравномерность экономического развития различных стран, проистекающая из самой сути капиталистической системы, характерной для того этапа его развития, приводит к тому, что Германия вышла на мировую арену намного позднее, чем другие европейские империи. Противоречия национально-государственных интересов ведущих капиталистических стран привели к I мировой войне.

После I мировой войны, в результате ее незавершенности, Европу окутывают новые волны национализма. Впервые появляются современные образы границы, нейтральная полоса, национальная диаспора, визы, таможи. Экономическая депрессия, вследствие несбалансированного, несогласованного роста экономики Европы и Америки, закрытость рынков от внешней экономики, экономическая автаркия, развитие тенденций к абсолютному самообеспечению, — все это вызвало к жизни новые формы национализма. На фоне экономической депрессии, реваншистских амбиций германского руководства, недовольного результатами I мировой войны, в Германии к власти приходит фашист-

ский режим Гитлера, развязавший II мировую войну.

Опять же рост государственного национализма в Европе до апогея, создание восточноевропейских государств и связанного с ним взаимного недоверия, не позволил создать систему европейской коллективной безопасности против Германии в 1930-х годах.

Таким образом, совершенно справедливо многие историки называют период с 1914 г. по 1945 г. *одной глобальной войной*. История самым жестоким образом показала европейцам всю силу всеразрушающего механизма национализма.

Лишь по окончании II мировой войны Европа встает на путь региональной кооперации. Сначала создается Европейский союз угля и стали (1951 г.), т.к. у Германии была руда, а у Франции уголь для выработки стали. Этот союз заложил основу для общего европейского рынка. В 1957 г., во Франции, Германией, Бельгией, Нидерландами, Италией, Люксембургом подписан Римский договор о создании Европейского Экономического Союза.

Интеграция побеждает национализм в Европе путем создания европейской государственной бюрократии — умных, высокообразованных людей, имеющих личную заинтересованность в интеграции европейского населения по религиозным, экономическим, политическим убеждениям.

Однако, разрушительный механизм национализма уже был заложен в международную систему и бывшие колонии Европы внедрили этот механизм в свою государственную систему. Саморазрушение национализма заключается в том, что все государства, как и люди, движимы, образно говоря, инстинктами самосохранения. Ими являются национальные интересы государств. Но их реализация должна учитывать правила, установленные международной системой.

Молодое государство, провозглашая национальную независимость, заявляет о своих национальных интересах. И здесь возможны различные коллизии, т.к. с развитием новых государств растут масштабы национальных интересов, что гигантски усложняет процедуры их согласования. При отсутствии политической воли руководства стран по созданию практически работающей системы взаимосогласования неизбежно назревает конфликт с национальными интересами других государств, принимающий самые различные формы, в том числе и военного противоборства.

Третьим историческим уроком может служить новейшая история стран арабского мира. Историческая практика наглядно показывает, что отсутствие общей политической, военной, культурной стратегии и соответствующей тактики для стран, имеющих общие региональные интересы, приводит, в конечном счете, и к утрате возможности добиться национально-государ-

ственных интересов каждой страной в отдельности.

Так, после 1948 г. страны Ближнего Востока — бывшей подмандатной колонии Англии и Франции — стали одна за другой провозглашать независимость. Но уже через десять лет каждое независимое арабское государство состояло в конфликте по крайней мере с одним из своих соседей. И сейчас, через 50 лет Ближний Восток продолжает оставаться наиболее горячей точкой планеты. Военно-экономическая угроза исламского мира — это миф, который используют некоторые заинтересованные силы. Исламской угрозы не существует хотя бы потому, что арабские страны, как все другие страны с мусульманским населением, разделены по национальным интересам.

Раздробленность арабского мира была и остается выгодной некоторым заинтересованным силам, так как это, во-первых, сохраняет влияние этих сил в регионе, которые играют на конфликт между арабами; во-вторых, не дает арабским странам проводить единую экономическую, в том числе нефтяную, политику. Думаю, что этот исторический урок также должен учитываться молодыми независимыми государствами Центральной Азии.

* * *

При учете вышеприведенных уроков истории страны Центральной Азии имеют возможность

стать сильным и независимым регионом, т.к. впервые за последние 500 лет наш регион становится экономически важным для мировой экономики.

До конца XV века Центральная Азия оставалась важным регионом мировой экономики. Наш регион являлся стратегическим местом, который соединял Восток и Запад. Однако, вследствие раздробления Монгольской империи на мелкие государства, а затем и развала Золотой Орды, транспортировка по Шелковому пути стала дорогой, небезопасной и непопулярной. Европейцы пересели на корабли, и транзитные государства Евразии заметно обеднели и ослабли. С увяданием Шелкового пути Центральная Азия становится отсталой периферией. А ведь именно в консолидации военных сил и едином контроле транзитной торговли заключалась сила тюрков, которые контролировали большую территорию евразийского континента и, в особенности, ее транспортные артерии. И воевали не для того, чтобы покорять оседлые народы, а для того, чтобы заставить последних торговать с тюрками и давать кочевникам свободный доступ к морю.

К концу XX века ситуация в Центральной Азии изменяется с получением независимости. Теперь, в дополнение к тому, что Центральная Азия укрепляет свои транзитные возможности, регион сам становится поставщиком ценного на

мировом рынке товара – нефти и газа, рудного и сельскохозяйственного сырья. По примерным маршрутам древнего Шелкового пути в XXI веке будут проходить нефтегазопроводы, по которым станут перегонять центральноазиатские нефть и газ как на Запад, так и на Восток.

Однако для развития как транзитной торговли, так и экспорта нефти и газа для народов Центральной Азии, как и в древние времена, выгодны и нужны единая внешняя экономическая политика, единый таможенный, налоговый контроль, единая система безопасности. Чтобы не допустить превращения Центральной Азии в чью-то провинцию, выполняющую роль сырьевого придатка, у нас в запасе есть время. Предположительно, это период между 2000-2020 гг., который будет характеризоваться относительно умеренным военно-политическим влиянием мировых держав на Центральную Азию.

В этой новой геоэкономической ситуации страны Центральной Азии смогут защитить свою независимость только в случае взаимозависимости друг от друга. Центральноазиатская интеграция – это путь региона к военно-политической, экономической независимости на мировой арене. Только в этом случае наш регион будет уважаем во всем мире.

В XXI веке геополитика постепенно уступит место геоэкономике. Другими словами, экономические интересы будут диктовать военные и политические интересы. На глобальном уровне

создание экономических блоков, опирающихся на военно-политические средства защиты угрожает: а) принципам свободной торговли; б) созданию многополярной мировой системы. Вместе взятое это может привести к новому переделу мира на сферы влияния и новым глобальным конфликтам.

Важно заметить, что первая половина XXI века будет отмечена соперничеством великих держав за доминирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И в наших интересах, интересах государств Центральной Азии, важно занять правильную позицию по отношению к этому глобальному геоэкономическому феномену.

На мой взгляд, разрабатывая общую стратегию стран Центральной Азии, следует детально учесть как причины прежнего успеха “азиатских тигров”, так и все промахи арабских стран, приведших арабский мир к раздробленности и неспособности проводить единую и согласованную политику в общих интересах.

Кроме того, необходимо учитывать, что советское наследие оставило центральноазиатским странам целый клубок экономических, этнических и других проблем, к которым теперь добавляется и некоторое несовпадение краткосрочных национальных интересов.

Мы уже сейчас должны разработать пакет мер, предотвращающих конфликты между центральноазиатскими странами. Заключенный Договор о вечном мире между Казахстаном,

Узбекистаном, Кыргызстаном служит доброй базой, для этого мы и должны работать над его практическим осуществлением. Для центральноазиатской интеграции и сближения наших государств в будущем как народов, имеющих общую историю, культуру, язык, веру, центральное значение имеют отношения Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, казахского, узбекского и кыргызского народов.

Нам, лидерам центральноазиатских стран, уже сегодня надо понять и взять на вооружение тезис, что любая агрессивная попытка формирования национального государства с узко понятыми национальными интересами, без учета общерегиональных, нарушит стратегический баланс в Центральной Азии. В этой связи, разрабатывая национальную стратегию, как казахские, так и узбекские и кыргызские политики должны руководствоваться взаимной ответственностью за результаты разрабатываемой политики и основываться на взаимном уважении национальных интересов всех центральноазиатских стран. Только в этом случае мы будем достойны наших общих великих предков.

Для интеграции нашего региона у нас имеются более сильные предпосылки, чем в свое время у европейских стран. К ним можно отнести общность следующих факторов – внешних угроз; культурно-исторических корней; религии; экологических проблем. Кроме того, от Советского Союза нам достались общие экономи-

ческие, финансовые, образовательные и экологические стандарты. О таких предпосылках для интеграции архитекторы Европейского Союза только могли мечтать.

В экономической сфере нам необходимо сделать следующее – укрепление действующей единой экономической зоны; повышение роли и статуса Центральноазиатского банка развития; создание многостороннего Таможенного союза; создание общего сельскохозяйственного рынка; проведение единой внешнеэкономической политики; создание единой транспортной системы; создание и укрепление трехсторонних транснациональных компаний; создание “Общего рынка”; и, наконец, в будущем – создание единой валютной системы.

КОЛЬЦА ИСТОРИИ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПАМЯТЬ

Прошлое находится не где-то
там,
в своем времени,
а здесь, во мне.
Прошлое – это я,
это моя жизнь.

Х. Ортега-и-Гассет

Если мы хотим быть государством и строить нашу государственность надолго, то важно понять истоки духовности народа. Рассмотрим один из возможных вариантов такого поиска.

Подходы к нему лежат в основании народной мудрости. У казахов есть пословица: “Жеті атасын білмейтін ер жетесіз, жеті ғасыр тарихын білмейтін ел жетесіз” — сын, не знающий семерых своих предков — бестолочь; народ, не знающий свои прошлые семь веков, — без поводыря или без будущего.

Однако нельзя ограничиваться и семью веками, ибо история наша логически и географически связана незримыми нитями со множеством других имен и народов, которые в той или иной степени оставили свой след в генной памяти многих современных культур евразийского “хартланда”, в том числе и в культурном коде казахов.

Возьмем развитие духовности на нашей территории в течение 6 тысяч лет. При анализе можно выделить следующие этапы:

Первый этап. Освоение всей территории сегодняшнего Казахстана неисчислимыми племе-

нами древних ариев-скотоводов. Древние жрецы организуют успешную жизнь своих семей, родов, племен, вождей на основе священных законов своего народа. Храмовые комплексы Синташты и Аркаим в Южном Приуралье являются материальным свидетельством воплощенного духа народа того времени.

Второй этап. Примерно 4-5 тысяч лет назад центр истории и духа ариев постепенно перемещается с севера на юг, с Южного Урала в долину Инда. Их эпос записывается там в виде Вед, а на юго-западе Ирана в виде Авесты. Духовная жизнь оставшихся народов медленно идет на спад. На территории сегодняшнего Казахстана осталось, пожалуй, единственное святилище тех лет — урочище Тамгалы. А более поздним воплощением древнеарийского духа на нашей территории являются царские курганы саков — Иссык, Бесшатыр.

Третий этап — 3-4 тысячи лет назад. На Востоке, в пригобийских степях зарождается мощная волна протогуннов. 2,5-2 тысячи лет назад она постепенно накатывает на нашу территорию. На древние ведические пласты духовности напластывается новая молодая волна — тенгрианство хунну-гуннов, в форме троицы: Тенгри — небо, Жер-Су — земля-вода, Умай — вечная мать.

Верования хуннских жрецов постепенно внедряются в повседневный быт потомков сакско-сарматских племен. Дух пришлых хуннских на-

родов напластовывается на дух потомков древних ариев в плавильных котлах первых двух хунну-гуннских империй.

Четвертый этап — 1,5 тысячи лет назад потомки хуннов — тюрки — тюркуты рода Ашина — дети древней жреческой династии племен жунди с плато Ардос вносят новую струю в духовную жизнь местных жителей. На волне этого нового духовного прилива вырастает первый Тюркский каганат — Вечный Эль. Эта третья империя объединяет под своим крылом все местные сакские племена с теми тюркскими племенами от Байкала до Каспия, которые в течение предыдущего тысячелетия рассеялись здесь под влиянием неукротимого духа хунну-гуннов.

Фактически единый пирог Великого Эля имел как минимум трехслойную начинку.

В верхней северной его части в основном находились народы племенного союза кыпчаков.

В нижней южной его части располагались народы племенного союза тогузов или огузов.

А в центре эти два слоя скреплялись цепким звеном тюркутов рода Ашина.

Южный слой — огузский, эпос которого был выражен в “Сказании Деда Коркыта”. Изобретенный самим Коркытом кобыз до сих пор воспроизводит священные вибрации духа народа того времени.

Центральный слой выразился в частично со-

хранившихся генеалогических легендах о происхождении тюрков рода Ашина от молодого тюркского князя и волчицы. Посмотрите на стелу с урдуязычной надписью Избугута в Монголии — каменную канву тюркского духа, отпечатанной навеки в душе потомков древних тюрков. Эти же легенды сохранились в китайских письменных памятниках Джао-ши и Дайши.

Северный этнический слой будущего казахского народа — кыпчакский — сохранил канву духа в письменных памятниках несколько более позднего периода. В первую очередь это Codex Cumanicus — памятник кыпчакского языка XIII века с наиболее яркими образцами фольклора кыпчаков, загадками, афоризмами, пастушьими песнями, и далее — все произведения кыпчакского героического эпоса.

Таким образом, три ветви или части единого тюркского эпоса — это как бы три кольца становления тюркской духовности в Казахстане, оставившей след в культурно-исторических архетипах современных тюркских народов, в том числе и казахского.

Тюркизм-огузизм как единое вероучение опирался на мощную генеалогическую историю, на степную историологию, на родословные, возродившие племенных вождей в семье потомков Небесного отца. Это была новая степная идеология, а фактически и новая религия.

Пятый этап. 1300 — 1100 лет назад духовный

центр тюркских народов запульсировал на Востоке, на Орхон-Енисее. Памятники государства древних кыргызов, рунические надписи Тоньюкука, Кюль-Тегина на орхоно-енисейских каменных стелах. Естественным продолжением этого импульса тюркского национального духа стал в X веке эпос “Манас”.

Это высочайшей пробы духовный артефакт, сотворенный пракрыгызами (современный кыргызский народ в большей мере, чем кто-либо, может называться его создателем), возвышал духовность как праказахов, так и других предков современных тюркских народов. Возникшее в более поздние времена неразделимое единое тело тюркского народа было пронизано духовным светом, исходящим от этой могучей духовной вершины.

Шестой этап. 1100 – 900 лет назад с Юго-Запада на территорию Казахстана начинает накатывать мощная волна арабо-исламского духа. Она пока не задевает глубоких слоев народной души, однако ее влияние весьма существенно. Национальная элита не только принимает ислам, но и меняет язык. Рунические письма ранних тюрков стираются пришлой арабской вязью. Новая духовная волна с юго-запада проявляется в деяниях культурно-политической элиты народа.

Три ее духовные звезды первой величины той поры – Аль-Фараби с Сырдарьи, Юсуф Баласагуни с Семиречья и Махмуд Кашгари.

Аль-Фараби сыграл роль тюркского Платона в Центральной Азии. “Благодатное знание” (“Кутадгу билиг”) Юсуфа Баласагуни — это первое дошедшее до нас светское сочинение тюркоязычных народов Казахстана и Средней Азии. Словарь тюркских наречий “Диван-лугат-ат-тюрк” Махмуда Кашгари — это первая тюркская энциклопедия XI века.

Седьмой этап — XI век — ознаменован наиболее сильным духовным светом из Туркестана. Первый суфий из тюрков — Ходжа Ахмет Яссауи родился в 1093 году. Он закладывает основы тайного ислама — суфизма в его бытовой народной версии, который довольно быстро достигает севера и востока Казахстана. Ходжа Ахмет Яссауи выткал национальную духовную систему для всех тюркских народов Центральной Азии, в том числе и Казахстана.

С именем Яссауи связано не только начало исламизации тюркских народов, но и процесс взаимовлияния тенгрианской (шаманистской) и мусульманской культур. Исламская культура средневекового Казахстана имела свою специфику, мало соответствовавшую догмам нормативного ислама.

Суфизмом Яссауи были проникнуты все уровни менталитета тюркоязычного общества того времени.

В яссавийа сохранили свое значение элементы тенгрианства как символы, составлявшие

жизненную, практическую философию тюрков. Именно через учение Яссауи ислам стал духовным образом жизни казахов, сопровождая их на протяжении последующих восьми веков. Оно стояло у истоков образования Казахского ханства и казахской народности.

Хикметы (“Слова мудрости”) Ходжи Ахмета Яссауи несомненно должны стать одной из частей духовной истории казахов, если таковая будет написана. Мавзолей Арыстанбаба — учителя Яссауи в Отраре и самого Ходжи Ахмета Яссауи в Туркестане — это важнейшие центры национальной духовности казахов. Мавзолеем Х.А.Яссауи стал символом казахской государственности, в более позднее время выполнявшим роль общенационального пантеона, в котором хранится прах великих представителей казахского народа. Поэтому мы правильно делаем, восстанавливая этот замечательный памятник, обращая внимание нации к этому объединяющему центру.

Восьмой этап — XII — XIV век. Начало первой великой драмы казахских предков — нашествие Чингизидов. Это была мощная разрушительная волна, первая колонизация казахского народа, которая сильно деформировала его историческое тело, его дух и во многом затормозила естественное развитие единого казахского народа. Начало этого периода отмечено появлением легендарного Майкы би. Он, по преданию,

родоначальник института биев в нашей истории.

Выступив объединителем всех казахов в один народ, Майкы би стал основателем легендарной генеалогии казахов, в которой естественно переплетались домусульманские и мусульманские верования.

При этом предания говорят, что именно он высек на камне “нұр тамғасы” – “светоносную печать” – главную тамгу всех трех казахских жузов. Знамя всех – символ уйсунув; Коз – глаза – символ аргынов; Найза – копье – символ алшинов.

Интересно, что именно в это время были сформированы четыре основных идеала казахского народа. Они выражаются в боевых кличах – уранах трех жузов: Бактияр – счастье – Старшего жуза, Ак жол – справедливость – Среднего жуза и Алшын – От-ана – Младшего жуза. Все эти три жузовых урана объединялись в едином уране для всех казахов как одного народа – Алаш.

В тот же период сам народ попадает в цепи четвертой империи – Чингизидов. Духовность народа подвергается очень неоднозначному влиянию одной из самых мощных имперских идеологий и вероучений того времени – чингизизма. По сути чингизизм выступал новой религией, не понятой до конца. Ведь это была не только неодолимая физическая сила и грубая воля, но и революция духа, обосновывающая и под-

держивающая строительство великой империи чингизидов.

Господствующий до этой поры тюркизм, огунизм степняков, ураны (жузовые и общий — Алаш) и их прежняя родословная были исторически вплетены в новую генеалогию и частично стерты из памяти народа.

Практически с этого времени, два инородных для тюрков сословия белой кости (ак сүйек) — торе и кожа — были поставлены над родоплеменной элитой тюрков, тем самым лишая ее и политической, и духовной власти. Торе являли собой Чингизидов, а кожа — духовную власть прямых потомков Мухаммеда и его пророков. Вместе с тем, сами представители этих слоев с течением времени ассимилировались с местным населением, восприняли их обычаи, традиции, особенности менталитета, влились в общую духовность казахского народа.

Письменные памятники монголов буддистского имперского духа монголов-чингизидов, такие как “Сокровенное сказание, или Тайная история монголов”, “Яса” — свод законов Чингисхана — по необходимости являются частью духовной истории казахов. Чингизиды как часть истории народа в течение веков завоевали у простых людей не только ненависть, но и популярность, поклонение. И это нельзя сбрасывать со счетов.

Девятый этап — XV-XVII века. Со времени

образования, примерно в 1466 году, первого Казахского ханства закладывается основа для естественного развития общенародной духовности. Пусть даже в условиях формального господства “торе” и “кожа” над местной национальной элитой.

Во-первых, дух народа пылал в сердцах его поэтов, композиторов и сказителей. В творчестве духовных вождей нации этого периода, таких, как Асан Кайгы, Шалкииз жырау, Бухар жырау формировалась и развивалась истинно казахская духовность. Такие произведения героического эпоса того времени, как “Кобланды батыр”, “Камбар батыр”, поэмы “Козы-Корпеш и Баян-Сулу”, “Кыз-Жибек” и другие лежат в самой основе казахского национального духа.

Во-вторых, именно в это время, после откочевки ханов Джаныбека и Гирея в Семиречье дух народа впервые открыто выражает себя в выговаривании своего собственного исторического имени — казахи. А с укреплением этого ханства со второй половины XV века все подвластное им население называется казахами — как внутри страны, так и среди соседей.

И в-третьих, в этот же исторический период боевой дух народа выразил себя еще в одном знаменательном волевым акте. В первой половине XVII века три великих бия трех жузов — Толе би, Казыбек би и Айтеке би составляют вместе с ханом Тауке исторический документ

“Жеты-Жаргы” – семь заповедей, семь установлений – кодекс обычного права казахов.

К концу этого этапа Казахское ханство фактически рассыпается на несколько самостоятельных квазигосударств. Результатом являлось дробление духовных и физических сил единого казахского народа.

Такое дробление существенно замедлило развитие народа и через 2-3 века закономерно привело его на грань катастрофы. Этим быстро воспользовались колонизаторы, которых было достаточно вокруг нашей территории.

Началось 250-летнее нашествие джунгаров – фактически одного народа с нами. Но силой исторических обстоятельств два народа были противопоставлены друг против друга, и началась братоубийственная война. Опять же благодаря усилиям великих Толе би, Казыбек би и Айтеке би народ объединился для отпора в решительной битве возле реки Боланты. В 1729 г. в местности Анракай состоялась историческая битва, где решался вопрос – быть казахскому народу или не быть. Мы до сих пор не отдали дань этому великому событию и наши дети, да и мы сами, мало знаем об этом героическом периоде нашего народа, исторически ярком моменте взлета духа казахского народа.

Десятый этап – это XVII-XIX века. В этот период боевой дух казахского народа проходит тяжелое испытание на прочность.

Как я говорил, это война с Джунгарией, вторгшейся на нашу территорию. В годы великого бедствия 1723-27 гг. начинается проверка на выживание казахского народа. В ряды защитников нации вливаются такие яркие выразители боевого национального духа, как Богенбай батыр, Кабанбай батыр, Наурызбай батыр и целый ряд других.

Единство народной воли было воплощено в Абылай хане. Подвиги Абылай хана — объединителя, который вместе с батырами творил чудеса героизма, стали одной из опор возрождения казахского духа в тот жестокий век.

Наряду с этим продолжается и более мирная духовная работа, которую ведут Толе би, Казыбек би, Айтеке би — духовные лидеры нации. Вместе с Абылай ханом они продолжают собирать нацию воедино, не взирая на все внешние и внутренние раздоры.

Несмотря на все препятствия, все это время Дух народа вел незримую неустанную кропотливую работу, выражаемую в обрядовых церемониях рождения и смерти, национальных песнях и танцах, праздниках, в повседневной жизни, радости и горе простых казахов. Эстафета духа народа передавалась из поколения в поколение в формах сохранявшейся традиционной земледельческой и скотоводческой магии, в секретах народного целительства, которыми ведали степные шаманы (“баксы”).

Мне приходилось говорить о том, что надо бы переписать в каждом регионе, в каждом ауле историю населенного пункта, аула, горы, реки, обычаи этих мест. Что говорят, когда рождается ребенок, как его благословляют? Что говорят на свадьбах? Что говорится на похоронах? Какие исторические легенды связаны с каждым населенным пунктом? Почему эти, а не другие названия они носят?

Ведь все это и составляет нашу историческую память. Это и есть культура народа, которая никогда не исчезнет, если мы зафиксируем ее.

Итак, в середине XIX века в духовной жизни национального духа назревают новые, не известные ранее моменты. Это мирное повседневное самостроительство казахской духовности чередовалось необходимостью вооруженной защиты своей идентичности, своего миропонимания и национального образа мира. Это зачастую имело не духовные, а политические основания. Так, восстания под водительством Сырыма Датова, Кенесары Касымова и других были попытками самоопределения казахского национального духа, объединения сил всех казахов в борьбе против общего врага — российского самодержавия.

Казахский народ попадает в объятия следующей, пятой империи — Российской. И опять же из-за раздоров, отсутствия единства, разделения территории казахов на маленькие ханства все

потуги были обречены на поражения, т.к. возможность отразить внешнее вторжение, противостоять внешнему врагу имеет основой силу внутреннюю, а не наоборот.

Именно об этом писал Абай в своих “Назиданиях” (“Қарасөз”), предлагая казахам исправление мира начинать в первую очередь с самих себя.

В конце этого этапа, как стремление духа нации выразить себя в созидании, а не в разрушении, вспыхивают две яркие духовные звезды – Чокан и Абай. Чокан Валиханов, прямой потомок хана Абылая, нес в своей родословной богатейший духовный заряд предков. То, что он очень хорошо его ощущал, свидетельствует вся его короткая, но насыщенная духовная жизнь. Именно поэтому он в первую очередь исследует древние глубочайшие корни казахского духа – зороастризм, шаманизм, мусульманство. Он первым обнаруживает глубинную зороастристскую природу казахского шаманизма.

Трудно преуменьшить сложность и драматичность противоречивого процесса развития казахской духовности в период российской колонизации.

Казахская духовность находилась в состоянии постоянного конфликта своих глубинных ценностей с ценностями метрополии. Казахский народ был подчинен логике чужого социального и культурно-цивилизационного комплекса.

А ведь конфликт ценностей двух культур — это конфликт разных способов мышления, разных картин мира, разных “логик”.

Поэтому вначале общение цивилизаций происходит через пропасть непонимания. Совершенно закономерным является длительная полоса войн, вооруженных восстаний и выступлений, отторжения и изоляционизма, и, наконец, глухого неприятия и бессильной злобы.

Затем наступает полоса, когда отдельные люди прозревают будущее, сумму ее неотвратимых требований.

Но вместе с тем, понимают также, какие нужно избрать пути, чтобы, идя на отдельные компромиссы, не потерять главное — идентичность народа, ее внутренние ценности, сотворенные им за века.

И должны были найтись люди, которые силой своего гения предугадывают направления движения истории. Они своей личной творческой судьбой совмещают две культуры. Само их творчество не есть субъективная драма или патетика в сознании отдельного человека, а есть исторический момент взаимоперехода культур, цивилизаций еще до того, как это будет иметь место в самой действительности как масштабное и распространенное явление.

Именно они рождают истоки новой логики как логики взаимопонимания, а не конфронтации двух смысловых и, одновременно, ценно-

стных миров. Они в своих титанических творческих прорывах формулируют новые, более высокие метафоры, смыслы и ценности.

Казахская национальная картина мира в то время существенно отличалась как от окружающих европейских (в ту эпоху оно было представлено русской культурой), так и восточных (тюрко-мусульманской — среднеазиатские ханства). Окружающего номадического мира уже не существовало. Только казахи остались последним огромным материком кочевой цивилизации на просторах Евразии. И он, в условиях колонизации, разрушался более стремительно, чем когда-либо в своей долгой истории.

Гении начинают свою божественную работу с критики тех оснований национальной ментальности, которые уже тормозят, затрудняют движение народа в будущее. Абай глубоко понимал, что развитие казахской духовности не может развиваться в прежних формах. Если раньше она в основном выступала саморазмышлением казахского народа, обращенным в прошлое, то Абай фундаментально перевернул саму проблему — он поставил задачу осмыслить место казахского народа в потоке текущей и предстоящей истории.

Поскольку начинал он как поэт, то это коснулось фундаментальной реформы казахского художественного мира, являвшегося основанием всего казахского духовного мира. Но, пони-

мая, что художественное слово, какое бы исключительное место в самосознании казахов оно бы ни занимало, имеет свои принципиальные границы, он шагнул за рамки собственно поэтического творчества.

Абай стал мыслителем своего народа. Напряженные, мучительные поиски места казахского народа в мировой культуре, его будущности среди народов человечества привели Абая к открытию ряда фундаментальных причин отставания казахского общества от требований современной ему эпохи.

В своем творчестве он обращался к мыслителям как Востока, так и Запада. И здесь сказалась вся масштабность его видения реальной истории, сложившейся к его времени.

У этого измученного гения хватило души на весь народ. И до тех пор, пока казахи существуют на Земле, они постоянно будут чувствовать духовную эманацию этого великого человека.

В целом, надо учитывать, что казахская культура, относясь к оригинальной и самобытной ветви восточной цивилизации, не утратила свою корневую идентичность, несмотря на вхождение в орбиту культурно-цивилизационного влияния Российской империи.

Именно такое конструктивное начало народного духа выражали в своих кюях Курмангазы,

Даулеткерей, певец Биржан, народная поэтесса Сара. Таким же ярким выражением народного духа, но в другой духовной сфере, был Ибрай Алтынсарин – первый апостол народного просвещения Казахстана. Десятки, сотни менее известных, но не менее ярких духовных учителей, выражающих в своих личных судьбах дух казахского народа, ждут своих исследователей, которые донесут до широких казахских слоев деяния своих предков по укреплению казахской идентичности.

Следующий, *одинадцатый этап* – XX век. После падения Казахского ханства в XVIII-XIX веках мятежный дух казахов ищет выхода в самых различных формах. Власть торе и кожа ослабевает, их место пустеет и никем пока не занято. Пятая империя – Российская – рушится, и у казахов вновь появляется возможность строить свое государство. Первую такую попытку предприняли в 1917 году лидеры “Алаш-Орды” Алихан Букейханов, Мыржакып Дулатов, Ахмет Байтурсынов и другие.

Как бы то ни было, благое дело “Алаш-Орды” закончилось очень трагично. Этот горячий порыв молодых образованных представителей казахского национального духа не смог найти воплощение в жизнь в силу сложившихся в то время обстоятельств.

Итак, с 1917 по 1920 гг. национальный дух казахов опять попадает под тяжелое духовное

иго. Казахстан входит в состав шестой империи — СССР, которая не была заинтересована в подлинном самоопределении казахского духа, казахского народа. Это был новый драматический поворот в развитии казахской духовности. Одни физические репрессии унесли почти половину нации.

Многовековая духовная несамостоятельность, внутренние межказахские родоплеменные разборки, жузовые амбиции, отсутствие единства воли в народе, так и не преодолевшего свою тройственность (разделение на жузы), — все это дало возможность новой власти нанести колоссальный ущерб становлению единства нации.

В немалом это была расплата нации за свою несамостоятельность, отсутствие единства и, как следствие, потерю темпов развития на предыдущих этапах. Эта беспрецедентная в истории человечества идеологическая машина 70 лет перемалывала духовные основания нации, занималась стандартизацией и унификацией духовности Казахстана.

Двенадцатый этап начинается с середины 1980 года. Он отмечен всплеском народного духа. Это Желтоксан 1986 года. Хотя там было больше политики, чем духа. И сегодня нация на перепутье. Шестая империя рухнула.

Но свято место пусто не бывает. Окажемся ли мы в следующей седьмой империи или про-

должим самостоятельное развитие, осуществляя многовековую мечту наших отцов, наших дедов, наших далеких предков?

* * *

Мы говорили о железной поступи Хроноса по евразийской Степи, о единой семье разных поколений, о разных духовных источниках, которые накапливались на этой территории, подобно кольцам на многовековом древе.

Я категорически не согласен с известным выражением, что история учит только тому, что она ничему не учит. История действительно не учит тех, кто относится к ней как к собранию мифов.

Говоря о памятниках истории и отношении к ним, я имею в виду необходимость материальной фиксации того трудно определяемого “вещества истории”, что зовется национальным духом.

* * *

Только сейчас казахское самосознание впервые имеет возможность понимания своего национального “Я” в прошлом, настоящем и будущем – потоке истории... Но это лишь возможность, которая должна стать действительностью, фактом массового сознания не только казахов, но и всех казахстанцев.

И эта задача предстает перед нами не только и даже не столько как величайшая возможность, а как суровая необходимость. Решив ее, мы будем соответствовать нашему времени истории, не повиснем в пустоте исторического небытия...

Содержание

Сохранить свое национальное “Я”	7
Казахская Степь - часть Великого Тюркского Эля	77
Культурная перспектива.....	119
Наследие «Алаша» и современность	149
О национальной идентичности	179
Тоталитарное и национальное	223
Независимые государства Центральной Азии и уроки истории.....	255
Кольца истории и национальная память	271

НАЗАРБАЕВ Нурсултан Абишевич

В ПОТОКЕ ИСТОРИИ

(на русском языке)

Ответственный редактор *М. Кул-Мухаммед*

Редакторы *А. Прманов, А. Швыдко*

Художественный редактор *А. Искаков*

Технический редактор *М. Алимканова*

Корректор *Е. Кузнецова*

ИБ № 296

Сдано в набор 5.01.99. Подписано в печать 10.01.99.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная №1. Гарнитура таймс.
Усл.-печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 12,86. Тираж 20 000.
Заказ 24.

Издательство «Атамұра»,
480091, г. Алматы, пр. Жибек жолы, 157.

Полиграфкомбинат корпорации «Атамұра» Республики
Казахстан, 480002, г. Алматы, ул. М.Мақатаева, 41.

Судьба последнего номадического материка в центре Евразии, национальное самосознание и тайна могильников на семи холмах, тоталитаризм и великий правитель Бейбарс, диаспоры современного Казахстана и средневековая Индия, национальная консолидация и «Алаш» — все это причудливым образом переплелось в истории великого народа, давая силы и в непростые дни, переживаемые нами сегодня...

Н. Назарбаев